
Мечтать не вредно

Александра Кравец

Глава 1. Пари

Прямо на меня, утробно рыча и брызгая слюной, бежит тираннозавр. Под его мощными ногами гулко дрожит земля, над головой каркает какое-то летающее чудовище, а я, пятясь назад и втянув голову в плечи, отстреливаюсь от одного и другого. Но от моей базуки мало толку. Эти двое гонят меня к болоту. Повернуть и спрятаться совершенно некуда и негде — слева высятся скалы, а справа так некстати растут колючки. Так или иначе, но минуты мои сочтены...

И вдруг сердце встрепенулось и заклокотало где-то в горле, не давая кричать — это внезапно появилась третья опасность, что-то мокрое хлестнуло меня по спине, кто-то прокричал в самое ухо:

— Пэм! Ну сколько можно! Я как будто с глухой разговариваю! Оторвись, наконец, от этого дурацкого компьютера и поговори со своей матерью!!!

Сердце медленно опускалось на место. Но время ушло: Королевский тираннозавр величественно возвышался над «моим» крошечным трупиком, ставшая уже ненужной базука валялась рядом, а птеродактиль, нарезая круги в безоблачном небе, продолжал пронзительно каркать.

— Прости, мам, — пробормотала я, косясь на мокрое полотенце, которым она помахивала прямо перед моим носом и которое только что проехалось по спине. — Прости, я не слышала.

— Ну, конечно! — язвительным тоном произнесла мать. — Орала как потерпевшая, разбудила Дэни. Меня не слушаешь, ничего по дому не делаешь. Уроки, небось, и не начинала готовить?

Ну вот, всегда так. Обвинения посыпались на меня как из рога изобилия. Но возразить-то мне нечего! Мама во всём права. Посуду я не помыла, в магазин не ходила, уроки не выучила. Да я даже не в курсе, который сейчас час. Но нужно же как-то за себя постоять!..

— Сейчас я всё сделаю. Я только на минуточку к компьютеру присела...

— Что?! На минуточку?! — Мамины глаза вот-вот вылезут из орбит. Чтобы этого не видеть, я отвернулась. — Ты прекрасно знаешь, во сколько я прихожу с работы! А я уже давным-давно дома! Всё кричу тебе из кухни, кричу, а ты что?!

— А я что? — эхом повторила я.

— Памела!.. Когда же ты, наконец, повзрослеешь? — Мама обессиленно упала на мою кровать.

— Я постараюсь побыстрее, — поспешно пообещала я.

— А твой брат вообще неизвестно где шляется, его мобильный не отвечает. Не дети, а... «Наказание» хотела сказать мама. Так оно и есть. Нолан старше меня ровно на год, но учимся мы с ним в одном классе — мама решила отдать нас в школу одновременно, чтобы нам было легче учиться вдвоём. Но из этой затеи всё равно ничего хорошего не вышло. Точные науки нам не по зубам, гуманитарные предметы вызывают лишь зевоту, ни музыкальных, ни каких-либо других особых талантов в нас до сих пор обнаружено не было. Одним словом, обычные, среднестатистические подростки.

— Может, хоть ты скажешь мне, где твой брат? — убитым голосом произнесла мама.

— Как где? — Я наморщила лоб, усиленно соображая, что можно говорить маме, а что нет. — Он у Брайана...

— Его там нет! — завизжала мама. — Я звонила Брайану Фуллеру, он ответил, что Нолана у него нет и вообще сегодня не наблюдалось! Вы бы хоть договаривались между собой, как матери врать будете, что ли!

У мамы мелко-мелко задрожал подбородок, её глаза наполнились слезами, послышался всхлип. Ну вот, сейчас она расплачется. Мне её жаль. Кажется, моя мама — самая несчастная женщина на свете. С отцом она развелась, когда мы с Ноланом только собирались идти в первый класс. Работает мама санитаркой в госпитале у нас в Ниа Бич, в две смены, чтобы её дети ни в чем не нуждались. Бэн — наш отчим и отец младшего братишки Дэни — слава Богу, редко бывает дома, так как промышляет тем, что убивает бедных китов. Я нарочно не беру денег из его рук и не ем то, что он покупает, ведь убивать китов — это плохо. Хорошо, хоть с Дэни у мамы особых хлопот не возникает, в свои шесть он переболел только ветрянкой, читает наш малыш едва ли не лучше Нолана, мастерски обращается со сложными паззлами и не надоедает нам с просьбами поиграть во что-нибудь. Поэтому самое большое мамино несчастье, её наказание — это мы с Ноланом.

— У него сегодня свидание. С Николь Моррисон, — тихо ответила я, решив всё же сказать маме правду, хотя Нолан взял с меня честное слово, что я не проболтаюсь. Да он бы мне ни за что не признался, куда идёт, я сама догадалась — иди он в гости к своему закадычному другу Брайану, Нолан ни за что бы не стал перед тем мыться, бриться, душиться и гладить любимую футболку.

— Сви... да-ние?.. — почему-то по слогам переспросила мама, как будто это было какое-то новое слово в её лексиконе. — Вы что, совсем с ума посходили?! Рано вам ещё по свиданиям бегать! Хотите меня бабушкой в тридцать четыре года сделать?!

Я обиделась. Ну почему сразу «вы»? Зачем обобщать! Это только Нолан так отличился. Лично меня на свидания ещё никто не приглашал. Хотя, кому я такая нужна?..

До поры до времени я абсолютно не обращала внимания на свою внешность. Лет так в тринадцать я, сняв с себя после долгой зимы мешковатые джинсы и облачившись в шортики, как-то решила покрасоваться перед зеркалом и с удивлением обнаружила, что мои бёдра округлились. А тут ещё Нолан подвернулся так некстати и обозвал меня Джей Ло. Уж не знаю, кто там считает её секс-символом, но лично мне она кажется толстой. «Джей Ло». Я ужаснулась и решила худеть. Перестала есть после шести часов вечера, всё как полагается. Зато стала украдкой ото всех кушать ночью, ибо мой молодой растущий организм бунтовал и просил белков, жиров и углеводов почему-то исключительно по ночам. В результате из Джей Ло я превратилась в Монсеррат Кабалье. Нет, я, конечно, преувеличиваю, до пышных форм Монсеррат мне ещё далеко, но щёки и бока я наела таки основательно. Нолан, а за ним и его дружки Брайан стали называть меня хомяком.

— Привет, Хомяк, — всякий раз приветствовал меня Брайан Фуллер и в школе, и дома, когда приходил поиграть с Ноланом в приставку.

Я обижалась, громко хлопала дверью и ненавидела Фуллера за его бесцеремонное ко мне обращение. Ничего, думала я, настанет когда-нибудь день, и я тебе отомщу. И продолжала «худеть» по своей методе.

— Боже мой, — мама продолжала делать из мухи слона, — как же я раньше ошибалась, думая, что самое неприятное в материнстве — это куча грязных пелёнок и температура 38 и 5. Чем старше детки — тем больше от них проблем.

Я была категорически не согласна с мамой и попыталась ей это доказать.

— Мам, ну что тут такого ужасного, если Нолан в кого-то влюбился? Скажи спасибо,

что он не пьёт, не колется и не ворует!

Я хотела как лучше, но получилось, увы, как всегда. Со словами «Этого мне ещё не хватало!» мама схватилась за сердце, а на её смуглом лице проступила зеленоватая бледность.

— Я давала вам слишком много свободы и карманных денег, и никогда не наказывала, — мама вздохнула и вытерла вспотевший лоб полотенцем. — Нужно было вас воспитывать совершенно по-другому.

Я растерялась и не знала, что мне делать — то ли возмутиться против такой вопиющей несправедливости и попытаться доказать, что мы ни в чём не виноваты, то ли уйти и сделать что-нибудь полезное на кухне, то ли присесть рядом с ней и просто поговорить по душам. Поговорить ни о чём, просто так, как это обычно бывает в нормальных семьях. Но мама опередила меня.

— Кажется, Нолан пришёл.

Да? Лично я ничего не услышала, но чуткие мамины уши, вероятно, уловили какие-то движения в прихожей или на кухне, и она рысью метнулась из моей комнаты, хлопнув дверью. Я вздрогнула. Висевший на двери плакат с изображением группы «One Direction» покачнулся и упал на пыльный коврик вместе со ржавой кнопкой, державшей его. Мама права, я жуткая лентяйка. Давно надо было убратся в своей комнате.

Но не сейчас. Сейчас нужно притвориться спящей. Или ещё лучше — мёртвой. Чтобы взбешенный брат меня не убил. Но справедливости ради первого всё же нужно убить Брайана, этот дуралей мог бы и догадаться прикрыть своего друга... Хотя мама наверняка приказала бы позвать к телефону самого Нолана. Но она права — нам нужно быть более изобретательными и научиться врать, если они с Бэном не перестанут считать нас маленькими и совершенно безмозглыми. Взрослые сами вынуждают нас обманывать их.

Однако я напрасно так переживала. Наутро, дрожа от страха за свою шкуру как осиновый лист на холодном ветру, я заглянула в кухню в надежде хоть чем-нибудь заглушить урчание в бедном желудке. На кухне Нолан, облаченный в одни бриджи, мирно жевал бутерброд с сыром.

— Привет, — как ни в чём не бывало прошептала я.

— Здоров, Хомяк, — ответил мой братец. — Хочешь колбаски?

Я проглотила слюну и отрицательно помотала головой.

— Если ты и дальше будешь уплетать по ночам чипсы и солёные орешки, — с умным видом произнёс Нолан, щедро поливая оливковым маслом отварной картофель, — то никогда не найдёшь себе нормального парня. И вообще — займись физкультурой. А то мне уже стыдно за тебя перед друзьями.

— Спорим — найду! На что хочешь спорим! — опрометчиво воскликнула я, глядя, как мой братец играет своими дурацкими бицепсами. В отличие от меня, Нолан следил за собой... нет, правильнее будет сказать — у него был настоящий культ здорового и красивого тела.

— Спорим на сто баксов, что не найдёшь и не похудеешь!

— На сто баксов? — я обомлела. — Слишком много!

— А что, ты так не уверена в собственных силах? — Он чуть не подавился от смеха. — Тогда давай на полтинник. И меньше времени. Скажем, месяца тебе хватит...

— Два, — стала торговаться я.

Нолан поморщился, оглядывая меня с головы до ног. Я вспыхнула. Чёртов урод!

— Ладно, пусть будет два, — смилостивился он. — Но только чур Брайана не подговаривать. Я его предупрежу.

— Да никогда в жизни я даже не посмотрю на него. Обещаю. — Я подала Нолану руку, и мы заключили пари, которое заставило меня изменить свою жизнь.

Нолан поднялся из-за стола и потянулся так, что у него захрустели позвонки.

— Слушай, — я умирала от любопытства, — а как ты вчера разрулил ситуацию с мамой?

— Я просто поговорил с ней по душам. — Братец широко улыбнулся. — И она мне ещё денег подкинула, чтобы я Николь сегодня в кино сводил.

Я задохнулась от зависти и треснула Нолана кулаком в рёбра. Ну, почему одним всё, а другим — ничего?! Нет в жизни справедливости.

Глава 2. Стратегия

Мудро решив, что в одиночку не справлюсь с таким важным делом как похудение и поиск подходящего кавалера, я позвала в гости Милли, свою лучшую подругу. Я точно знала, что Милли спец в этих делах — она уже полмесяца как встречается с Коллином Доусоном, а до того практически вся школа видела, как она прошла по пляжу под руку с Алексом Купером. Конечно, не Бог весть какой опыт, но всё же больше, чем у меня. А ещё она очень худая. От природы. Иными словами, лучшего примера для подражания мне не найти.

— Итак, мы выработаем с тобой настоящую стратегию. — Милли деловито потёрла нос и устроилась с ногами на нашем плюшевом диване.

Естественно, мы с ней понимали, что дело не в деньгах, на которые мы с Ноланом поспорили, дело в принципе. Не позволю каким-то там Фуллерам и Доусонам смеяться надо мной. Я докажу всем — и самой себе заодно, — что я классная, красивая, стильная, популярная, в общем, девчонка, что надо.

Дэни, игравший на коврике в кубики, громко икнул. Милли открыла блокнот и взяла в руки карандаш.

— Что мы имеем на сегодня? — осведомилась она. Я восхитилась её деловитостью.

— Ничего хорошего. — Я шмыгнула носом и уставилась на журнальный столик, на котором красовалась вазочка с печеньем, и моя рука машинально потянулась к ней. — Почти сто сантиметров там, где должно быть шестьдесят. И никакой личной жизни.

— М-да, — глубокомысленно изрекла Милли и покачала головой, — печально. Но поправимо. Р-р-руки прочь! — вдруг взревела она и хлопнула меня блокнотом по руке.

Я поперхнулась крекером и закашлялась.

— Если ты хочешь похудеть, то не ешь мучного, сладкого, копченого, жареного, жирного, калорийного... Никакого шоколада, солёных орешков, картошки фри, чипсов, бургеров, хот-догов, пиццы, газировки, пирожных, тортиков, мороженого...

— Стой, стой! — я испугалась, что не запомню. — А что тогда можно?

— Нельзя ничего! — отрезала подруга. — Пей воду.

Я застонала и прокляла сегодняшней день — день, когда мы с Ноланом заключили это долбаное пари.

— Я знаю, ты сильная, — смягчилась Милли. — Ты справишься. Это только поначалу трудно, потом втянешься и самой не захочется есть ничего лишнего.

— Да я и так мало ем, — вздохнула я.

— Этого недостаточно, нужно ещё заниматься спортом. Делай по утрам зарядку, качай пресс, бегай, запишись в фитнес-клуб...

— До ближайшего фитнес-клуба пятнадцать минут езды, — заныла я.

— Ещё не начала, а уже отлыниваешь! — возмутилась Милли. — На самом деле мне всё равно, где ты будешь бегать, главное — результат. Вот тебе задание на первую неделю.

Я с замиранием сердца смотрела, как Милли, наморщив лоб, что-то царапает у меня в блокноте. Выражение лица такое, будто она диссертацию пишет. Но у неё всегда так. А я пялилась на её впалые щёки и заострённый нос, на тоненькие ручки и костлявые ноги, вольготно лежавшие на светлом мамином диване, и черная зависть съедала мой мозг. Минут через десять Милли с довольным видом протянула мне блокнот. От прочитанного у меня глаза полезли на лоб в буквальном смысле, потому что меню, которое предложила мне

подруга, годилось только для самоубийц, добровольно решившихся заморить себя голодом. Дэни с громким криком стал бомбить свою башню из кубиков. Я снова обрела дар речи.

— Цель — похудеть на пять килограммов!.. За неделю! Милли, ты издеваешься надо мной! Это нереально.

— А что ты хотела? Красота требует жертв! — И она, приподняв свитерок, наверное, в сотый раз продемонстрировала мне свой плоский животик с красивой серёжкой в пупке. — А на выигранные деньги сделаешь себе такой же классный пирсинг.

— Эх, на что не пойдёшь ради того, чтобы стать красивой, — философски заметила я, — но что мы будем делать со второй частью пари? Как нам найти подходящего парня?

— Похудей сначала, — посоветовала Милли, — а парень сам найдётся.

Её бы слова да Богу в уши. Но ладно, она действительно права. А главное, у меня есть время — целых два месяца, спешить некуда. Но Милли будто бы мысли мои прочла.

— И не надейся, что у тебя куча времени в запасе. На самом деле два месяца быстро пролетят, оглянуться не успеешь. Так что не откладывай важные дела на потом.

— Правильнее будет сказать — не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня, — поправила её я.

Милли хотела что-то сказать, но тут в наше пространство вторгся мой старший брат, растрёпанный, грязный и потный. Явно в баскетбол играл. Это он любит.

— О, привет двум самым заклётым подружкам! — с порога закричал он, а мы с Милли дружно запротестовали.

— Мы не заклётые, мы лучшие подруги! И ничто в мире не способно нас разлучить! — завизжали мы одновременно. Нолан только руками замахал в ответ и ретировался на кухню. Обедать! Вкусно! А у меня теперь другие приоритеты в жизни...

Милли поднялась с дивана и, отряхнув коротенькую джинсовую юбочку, стала прощаться. Мы поцеловались и договорились через неделю проверить результаты моей силы воли.

Глядя в окно на ритмично подпрыгивающий помпон на шапочке моей хорошенькой и стройной подруги, удаляющейся в вечерние сумерки, я в очередной раз умерла от зависти.

— Ты тоже хочешь стать таким же скелетиком, как Милли? — поинтересовался Дэни, оторвавшись от своих кубиков.

— Она не скелетик, а фотомодель! — поправила я братца. Он ещё слишком маленький, чтобы знать толк в настоящей красоте.

С Милли мы дружим с самого раннего детства — мы ходили в один детский сад, сидели за соседними партами с младшей школы, болели одними и теми же болезнями, смотрели одни и те же мультфильмы, играли одними игрушками, понимали друг друга с полуслова, делились самыми сокровенными переживаниями и мечтали практически об одном и том же. У меня никогда не было сестры, но Милли я искренне считала своей родной сестрой, она была мне намного ближе, чем братья.

Однако Нолан отчего-то невысокого мнения о Милли, он говорит, что она глупая и слишком тощая — не за что взяться. Я напрочь отказываюсь понимать этих парней. Я, значит, слишком толстая, Милли — слишком худая, и то, и другое плохо. И где найти ту золотую середину, чтобы им понравиться?..

И я занялась самоусовершенствованием. Исполненная самых радужных надежд, я умирала от голода, но, словно Святое Писание, сжимала в руках клочок бумаги, где рукой моей стройной подруги были выведены правила приёма пищи. А точнее — почти полное

отсутствие таковых.

Я срывалась и мчалась к холодильнику, набрасывалась на шоколад и уплетала всю плитку за один раз, а потом распекала себя за малодушие и отсутствие силы воли. В отместку я истязала себя физической нагрузкой и наутро не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни шеей от боли в каждой клеточке своего тела. Я плакала от бессилия и злилась на саму себя, истерила, сдавалась, снова бежала к холодильнику и торопливо запихивала себе в рот всё, что попадалось под руку, словно боясь, что опомнюсь раньше, чем успеет насытиться мой бедный желудок.

Я пила воду литрами, веря в её чудодейственную силу. Но вместо того только чаще просыпалась по ночам в туалет. А просыпаясь, не могла не стянуть из холодильника хотя бы кусочек колбасы или сыра, так сильно урчал у меня желудок от голода. Однажды, в самую страшную ночь, когда у меня просто сводило от голода живот, а за окном хлестал дождь со снегом, я даже пренебрегла своим правилом ничего не есть из того, что покупает Бэн. Я съела банан и легла спать в полной уверенности, что наутро меня постигнет страшная кара. Так и было — меня тошнило до полудня и я прогуляла новую тему по матанализу. Так что не стоит поступаться собственными принципами, раз уж они у вас есть.

Написанные моей доброй подругой Милли правила я вызубрила наизусть и повторяла их про себя, словно волшебную мантру. Авось случится чудо и они действительно мне помогут. Говорят, вера творит чудеса. Я заставляла себя верить и сердилась на саму себя за то, что полна сомнений.

Следуя советам профессионалов, я прикрепилась свою самую отвратительную фотографию (нет, не на холодильник, так как слишком много народу могло её там увидеть) на свой монитор, чтобы ежедневно лицезреть себя толстую и некрасивую. И чтобы был стимул худеть и становиться стройной, привлекательной и сексуальной. И утереть нос Нолану и его друзьям, перед которыми ему, видите ли, стыдно за родную сестру.

Однако никакой пользы эта неудачная фотография мне не принесла. Глядя на свои пышные щеки и белозубую улыбку, я видела только довольного жизнью подростка, но никак не сгорающую от ненависти к себе толстушку. И... снова тянулась к холодильнику. После чего, превозмогая боль во всём теле от постоянных усиленных тренировок, снова брала себя в руки и, скрипя зубами, ложилась на коврик и начинала качать пресс. А на следующий день не могла дышать из-за того, что снова перетрудила мышцы.

И вот прошла неделя, я стала на весы, увидела результат и, несмотря на скептическое восклицание Милли о том, что я лентяйка, каких свет не видывал, — снова поверила в себя. Два сброшенных за неделю килограмма дались мне очень нелегко, но я справилась.

Однако я чувствовала, что стратегию, которую мы выработали вместе с Милли, придётся немного подкорректировать. В кои-то веки я присмотрелась к тому, что ест озабоченный своим внешним видом старший брат. Действительно, его рацион включал почти одни только полезные продукты. Он не питал никакой страсти ни к обожаемому мной шоколаду, ни к солёным орешкам, не курил, не употреблял алкоголь, а если и ел пиццу, то это никак не отражалось на его фигуре. Но всю свою сознательную жизнь Нолан активно занимался спортом, а я занималась только тем, что мечтала стать знаменитой актрисой, не прилагая к этому абсолютно никаких усилий.

В общем, чтобы окончательно не испортить своё здоровье, я основательно пересмотрела своё меню и стала питаться тем же, что и Нолан, только в меньшем количестве. Это дало потрясающие результаты — я стала понемногу терять вес и привыкла делать по утрам

зарядку. Однако всё ещё продолжала слышать в свой адрес: «Привет, Хомяк!» В ответ я сжимала кулаки и убеждала сама себя в том, что в актрисах не вес главное, а талант. А талант, как известно — это крупица Божьего дара и упорный каждодневный труд. Я верила: если смогу изменить себя и стать такой же стройной как Милли, то справлюсь с любыми трудностями. Какими бы они ни были.

Как-то раз, сияя гордостью за то, что смогла похудеть уже на четыре с половиной килограмма, я натянула на себя джинсы, которые не могла застегнуть на себе уже целый год, и решила продефилировать перед Ноланом, пусть оценит мои старания. Ведь Милли уверяла меня, что я заметно похудела.

Нолан был занят тем, что матерился и убивал зомби, которые толпами валили из-за холма. Я эту игру прошла ещё полгода назад и могла бы подсказать кое-что брату, чтобы он не повторял моих ошибок.

— Привет, что делаешь? — промурлыкала я и уселась к Нолану на компьютерный стол.

— Ты не видишь? — ругнулся брат. — Совсем глаза жиром заплыли? Вместе с мозгами?!

Я захлебнулась от обиды и подавила в себе желание вырвать шнур из розетки. Если бы я это сделала, то погибла бы на месте вместо голодного зелёного зомби. Я всего лишь хотела, чтобы Нолан увидел разницу между тем, какой я была две недели тому назад, и какой стала сейчас. А он так увлечен своей игрой, что не может даже глаза поднять на свою родную сестру. Дуралей. Пусть проклятые зомби сожрут его ещё много раз! Я молча поднялась, ущипнула его за ухо и пулей выскочила из комнаты. Ничего, что Нолан не оценил меня сейчас, тем заметнее будет разница спустя неделю или две. Я уже считала себя победительницей и была уверена, что, стоит мне сбросить ещё хотя бы пять кило, как все местные парни будут у моих ног. И не только они, но и парни из соседнего городка тоже. А я буду переборчивой девушкой, разобью не одно сердце, но выберу себе самого лучшего.

Проходя через узкую гостиную, я чуть не столкнулась с ползающим по полу Дэни, который катил одну из своих машинок вдоль выстроенных им башен из кубиков и пустых чайных коробочек. Естественно, я решила узнать мнение своего младшего брата.

— Ну как, Дэни? Есть результат? — Я сделала несколько красивых па перед самой высокой башней из разноцветных пачек из-под «Липтона» и «Английского завтрака», случайно задела её ногой, и пустые коробочки, задевая и стоящие рядом башенки, горкой рассыпались по плешивому ковру.

— Памела! — заверещал Дэни так, что у меня забулькало в левом ухе. — Ты как слон в посудной лавке! Нельзя ли поаккуратнее?!

Мои братья, кажется, сговорились между собой. Но ничего. Я им ещё покажу. Я стану первой красавицей Ниа Бич и мировой знаменитостью, а мои одноклассники вроде Фуллера и Доусона будут ещё локти кусать из-за того, что не обращали на меня внимания и обзывали хомяком, и в очереди стоять, чтобы получить от меня автограф. Обещаю! Или я не Памела Твистер.

Глава 3. Испытание

О достигнутых успехах обычно говорят: «Результат налицо». На моём же лице никакого результата не видно, хоть часами у зеркала стой. Пухленькие щёчки всё так же украшают моё смуглое курносое личико. Наверное, поэтому Нолан до сих пор ничего не сказал. Нет, результат есть, и пусть даже мои весы врут, показывая минус семь кэгэ (о Боже! Минус семь! Целых семь! За полтора месяца! А-а-а! Какая я молодец!), то по старой, висевшей на мне мешком одежде видно, что я издевалась над собой не зря.

Как-то раз в выходные мы съездили с Милли в Порт-Анджелес и вволю назанимались шоппингом. Я потратила все свои сэкономленные деньги, но потратила не зря — я обновила свой гардероб и приобрела пару новых джинс, красиво облегающих мои постройневшие ножки, свитер, несколько прикольных маек и даже купальник. Правда, купальник я купила в долг, Милли заняла мне пятьдесят долларов.

— Отдашь после того, как выиграешь пари, — заявила подруга. Помнится, она вроде бы хотела, чтобы я сделала себе такой же пирсинг, как у неё. И я пожалела, что не поспорила с Ноланом на более крупную сумму.

До того как я явилась в школу в обновках, вообще мало кто заметил, что я стала стройнее на целых семь килограммов. Помню удивлённые глаза Виноны, когда она сказала мне: «Бог мой! Памела! Да ты никак похудела?» Я проводила её презрительным взглядом, а Милли красноречиво фыркнула ей вслед. С тех пор мы с Виноной враги номер один.

Зато Нолану пришлось прикусить язык и он больше не обзывал меня коровой, хомяком, жиртрестом и иже с ними обидными прозвищами. Мало того, он даже похвалил меня. Мне стало ужасно приятно.

— Молодец, сестрёнка! — сказал Нолан и, взяв меня за плечи, покрутил туда-сюда, словно куколку. — Можешь ведь, когда захочешь!

— Кому-то вскоре придётся раскошелиться, — самоуверенно произнесла я. — Так что не спеши тратить свои денежки. Ты же помнишь, что мы с тобой поспорили?

— Конечно, помню. — Он сделал серьёзное лицо. — Не забудь познакомить меня со своим парнем, когда он у тебя появится.

— Всенепременно, — пообещала я и показала Нолану язык. Он только головой покачал в ответ.

Я хотела казаться беспечной, однако слова Нолана задели меня так сильно, будто солью посыпали на открытые раны. Потому что никакой любви, даже отдалённо напоминающей мне ту, о которой мечтают все девушки, я до сих пор не нашла, и это уже порядком действовало на нервы. Я поняла, насколько была наивной, полагая, что, стоит мне чуточку похудеть, как тучи поклонников слетятся ко мне, словно мухи на мёд. Ничего подобного не случилось, хотя я каждый день старалась надеть в школу что-то новенькое, красила губы и ресницы и улыбалась всем подряд. Единственное, чего я добилась — это всего лишь «Привет, Пэм!» от Брайана Фуллера вместо привычного «Привет, Хомяк!» Огромные надежды я возлагала на весенний бал, но там меня даже на танец никто не пригласил. И я поняла, что в родной школе мне ничего не светит.

Дело, наверное, в том, что в нашем городишке большой дефицит парней. Все они делятся на три неравные группы — одни либо заняты нашими предприимчивыми девушками, другие постепенно, но уверенно деградируют, а третьи — те, которые не так

давно называли меня хомяком. Да и этих можно по пальцам пересчитать — Мартин Фокс, Сэм Ривз, Брайан Фуллер, Коллин Доусон... Ах, нет, Доусон не в счёт — он всё ещё встречается с Милли.

Чем больше я смотрю на свою подругу, тем меньше мне хочется наряжаться и красить губы, иными словами, делать то, ради чего я собственно хочу выиграть наше с Ноланом пари. Парадокс, но это так.

— Ну, ладно, пока, котик, — громким шепотом Милли сообщает в свой мобильник, — нам уже пора прощаться... Да, эти ужасные уроки, мне их нужно учить!.. Ты же не хочешь, чтобы твоя кошечка получила очередную двойку?.. — Она так надувает губы, что становится похожей на тех дурочек с силиконом во всех местах, куда его можно засунуть. — Ты будешь по мне скучать?.. Только, пожалуйста, не умирай от тоски! — Милли хихикает, а я закатываю глаза и машу учебником французского, чтобы она поскорее закруглялась. — Ты же любишь меня, котик?.. А как? Сильно?.. — Подруга расплывается в довольной улыбке, а я злюсь ещё больше. — Я тоже тебя люблю. Я уже соскучилась, — начинает Милли по третьему кругу, и я окончательно теряю терпение.

— Всё, хватит! Заканчивай, иначе я отберу у тебя телефон! — наседаю я и грожу ей кулаком.

Милли притворно пугается и начинает нести ещё большую чепуху.

— Ах, любимый, мне пора! Меня зовут!.. Нет! Я у Памелы! — Милли умирает от смеха. — А ты что, ревнуешь?.. Ах, как интересно!.. Какой ты у меня смешной! Ты меня сильно любишь? Да?.. Пупсик мой, котик мой!..

Не в состоянии выслушивать эту любовную болтовню, я выхожу из своей комнаты и, пока Милли прощается со своим ненаглядным Коллином, успеваю выпить чаю, позвонить маме на работу, принять душ и перекинуться парой слов с Дэни. И возвращаюсь к Милли в тот момент, когда она говорит:

— Ладно, котик, пока! Целую тебя!

— Милли! Сколько можно прощаться!!! — хриплю я и мои кулаки непроизвольно дёргаются и замирают буквально в сантиметре от лица любимой подруги. Она молниеносно нажимает отбой и виновато моргает.

— Я же только на минуточку! — мурлычет Милли. — Пока ты выходила из комнаты!

Боже мой! И это ещё полбеды! Чего стоят её жеманные прощания с дорогим Коллином после школы, её охи-вздохи на уроках и постоянные разговоры о том, какой он красивый, хороший и такой-растакой, прямо лучше него никого и на свете нет... Неужели я стремлюсь заарканить себе кого-нибудь, чтобы выглядеть со стороны так же глупо, как Милли? Ну уж нет! Я никому не дам повода смеяться надо мной.

В моём представлении любовь — это не кривлянья у всех на виду, не томные вздохи, сопровождающиеся закатыванием глаз, а нечто более возвышенное и... не знаю, как и сказать, как объяснить то, что пока ещё не испытывала. Мне кажется, когда я полюблю, то буду вести себя совершенно по-другому, не так, как Милли с Коллином. Да только время идёт, а любви всё нет.

Что мы с Милли только ни делали, где ни бывали, а подходящего парня всё не нашли. Не то, что подходящего — вообще никакого. Что удивительно, то за всё время, пока мы мёрзли с ней на скамейке в парке или грелись за чашечкой крепкого чаю в кафе в надежде, что с нами решит кто-то познакомиться, то моя персона так никого из противоположного пола и не привлекла. Привлекла только Милли. И то старичка с палочкой с костяным

набалдашником, который подсел к нам в парке на скамеечку и отпугивал потенциальных женихов, читая нотации в том духе, что в холодное время года девочкам лучше носить шапки и тёплые брюки, а не капроновые колготки. Дедуля столько лет на свете прожил, что совсем запомнил: парни не клюют на тёплые брючки. Но что в Ниа Бич за парни, если они вообще не высовывают носа на улицу!

В поисках парней мы направились в ночной клуб, но туда нас просто не пустили. Зашли в пиццерию, но там не было подходящей кандидатуры. Заглянули в тренажерный зал — на нас никто не посмотрел. Гуляли по пустынным улицам — только промокли под дождём. В итоге уже к вечеру Милли слегла с температурой под сорок и, когда я позвонила ей посочувствовать, заявила, что в моих амурных делах она мне больше не помощник.

— Но, Милли, — я испугалась не на шутку, — что же мне теперь делать? Самой искать себе жениха?

Милли ничего вразумительного не успела сказать — закашлялась.

— Я так надеялась, что ты съездишь со мной в Олимпию или Хоквиаму! — хныкала я. — Я же без тебя не справлюсь! Выздоровливай скорее!

— Пока я буду помогать тебе устраивать личную жизнь, — резонно заметила Милли, — то потеряю Коллина. Или умру от воспаления лёгких.

— Не умрёшь.

— Эгоистка!

— От эгоистки слышу!

— Не звони мне больше!

— Милли, дорогая, прости! — Хорошо, что я опомнилась до того, как подруга успела нажать отбой. — Всё бы отдала, лишь бы ты поскорее выздоровела! Я на всё ради тебя готова, ты же знаешь. Даже пари проиграть...

— Ну, то-то же, — примирительно ответила Милли и отключилась.

А я впала в настоящую панику. И чуть было не сорвалась и не наелась блинчиков, которые напекла мама. Но что мне делать? Как быть?! Не останавливаться же на полпути! Где же мне встретить любовь всей моей жизни? Или хотя бы кого-нибудь, и желательно побыстрее, чтобы доказать Нолану, что я чего-то стою в жизни.

У меня было такое впечатление, будто все сговорились против меня. Милли заболела. Парни все как будто вымерли. Брайан Фуллер зачем-то притащил мне шоколадку. Не иначе, как братец подговорил.

— Это тебе! — сказал однажды Брайан, придя к нам домой играть с Ноланом в приставку.

— Я не ем сладкого, — процедила сквозь зубы я, чувствуя, что при виде обожаемого шоколада у меня начинается ломка.

— Правда? — удивился Фуллер. — С каких это пор? Ты же вроде любила...

— Любила, а теперь не люблю! — И я стала перед ним в позу, которая особенно выгодно подчёркивала мою постройневшую талию и симпатичные бёдра — я долго репетировала её перед зеркалом.

Брайан покраснел и сглотнул.

— Пожалуйста, Пэм! Ради меня! А то совсем отощавешь.

Но его слова произвели прямо противоположный эффект — я не поддавалась искушению, а взлетела до небес от гордости за себя. Уж если Брайан Фуллер озаботился моим здоровьем, значит, я действительно заметно похудела.

Однако состояние моего здоровья заботило не только Фуллера, но и маму. Она всё больше и больше стала проводить времени на кухне, стряпая то блинчики, то сладкие пироги, то какие-то странные блюда французской кухни.

— Памела, деточка моя, — говорила мама и зачем-то хмурила лоб, — у тебя ничего не болит? Давай я запишу тебя на приём к доктору Спенсеру?

— Мама, со мной всё в порядке, — отвечала я, стараясь дышать через рот, чтобы исходящие из кухни ароматы не действовали на мой изголодавшийся по калорийной пище желудок.

— Но ты так плохо выглядишь, солнышко! Я волнуюсь!

— Мне нужно идти делать уроки, извини...

— Пэм! Хочешь, я принесу тебе кусочек пирога с патокой? Твой любимый. — Мама сделала такое лицо, будто от моего ответа зависит её жизнь.

— Нет, спасибо, мне не хочется. — Я предприняла ещё одну попытку улизнуть в свою комнату.

— Если не хочешь пирога, давай я испеку торт! С заварным кремом! — кричала мне вдогонку мама. — Ну, зайка, что мне приготовить для тебя, чтобы ты перестала хандрить?

Я захлопнула дверь в свою комнату и повалилась на кровать. Поглядела мечтательно в потолок. «Ты так плохо выглядишь», — сказала мне мама... Я уверена, её беспокоит не моё уменьшившееся в размерах тело и не синева под глазами, а моё твёрдое намерение выглядеть как модель и поддерживать красивую фигуру. Меня похвалила даже Николь, девушка моего брата, когда сказала, что я теперь выгляжу даже стройнее неё. Ах, до чего же приятно, когда тебя хвалит человек, на которого тебе хотелось бы походить!.. Однако странно, что маме не нравится моя железная сила воли. Я бы на её месте гордилась такой дочерью. Но, как говорит мой отчим Бэн, не суди человека, пока не проходишь две луны в его мокасынах.

Но что же делать, как мне быть?! Часики тикают, время летит стрелой, и до окончания пари остаётся всего лишь неделя! Нолан уже ходит гордый, точно победитель, и посмеивается про себя. Конечно, у меня ещё есть время, целых семь дней, не считая этого, но я уже почти сдалась. Откуда же он возьмётся, этот принц на белом коне, если я его сама днём с огнём искала и не нашла?..

А тут ещё, как назло, Коллин Доусон пригласил весь класс к себе на День рождения. Я знаю, его мама Конни очень вкусно готовит. И этот банкет будет финальным минорным аккордом в нашем с Ноланом пари — я наемся с горя и снова растолстею, потому что вряд ли на Дне рождения одноклассника я встречу какого-нибудь незнакомца, который спасёт меня от проигрыша. Тем более, что никаких карманных денег у меня уже не осталось, и я буду должна не только Милли за купальник, но и Нолану за то, что не отыскала себе парня.

Это были поистине самые напряженные, самые трудные семь дней моей жизни. Даже первая неделя моего похудения показалась мне раем по сравнению с этой! Мне приходилось не только заставлять себя делать поднадоевшие упражнения и корпеть над ненавистными задачками, но и противостоять настойчивым попыткам матери накормить меня чем-то вкусеньким чуть ли не силой, и это было тем сложнее, что к ней присоединился Бэн, который решил взять свой недельный отпуск почему-то именно в это время. Что они только ни делали, на какие хитрости ни шли!.. Упрашивали, увещевали, умоляли. Ругали. Искушали. Шантажировали. Отключили Интернет. Но всё, на что они смогли меня уговорить — это скушать немного овощного салата и кусочек отварной куриной грудки.

Я раздувалась от гордости за свою стойкость и от чрезмерной родительской заботы

сбегала к Милли. Но у подруги постоянно толочся Коллин, и эти двое настойчиво давали мне понять, что в их компании я — третий лишний. Поэтому, чтобы только не быть дома, я записалась... в театральную студию при школе. Но там не оказалось ни одного мальчика. И, конечно, я не переставала строить глазки выпускникам — а вдруг кто-нибудь из них пригласит меня на свидание и я утру нос Нолану? Однако единственный, кто прореагировал на меня хоть как-то — это Кевин Дженкинс, но и он только пальцем у виска покрутил. Набравшись храбрости, я подкатила было к Мартину Фоксу с просьбой помочь мне, но он тактично отказался и заявил, что весь класс предупреждён о нашем с Ноланом споре. Это добило меня окончательно.

Поэтому на День рождения к Коллину я шла уже безо всякой надежды на чудо. Кроме одноклассников, на вечеринке была старшая сестра Коллина — Кэя, их кузина Мия Браун из Хоквиамы, очень красивая и немного застенчивая девушка, и кузен Оуэн — прыщавый подросток с квадратным подбородком и полным отсутствием мышечной массы. Он казался таким отталкивающим и абсолютно не заслуживающим внимания, что я забила на всё и полностью сосредоточилась на запеченном лососе, черничном пудинге и курице, фаршированной черносливом. Проигрывать, так с песней и на сытый желудок.

Но мой праздник живота длился недолго. Отвыкнув вкушать высококалорийную пищу в больших количествах, я съела не так уж и много, и, когда все, разбившись по парам, пошли танцевать, осталась не у дел. Кэя с Мией уединились в углу, чтобы вволю наговориться о своих взрослых делах. Меня они, естественно, к себе звать и не думали. Бледная и ещё больше похудевшая после болезни Милли висела на своём Коллине, Нолан танцевал с красавицей Николь, остальные мальчишки тоже топтались в обнимку с девчонками. Все, кроме Оуэна Брауна и Брайана Фуллера. Фуллер попытался было пригласить пообниматься и меня, но получил гневный отказ. А нечего было обзывать меня хомяком! И я, гордая тем, что отшила вполне симпатичного парня, снова обратила свой взгляд в тарелку. На столе оставалось ещё немало аппетитных блюд, но еда больше в меня не лезла, и мне ничего не оставалось, как завязать разговор с Оуэном Брауном, который, очевидно, вообще не знал, что такое танцы. Удивительно, но мы заговорили с ним, и заговорили на одном языке. Псевдогиганты, снорки, базуки, бункеры, локации, криперы, мутанты, подземные лаборатории... В общем, мы не успели поговорить на все интересовавшие нас темы, как оказалось, что вечеринка подошла к концу и всем дружно пришлось топтать по домам.

Чтобы скорее покончить со своим позорным поражением, я дождалась Нолана, который потратил битых два часа на то, чтобы проводить домой Николь, и начала разговор первая:

— Ну что, Нолан, давай не тянуть кота за хвост...

— О кей, — почему-то вздохнул брат и достал из кармана бумажник. У меня от удивления отвисла челюсть. Он что, считает проигравшим себя?

— Нолан...

— Держи. — Он протянул мне несколько смятых зелёных бумажек. — Поздравляю.

— С чем? — промямлила я, всё ещё ничего не понимая.

— Как с чем? — Теперь уже удивился Нолан. — Ты похудела, это невооружённым глазом видно. Горжусь тобой, сестрёнка.

— Но мы спорили не только...

— Я всё видел. И все всё видели. Оуэн от тебя весь вечер не отходил, а у тебя глазки так и горели, когда вы с ним разговаривали, уж я толком не понял, о чём.

Моя челюсть от удивления, кажется, коснулась пола. И от стыда вдруг все четыре или

сколько там во мне литров крови прилили к лицу. И я от возмущения чуть всё не испортила. Хорошо, комок в горле застрял.

— Я уже был уверен, что победа за мной, — продолжал Нолан, — но фортуна повернулась к тебе лицом. Памела, ты заслужила эту победу. Возьми деньги, наконец, дурёха! И не смотри на меня такими удивлёнными глазами.

— Но...

— Он, конечно, не красавец, но ведь, как говорят, с лица воду не пить.

— Он не...

— ...не твой парень, хочешь сказать? Да ладно! Вы обменялись номерами телефонов?

Я кивнула. Но ведь только затем, чтобы делиться опытом в играх, как мне показалось. И продолжить наш увлекательный разговор о столе зачарования в «Minecraft».

— Короче, поздравляю тебя! — Нолан подёргал мою вялую руку. — Я пошел спать. А ты купи себе на эти деньги что-нибудь красивое. Чтобы ещё больше подчеркнуть свою красоту. Но если этот дрыщ тебя обидит, я его из-под земли достану и с живого скаल्प сниму. Так ему и передай.

— Хорошо, — еле выдавила из себя я.

Нолан устало улыбнулся и удалился в свою комнату. Я перевела взгляд на смятые доллары в моей руке. Я, конечно же, не считаю себя непроходимой тупицей, но смысл сказанных братом слов только-только стал доходить до моего сознания.

Я таки выиграла пари?

И нашла себе парня? Прыщавого дрыща, помешанного на компьютерных играх?

И «у меня так и горели глазки», когда я с ним разговаривала?

Ещё и дала ему свой номер?!

А свидетели тому все мои одноклассники?..

Упс...

Глава 4. Школьное сочинение

Как это частенько со мной бывает, я полночи проиграла в очередную стрелялку, не выспалась и пришла только ко второму уроку в отвратительнейшем настроении. Миссию я завалила, потому что не хотела слушаться Оуэна, который настоятельно советовал мне запастись эликсиром жизни, прежде чем входить в аномальную зону. Но я решила поступить по-своему, доказать, что справлюсь и без его подсказок — и проиграла. Ах да, ещё и уроки не выучила. И в довершение всех бед попала как раз на сочинение на тему: «Моя будущая профессия». Мало того, что я пишу как курица лапой, так ещё, как назло, двух слов на бумаге связать не могу. Вот если бы подобные сочинения можно было сдавать в устной форме, тогда, согласитесь, успеваемость старшеклассников заметно бы повысилась.

Миссис Уайт раздала чистые листочки, пробубнила напутственное слово и плюхнулась за учительский стол проверять сочинения других несчастных детей.

Я пригорюнилась. Смотрю, практически весь класс приступил к контрольному сочинению без энтузиазма. Действительно, что им, беднягам, писать? В течение многих лет учителя пытались привить нам хорошие качества, быть дисциплинированными, правдивыми, ответственными... А теперь, предлагая нам подобное задание, ожидают совершенно иного — вранья. Ведь они прекрасно понимают, что вряд ли кто-то из нас станет юристом, доктором или экономистом. В лучшем случае — парикмахером или медсестрой. Можно подумать, моя мама в детстве мечтала мыть полы в больничных палатах!.. У мальчишек тоже выбор не велик — рыбак, автослесарь, охранник, егерь, благо, в наших краях много и воды, и леса. Вот, выбирай профессию на любой вкус! Однако миссис Уайт требует от нас большего разнообразия на страницах наших школьных сочинений.

Вот если бы вырваться отсюда, уехать в какой-нибудь большой город!.. Даже не в Олимпию и не в Порт-Анджелес, а куда-нибудь подальше. Не зря же люди говорят: «Хорошо, где нас нет!»

Мой отец так и поступил. Я плохо помню, из-за чего они с мамой расстались, но связь с ним мы поддерживаем. На наши дни рождения и на Рождество папа дарит нам подарки, и неплохие. Между прочим, то, что у нас с Ноланом есть по компьютеру — целиком его заслуга. Мама ворчит до сих пор, что игры и Интернет нас до добра не доведут, но это только потому, я считаю, что она вообще не умеет обращаться с компьютером. Она из того поколения, которое принтер от сканера отличить не может и которым нужен мобильник лишь затем, чтобы звонить. Зато на кухне ей равных нет. Ну, разве что Конни Доусон, мама Коллина, она тоже готовит так, что пальчики оближешь.

Я пока не говорила маме, что после окончания школы хотела бы уехать к отцу в Сиэтл, а может, даже и раньше. Папа что-нибудь придумает, подскажет, поможет. Просто боюсь, мама будет против, но у неё же всё равно останутся Дэни и Бэн. Больше всего на свете мне не хочется повторить мамину судьбу — выйти замуж в семнадцать лет, нарожать кучу детей и драить полы в госпитале. Нет, только не это.

Минуты бежали так же быстро, как мысли в моей голове, но ни одного предложения ещё не было написано. Я огляделась: даже позорище нашего класса, Рик Картер, который всё ещё читает по слогам, и тот, высунув язык, что-то карябает на своём листочке. Нолан тоже склонился над сочинением, естественно, он пишет о том, что мечтает стать баскетболистом с мировым именем. Ну, что же, мечтать не вредно. Я вот тоже мечтаю стать второй

Джессикой Альбой. А что? Она тоже из небогатой семьи, так что у меня есть все шансы покорить Голливуд.

Я наклонилась к сидевшей за соседней партой Милли. Она ёрзала на стуле, зевала, тёрла глаза, грызла ручку, загадочно улыбалась, периодически что-то писала, но не на большом листе бумаги, а на мятом клочке. И передавала сидевшему сзади Коллину.

— Ну, что? — прошептала я. — О чём писать будем?

— Ах, я не знаю, — ответствовала Милли. — Мне не до сочинения сейчас.

Понятно, любовные записочки превыше всего. Я машинально оглянулась на Коллина. Тот сидел, развалившись на стуле, и делал вид, что пишет, то и дело поглядывая на мою подругу. Ах, любовь-морковь.

Тут я случайно перехватила взгляд Брайана Фуллера. Он улыбнулся мне. Улыбнулся! Нет, только подумайте!.. Раньше хомяком обзывал, а теперь улыбается!.. Пари я уже выиграла и в поклонниках не нуждаюсь. Я показала Фуллеру фак. Другого он не заслужил.

Поначалу я ужасно переживала по поводу своей личной жизни. Видеть Оуэна своим парнем — это всё равно, что изменить своей мечте и остаться всю жизнь прозябать в нашем бесперспективном городишке. Но, пообщавшись с Оуэном неделю, поняла — с его стороны мне ничто не угрожает. Однако возвращать Нолану выигранные деньги ни за что не собираюсь. Тем более, я их уже отдала Милли. За купальник. Красивый такой, красненький, с блестяшками.

Я взглянула на часы — до конца урока остаётся ровно девять минут. Вздохнула и вдруг решила написать правду. А что врать? Всё равно в голову ничего не идёт, кроме того, как мне пройти эту злополучную миссию и не дать себя сожрать мерзким мутантам.

В общем, когда звонок возвестил о том, что урок английского исчерпал себя полностью, я дописывала последнюю фразу: «...и на стене Старшей школы в Ниа Бич повесят мемориальную доску с надписью Здесь училась великая американская актриса Памела Твистер».

Я сдала миссис Уайт тетрадь и поплелась в столовую проедать свои последние денежки, так как утром ничего не успела поесть. Вечеринка у Доусона дала о себе знать — я сорвалась и вновь стала употреблять хлебобулочные изделия и шоколад. А Бэн на радостях снова подключил мне Интернет. Модельные параметры — это, безусловно, хорошо, но без Интернета и жизнь не в радость. И я баюкала свою совесть тем, что, мол, пари выиграно, цель достигнута, можно немного расслабиться, а пара-тройка любимых шоколадок мне никоим образом не повредят.

Спустя ещё четыре урока, нахватавшись двоек по биологии и матанализу и промучившись два часа на репетиции театральной студии, прибежала домой. Наспех сделала несколько бутербродов, пролила кофе на скатерть, замаскировала пятно сахарницей и помчалась в свою комнату, чтобы поскорее усесться за любимый комп. Включила скайп, запустила игру, вонзила зубы в хрустящую ароматную корочку свежего белого хлеба... Не жизнь, а кайф.

Не прошло и минуты, как Оуэн связался со мной по скайпу.

— Привет! Ты уже здесь?

— Да, привет! — прочавкала я. — На чём мы там остановились?

— На входе в аномальную зону, — напомнил мне друг. — Давай всё-таки вернёмся за эликсиром жизни, это недалеко. Приятного аппетита, кстати.

— М-м-м, спасибо. Ладно, уговорил. Куда шагать на поиски этого чудодейственного

эликсира?

— Нужно взобраться на алмазное дерево.

— Если бы я знала, где оно растёт, — протянула я и пошарила рукой по пустой тарелке. Надо же! Когда играешь, вообще не замечаешь, что ты ешь.

У нас однажды был такой случай. Мама напекла пиццы и я отнесла Нолану и Брайану по хорошему такому кусочку. Мальчишки так самозабвенно играли в компьютер, что не заметили, как всё съели. Прошло буквально несколько минут, как Нолан кричит мне из своей комнаты: «Памела! Ну, когда ты уже принесёшь нам чего-нибудь пожрать?!»

— Просто иди за мной. Только по сторонам смотри, могут появиться всякие твари. — Оуэн диктовал, куда мне идти, что делать и от кого отбиваться, чем очень мне помог. У меня сложилось впечатление, что он ещё больше времени проводит за компьютером, чем я.

— Знаю я про тварей, не учи ученого... А-а-а! Сними с меня этого мозгососа! — завопила я, когда экран залепило нечто отвратительного коричневого цвета. А потом возникла ненавистная надпись: «Вы умерли».

— Я же говорил — смотри по сторонам! Давай ещё раз.

Я вздохнула. С Ноланом намного проще — обычно я его учу играть, а не наоборот. Когда тебя учат делать то, в чём ты считаешь себя профи — это бесит.

— Как дела в школе? — тем временем спрашивает Оуэн.

— Отлично! — Я вру и не краснею.

— Молодец, — похвалил меня он. — Я тоже хорошо учусь.

— Серьёзно? — Честно говоря, я удивилась. — И когда же ты успеваешь делать уроки?

— Я всё сделал, пока тебя ждал.

— А! Отвали! Сдохни, тварь! Получай, получай! Это я не тебе.

— Я понял.

— А я посещаю театральную студию. По вторникам и пятницам. А сейчас мы готовимся к спектаклю по мотивам "Ромео и Джульетты" и занимаемся дополнительно по два часа каждый день, — сообщила я и застрелила очередного монстра.

— Круто! — восхитился Оуэн. — А кого ты играешь?

— Я?.. О, одну из главных ролей! Стой, я, кажется, вижу это алмазное дерево! Какое прикольное!

Я врала напропалую. Во-первых, никто никакой главной роли давать мне, девушке, которая лишь в прошлом месяце впервые пришла на занятие театральной студии, даже не думал. Во-вторых, поначалу мне доверили не очень сложное дело — просто пару раз пройтись по сцене с большим куском картона, на котором написано "Смех". А в-третьих, меня почему-то сместили с этой должности и оставили пока что в зрителях, для массовки. Ну, а что, у меня просто мало опыта. Опыт — дело наживное, наживу со временем, куда я денусь. Почти все знаменитые актёры начинали свою карьеру с рекламы и эпизодических ролей в сериалах. Может, я тоже из их числа.

— Взбирайся на самую верхушку, эликсир жизни спрятан в ветвях. А я бы хотел посмотреть на твой бенефис.

— Ой, ну какой там бенефис!.. Не преувеличивай! — Вот чёрт, ну кто меня за язык тянул? Надо срочно как-то отмазываться. — На эту самодеятельность вообще не стоит смотреть. Вот когда я стану настоящей актрисой и буду сниматься в кино...

— Ты мечтаешь стать актрисой?

— Да, а что? — с вызовом отвечаю я и хватаю этот злополучный эликсир жизни. — Я

недостаточно красива для этого?

— Нет, я имел в виду другое... — промямлил Оуэн. — Ты очень красивая. Просто мечты иногда так и остаются мечтами...

— Только не в моём случае! — отрезала я. — Всё, мы почти у входа в аномальную зону... Спорим, тебя первого убьют?

— Прости, я не хотел тебя обидеть, — поспешил оправдаться друг, — просто, мне кажется, для нас, живущих в резервации индейцев, стать знаменитым актёром или актрисой — всё равно, что мечтать стать космонавтом и полететь на луну. Так на что мы спорим?

— На десять баксов, — (у меня всё равно нет карманных денег, и я не рискнула называть более крупную сумму). — Но ты всё равно не прав. Джулия Джонс же смогла. И Грэм Грин, и Алекс Мераз, и Таная Битти и... ну, множество представителей коренных народов Америки стали знаменитостями.

— Согласен. Конечно, я желаю тебе, чтобы все твои мечты осуществились. О, зомби! Вот ещё один. Ого! Да их тут целая армия!

— Ай! Что у тебя с оружием? У меня все патроны закончились. Осталось только, — я лихорадочно покрутила колёсиком мыши, — мачете, калаш и одна граната.

— У меня ещё огнемёт есть. Сейчас я их поджарю.

— Идите ко мне, миленькие, я вас на фарш пушу! — ору я и щедро поливаю врагов свинцом.

— Не хотите ли огоньку, красавчики? — вторит мне Оуэн.

— Фух, я отбилась. А ты кем мечтаешь стать?

— Я? Программистом. А вообще я хочу разрабатывать компьютерные игры.

Ну, кто бы сомневался? Я бы тоже хотела, только не разрабатывать, а тестировать. Потому что программиста я не потяну, у меня с математикой слабовато.

— Класс. Ты будешь разрабатывать, а я — тестировать, договорились?

— Идёт, — чему-то обрадовался Оуэн. Как будто я ему полсотни баксов просто так отвалила.

Какое-то время мы так слаженно отбивались от мутантов, будто всю жизнь только этим и занимались. Да, в принципе, так оно и было, только работать в паре мы стали не так давно. Но, как мне кажется, у нас это отлично получалось. И вдруг Оуэн как закричит:

— Памела! Воздух!

— Ай, кто там? Гарпии?! Ну, и как я против гарпий с одним мачете? — Я чуть не плакала. — У меня больше ничего нет, я всё потратила на мутантов и зомби... А до оружейного склада ещё далеко.

— Не дрейфь, я тебя спасу. Так, где мой огнемёт?.. Гарпии очень хорошо горят, между прочим.

— Ты мой спаситель! Мой герой! Дай же я тебя расцелую! — кричу я без всякой задней мысли, когда небо проясняется от дыма, гари и крылатых женщин-убийц. — Ну, что бы я без тебя делала!

— Всегда пожалуйста, — мямлит мой спаситель.

Но тут в нашу идиллию неожиданно врывается кто-то посторонний. Я услышала какие-то приглушенные голоса на другом конце «провода», а потом Оуэн прокашлялся и сказал:

— Памела, извини, пожалуйста, я тут маме обещал помочь. Мне нужно идти. Я позже снова выйду на связь. А ты? Или ты будешь занята?

Я уже была готова ляпнуть, что никакая сила не способна оторвать меня от любимой

игры, даже всемирный потоп, тем более мама, но вовремя опомнилась. Оуэн, видать, примерный сын. И мне не хотелось выглядеть на его фоне лентяйкой и двоечницей (впрочем, такой я на самом деле и была). Поэтому я нарочито громко вздохнула и ответила так:

— Ладно, давай до завтра. Меня домашка ждёт. И я тоже обещала помочь маме.

— О кей. Я не буду без тебя играть, обещаю.

— Угу.

А я буду играть. И пусть это кому-то может показаться нечестным, я обожаю играть — и всё тут. Когда я у компа, у меня нет тормозов и я абсолютно не замечаю времени. Правда, мочить зомби без Оуэна было как-то скучновато, я уже привыкла к нему. У Милли любовь, Нолан вечно занят либо баскетболом, либо своей Николь, малыш Дэни вообще не в счёт. Так что всё своё свободное время с недавних пор я провожу с этим мечтателем-программистом, если эта фраза, конечно, применима к двум людям, общающимся по скайпу и видящих друг друга только в игре в облике суетливых человечков в камуфляже.

Но совесть грызла меня до тех пор, пока я не сдалась и не вышла из игры. А раз уж я из неё вышла, то решила заняться математикой. Правда, мой ответ не сошёлся с прилагающимся в конце учебника ответом, но меня это не сильно волновало. Я даже попыталась вычистить кофейное пятно на скатерти. Получилось очень даже ничего. И чтобы у меня не без оснований был повод гордиться собой, к маминому приходу я приготовила нечто похожее на омлет. Сказать, что мама была удивлена — это ничего не сказать. Да что там мама, я сама себе удивлялась.

Глава 5. Пастух и волки

В детстве мама читала мне сказку о пастухе и волках. Там говорилось о том, как пастушок обманывал крестьян, будто бы на его стадо нападают волки. Его вранью поверили один раз, другой, а на третий, когда воображаемая опасность стала реальностью, ему уже никто не хотел верить. Не знаю, как это относится к моей подруге Милли, но иногда она напоминает мне этого пастушка.

Грандиозный шухер, как обычно, начался с ерунды.

— Памела! — закричали мне в ухо так громко, что пришлось убрать мобильный на достаточное расстояние для того, чтобы не оглохнуть.

— Милли, рада тебя слышать, но не сейчас, извини! — Я отстреливалась от голодной оравы зомби, жаждавших вкусить моего тела.

— Да как ты можешь?! — задохнулась Милли. — У твоей лучшей подруги горе, она на грани самоубийства, а ты!..

Зелёные человечки с перекошенными лицами, рыча, заслонили собой весь экран. А потом перед моим взором показалась ненавистная надпись: «Вы умерли». Какое самоубийство, что она несёт! Милли и мелодраматизм — это, конечно, вещи совместимые, но хоть режьте меня живьём, я ей не верю. Да я её сейчас сама разорву на мелкие кусочки, потому что меня саму только что съели! И я проспорила Оуэну. Он не преминул мне тут же об этом сказать:

— Памела! Тобой только что полакомились зомби! Но я готов дать тебе ещё один шанс, ведь ты, как я понял, разговаривала по телефону, отвлеклась...

— Спасибо, не нужно, — отрезала я. — Проиграла, значит, проиграла.

Оуэн что-то начал говорить, но визг Милли перекрыл всё, даже вдруг проснувшееся во мне сожаление о внезапно нахлынувшем великодушии.

— Памела!!! С кем ты там разговариваешь?! Приходи ко мне, бросай всё! Какие могут быть игры, когда умирает твоя подруга! Ты как никогда нужна мне сейчас! Неужели в твоём плотном графике для меня не найдётся даже минуточки?!

— Хорошо, я сейчас приду. Прости, Оуэн, созвонимся попозже. — И я тут же выключила компьютер. Милли — это Милли, иногда невыносимая, иногда смешная, но она — моя лучшая подруга.

Спустя пять минут я уже сидела в комнате Милли и не верила своим ушам.

— Памела! Что мне делать? Как ему отомстить? — Она в отчаянии ломала руки и театрально закатывала глаза.

— А ты уверена, что всё так серьёзно? — осторожно спросила я.

— Я похожа на клоунессу? — Она обиделась.

— Нет, просто... Может, ты чего-то не договариваешь?

— Повторяю для особо тормознутых: Коллин меня игнорирует! Я полдня ему звоню, а он не отвечает! А потом вообще мобильный отключил! — визг перешел в ультразвук, отчего у меня голова пошла кругом.

— Вы перед тем поссорились? Он тебя обидел? Милли, скажи наконец, что случилось?

Я казалась себе инквизитором, выпытывающим у невинно осужденного праведника признание по меньшей мере в светопреставлении.

— Игнорировать звонки любимой девушки — разве это не достаточный повод для

обиды? — с каменным лицом произнесла Милли. У меня отвисла челюсть.

— Милли! — Я поднялась с кресла. — Если ты позвала меня только для того, чтобы сказать, будто Коллин пропустил несколько звонков от тебя только лишь из-за того, что они с Ноланом и Брайаном сейчас сидят в первом ряду и болеют за сборную по женскому баскетболу...

— Он таращится на других девчонок в то время как я тут страдаю!..

— Только не говори, что ничего не знала, — отмахнулась я, — они давно собирались поддержать Николь. А ты почему не поехала с ними, для меня остаётся страшной загадкой.

Милли закусил губу.

— Мы поссорились накануне, — призналась она. — Он наотрез отказался смотреть последний сезон «Волчонка», а я сказала, что его любимые «Звёздные войны» полный отстой...

— Да уж, вы выбрали достойный повод, чтобы рассориться навсегда, — пробормотала я.

— А у нас были такие грандиозные планы на весенние каникулы! — продолжала Милли. — Боюсь, теперь всё сорвётся... Но всё равно ему нужно было ответить. Или прислать сообщение... Можно подумать ведь всё что угодно! Либо он вообще не желает меня больше знать, либо... — в голосе послышались всхлипы, а острый подбородок задрожал, — либо случилось что-то непоправимое.

— Милли, перестань! Ничего непоправимого не случилось.

Я села рядом с ней, обняла за плечи и принялась утешать. Мы вместе и поплакали, и посмеялись, и вспомнили прошлое. И ещё раз двадцать звонили и Коллину, и Нолану, пока от первого не пришло сообщение: «Милли, я перезвоню как только смогу. Наши лидируют! Целую».

— Ну вот, видишь, — я обрадовалась, — всё в порядке. И теперь я, пожалуй, пойду домой.

— Спешешь к своему бойфренду? — Милли лукаво сощурилась. Слёзы на её щеках имели замечательное свойство высыхать мгновенно. — По-моему, вы без ума друг от друга. Это ещё с вечеринки у Коллина стало понятно.

— Не преувеличивай. У нас исключительно дружеские отношения. Только ты Нолану не проболтайся, а то он потребует денежки назад.

— Я когда-нибудь тебя предавала? — проворковала Милли и клюнула меня в щёку. — Давай, беги.

И я действительно побежала, бормоча себе под нос, что как никогда в жизни жажду отстреливать всяких мутантов. Сейчас, после времяпрепровождения с Милли, мне была необходима хорошая порция общения с Оуэном. Но его не было в сети. И мобильный почему-то не отвечал... И вот теперь, наделав ему кучу пропущенных, я как никогда понимала Милли. Оуэн меня игнорирует! Бессовестный! Что такого сверхъестественного могло случиться, что он не желает отвечать на мои звонки?!

Расстроившись, я как могла напортила в игре: выпустила на волю мутантов из секретной лаборатории, подожгла оружейный склад, спилила алмазное дерево. Пусть теперь выкручивается как может. Потому что нечего игнорировать Памелу Твистер. Я девочка, конечно, не злопамятная, но память у меня хорошая.

Вечером Оуэн мне перезвонил и долго извинялся.

— Памела, я виноват, нужно было позвонить тебе раньше, но я... но все мы...

— Оуэн, не оправдывайся, — убийственным тоном произнесла я.

— У нас случилось горе, — послышался глубокий скорбный вздох, — помнишь мою сестру Мию? Ты могла её видеть на Дне рождения у Коллина, мы тогда с тобой познакомились. Так вот... она в больнице. Несчастный случай.

И тут я пожалела, что выпустила на волю мутантов и дотла сожгла оружейный склад. Надо же быть такой идиоткой!

— Что случилось?! — заорала я так, что в соседней комнате Дэни с перепугу громко икнул. — Её сбита машина?! Она жива?!

— Да, сбита машина. Да, она жива, — глухо ответил мой друг.

Я не ослышалась? Оуэн всхлипнул? Он плачет? В этот момент мне захотелось себя убить за свою дурацкую мстительность, но ещё больше — задушить собственными руками того водителя, который посмел сбить сестру моего лучшего друга. И я поклялась себе, что впредь, прежде чем подкладывать кому-то свинью, для начала разберусь с ситуацией.

Даже не знаю, что было причиной тому — открытие, что мальчики, оказывается, нежно любят своих сестёр и тоже могут плакать, или мой проигрыш в игре, за который я, не имея ни цента карманных денег, расплатилась поцелуем в щёку, но с конца марта мы с Оуэном стали встречаться, если, конечно, этим громким словом можно назвать наши короткие встречи один или два раза в неделю и общение по скайпу вечерами напролёт. В принципе, в нашем общении мало что изменилось. Мы так же били мутантов и взрывали вражеские базы, спорили, делились мечтами и способами их воплощения в жизнь. После школы Оуэн обычно навещал сестру в больнице. Перед самой её выпиской я тоже успела там отметить как его девушка, и Мия была этому несказанно рада.

Она сама рассказала мне о подробностях. Обычно Мия и Оуэн, как и все местные жители, из Хоквиамы в Ниа Бич (или в любой другой населённый пункт) ездят на велосипеде прямо через лес, по тропинкам, но в это время года, когда просыпаются от зимней спячки медведи, большинство не рискует углубляться в дебри и выезжает на шоссе. Не сказать, что оно слишком оживлённое, но водители бывают разные — пьяные, невнимательные, легкомысленные, неопытные... Мие Браун попался третий подвид.

Бедняжка Мия! Мне было ужасно жаль и её, и Оуэна. Она была вся в бинтах и очень слаба, но держалась молодцом. Да уж, на её месте себя даже представить страшно.

В общем, в тот день наши отношения с Оуэном вступили в новую фазу. Мы с ним впервые поцеловались.

И мне было абсолютно по барабану, что Нолан и его друзья недолюбливали Оуэна и считали его мягкотелым и убогим. «Ему для завершения образа только очков не хватает», — ворчал брат. Я же в ответ махала руками и кричала, что лучше и умнее Оуэна Брауна никого на свете нет, что от прыщей на лице можно в два счета избавиться, мускулы накачать, было бы желание, и вообще внешность не главное, душевные качества важнее. Нолан в корне был со мной не согласен и цитировал древних греков, мол, в здоровом теле — здоровый дух, и не упускал при этом случая похвастаться своими немаленькими бицепсами.

Мама тоже была не в восторге оттого, что её единственная дочь может кому-то нравиться. Она вменила себе в обязанность чуть ли не каждый день читать мне лекции о вреде ранней беременности и тому подобной чепухе. Но бывать Оуэну в нашей гостиной всё же разрешила.

Оказывается, я нравилась не одному только Оуэну.

Как-то раз, возвращаясь домой из магазина, я встретила на улице Брайана Фуллера.

Хотела было пройти мимо, как Милли, с гордо поднятым подбородком, но одноклассник не дал мне этого сделать, преградив дорогу и пробормотав:

— Привет.

— Хомяк? — подсказала я.

— Памела! — Он покусал нижнюю губу. — Давай не будем вспоминать прошлое?

— Странное предложение. — Мой ответ явно обрадовал Фуллера, потому что он вдруг затараторил:

— Пэм, пожалуйста, извини меня за то, что когда-то... В общем, ты так изменилась... В лучшую сторону... Стала такой неотразимой...

Я вздохнула. Он говорит об очевидных вещах. Но приятных.

— Брайан, я спешу.

— Я не буду тебя задерживать... Так ты согласна?

— Согласна? — удивилась я.

— Правда? Вот здорово! — обрадовался он.

— Хм. На что это я успела согласиться?

— Оу... Я что, ещё не сказал?.. Пойдёшь со мной завтра в кино?

Ух ты! Брайан Фуллер приглашает меня на свидание! Сейчас я с огромным удовольствием разобью ему сердце.

— Ещё чего! — громко сказала я. — У меня другие планы на воскресенье.

На самом деле мне хотелось сказать другое, оскорбить его сильнее, но что-то меня остановило.

— У тебя есть парень? — сник Брайан. — Тот тип, с которым ты познакомилась на вечеринке у Коллина?

— Именно, — выпалила я и почувствовала, что покраснела. Оуэн по сравнению с Брайаном выглядит как гадкий утёнок рядом с красавцем лебедем. Да только этот утёнок никогда в лебедя не превратится. Но что значит внешность по сравнению с общими интересами!

— Выходит, я опоздал. — Брайан почесал затылок. — Не надо было Нолана слушать. Ну, понимаешь, этот ваш спор...

— Понимаю, — кивнула я.

Братец, значит, запретил всем мальчишкам в Ниа Бич приглашать меня на свидания. В то, что у него хватило на это авторитета, я не сомневалась — чего стоит пара его внушительного размера кулаков!

— Но если ты вдруг передумаешь, — начал Брайан.

— То дам тебе знать в последнюю очередь, — закончила я и удалилась в закат — солнце как раз скрылось за серой гладью океана.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Итак, Фуллер открывает мой личный список разбитых сердец! С почином меня, как говорится!

Я упивалась новым чувством и пребывала на седьмом небе от счастья, общаясь с Оуэном и в реале, и в виртуале, и только Милли время от времени пыталась вернуть меня на землю, жалуясь на очередную ссору с Коллином, из которых добрая половина была просто выдумкой моей дорогой подруги. Я больше не принимала всерьёз её истерики из-за того, что Коллин воротит нос от «Чудесной божьей коровки» или из-за того, что он посмел улыбнуться Джинни Уотс. Все эти мелочи я считала ерундой, не стоящей и выеденного яйца,

но несколько не задумывалась о том, как реагировала бы в таких ситуациях сама, если бы Оуэну пришло в голову улыбаться той же Джинни или кому-то ещё. Но, как правило, все недоразумения и ссоры между Милли и Коллином заканчивались миром и я уже не обращала на них никакого внимания.

Однажды, в самый неподходящий момент, мне позвонила Милли и, рыдая в мобильный, как обычно, принялась вопить о том, что всё у них с Коллином кончено окончательно и бесповоротно, потому что он якобы стал общаться с местными хулиганами.

— Милли, ну сколько можно! — взревела я. — Окончательно поссоримся мы с тобой, ты же постоянно мешаешь!.. Как поссорились, так и помиритесь! Сами разбирайтесь. Достали уже, если честно!..

Я отключилась и отшвырнула мобильник в угол дивана. Но от романтической атмосферы не осталось и следа, витавшие в комнате флюиды улетели в приоткрытую форточку, с прогулки вернулся Дэни, и нам с Оуэном ничего больше не оставалось, как попрощаться.

Тогда я не придавала никакого значения словам Милли. И всё же недаром я вспоминала детскую сказку про пастуха и волков...

Глава 6. Нокаут

Как же я корила себя за то, что не поддержала любимую подругу в самую трудную минуту её жизни! Проявила непростительный эгоизм и упивалась собственным счастьем в тот момент, когда моя сестра (ибо Милли почти была ею) проливала слёзы!.. Я решила наверстать упущенное, рассудив, мол, если меня любят, немного подождут и всё поймут — моё время целиком и полностью не может принадлежать одному лишь Оуэну.

И мы с Милли вновь стали практически неразлучны. Чтобы искупить свою вину, я с сочувствующей миной на лице выслушивала долгие излияния подруги о дурном характере Коллина, старалась вникнуть во все перипетии её нелегкой судьбы, что было в принципе невозможно, ибо вчера Милли говорила одно, сегодня — другое, а на завтра клялась, что ничего подобного она мне сказать вчера не могла...

Я всё прощала ей и, чтобы угодить, поддакивала и вторила чуть ли не после каждого слова.

— Мне хотелось посидеть в кафе, а ему приспичило погулять, — жаловалась Милли. — Уж лучше бы посидели в тепле. А я уступила ему и простудилась.

— Нужно прежде всего думать о своём здоровье, — поддакнула я, совершенно забыв об аналогичной ситуации, когда в угоду мне, гуляя по пустынным улицам Ниа Бич в надежде наткнуться на принца моей мечты, Милли подхватила воспаление лёгких.

Подруга тем временем припомнила ещё одну обиду:

— Все нормальные парни, если они, конечно, любят своих девушек, приглашают их в кино на романтические комедии. А Коллин что? Он постоянно таскает меня на боевики и ужастики!

— Кошмар! — ужаснулась я.

— И постоянно недоволен тем, что ему совсем немножечко приходится меня ждать. — Милли надула губки. — А я ведь для кого стараюсь? Для кого хочу выглядеть красиво? Для него, идиота.

— Они все одинаковые! — Я не блещу оригинальностью, знаю.

— А он променял меня на какой-то баскетбол! — продолжала стонать Милли. — Я пыталась вернуть его на путь истинный, но знаешь, Пэм, что этот урод мне сказал?

— Что?

— Что спорт — дело всей его жизни!

— Извращенец ненормальный! — отозвалась я.

— Памела, извращенцы все ненормальные, среди умственно неполноценных нормальных людей не бывает, — просветила меня Милли, и на миг лицо её прояснилось и сделалось отдалённо похожим на лицо миссис Уайт, нашу учительницу английского и литературы, когда она втолковывает нам какой-то очевидный материал.

— Совершенно верно, — тем не менее согласилась я.

— Он не считается со мной! — снова завела свою шарманку Милли.

— Эгоист несчастный!

— Из-за него я съехала в число худших учеников класса! — Милли всплеснула руками.

— Как он мог! — Я машинально повторила жест подруги.

— Представляешь, он смеётся над тем, что я перед сном целую своего Барни! — возмутилась она.

— Что?! — я захлебнулась от возмущения. — Смеётся над твоим плюшевым мишкой? С которым ты спишь с двух лет?! Ну и урод!

— Ты совершенно права. Не такой уж Коллин и красивый, правда?

— Конечно, ты в сто раз лучше себе найдёшь!

— И он совершенно меня не понимает, — всхлипнула подруга и прильнула щекой к моему плечу.

— Он тебя не достоин, Милли, — торжественно сообщила я.

— Ах, — только и смогла произнести она.

День за днём на меня выливали столько противоречивой информации о Коллине Доусоне, что у меня создалось впечатление, будто бывший парень Милли и мой одноклассник — это два совершенно разных человека. Но я была совершенно уверена, что доля правды в словах Милли есть, и немалая, ведь любимая девушка и одноклассники — это далеко не одно и то же, потому и отношение к ним совершенно разное.

Я и сама несколько раз звонила Коллину, но он был то вне зоны действия сети, то попросту не отвечал на звонки. Однажды случилось чудо — он сам мне перезвонил.

— Привет, Пэм, ты чего трезвонишь? — усталым голосом произнёс Коллин.

Я чуть не задохнулась от гнева и тут же выплеснула ему всё, что я о нём думаю, нисколько не стесняясь в выражениях.

— Полегче, Хомяк, полегче! — он повысил голос. — С Милли я сам разберусь, не лезь не в своё дело. Пожалуйста.

— Да пошел ты! — взревела я. — Милли моя лучшая подруга. А ты...

— Хомяк, не буди во мне зверя. Давай, до свидания.

— Никакой я не хомяк!.. — вспыхнула я, но в ответ услышала лишь короткие гудки. Чёртов Коллин! Он сам разбудил во мне зверя, и это было далеко не пушистый представитель семейства хомяковых. Я долго не могла успокоиться после этого короткого разговора и поклялась, что ещё устрою Доусону далеко не сладкую жизнь.

Однако, что касается Милли, то тут я перестаралась. Потому что не прошло и трёх дней, как подруга перезвонила мне и счастливым голоском сообщила, что они с Коллином помирились. Вот те на!

— Вы... что сделали? Помирились? — не поняла я.

— Ты что, не рада? — обиженно протянула Милли. — Не одной же тебе повезло в любви.

— Но я не понимаю... Тебе разве не надоело без конца ссориться и мириться? И вообще, зачем тебе этот моральный урод? Найди нормального парня.

Милли зашипела в ответ что-то о том, что идеальных людей на свете не существует в принципе, нормальные парни встречаются один на миллион, Коллин — любовь всей её жизни и вообще я лезу не в своё дело. Ну вот, хотела как лучше, а получилась полная ерунда.

Но то было далеко не единственный пинок от судьбы (и чем я только прогневила Всевышнего? Сажу тут тихонечко в своей комнате, ничего не делаю, никого не трогаю, в чужую жизнь больше не лезу). В тот же день, ближе к вечеру, когда я общалась с Оуэном по скайпу и избавляла виртуальную реальность от зомби, ко мне вошла мама. По тому, как громко она хлопнула дверью и как решительно ступали по полу её обутые в меховые тапки ноги, я поняла, что она не в духе. И очень сильно не в духе. Я втянула голову в плечи, но от компьютера оторваться не смогла.

— Мне нужно с тобой серьёзно поговорить, — сухо произнесла мама, и я услышала, как

заскрипели пружины моей кровати под её весом.

Я поняла, что отмахиваться сейчас от мамы не имело смысла, поэтому вышла из игры и отключила скайп, даже не попрощавшись с Оуэном. Потом ему всё объясню.

— Я устала от твоего безответственного поведения. — Мамино лицо было бесстрастным, как у судьи, которому абсолютно всё равно, на пять лет он осудит преступника или же на пятнадцать.

Я ничего не ответила, ибо знала, что это бесполезно. Просто молча сглотнула.

— Я сама виновата, — устало говорила мама, — у меня никогда не было на тебя времени. Памела, прошу тебя по-хорошему, скажи мне правду.

— К-какую ещё п-правду? — прозаикалась я, холодея при мысли о том, что мама прознала о том, что мы с Оуэном целовались. И не раз. И надо быть такими идиотами, как мы, чтобы при этом не обращать внимания на Дэни, для которого закрытые двери не преграда для игр с машинками. Сверну шею этому малолетнему ябеде.

— Ты что, тоже связалась с этими отпетыми бандитами? — Мама пытливо сощурила глаза, прожигая меня насквозь. — Как Коллин Доусон и Милли Митчелл? Или вы с Оуэном где-то тайно встречаетесь? У него?

— Нет! Ни то, ни другое! — Я слишком резко мотнула головой, отчего у меня даже шею свело.

— Ну, и где ты пропадала всю эту неделю?! Отвечай!

Никогда в жизни я не видела маму настроенной так решительно. Глаза её метали громы и молнии.

— Я у Милли была, её бросил Коллин, и я её утешала, — пролепетала я. Сто один процент из ста, что мама мне не поверит. Нужно было отвечать увереннее...

— Не лги мне! — завизжала она. — Что за привычка — врать родной матери! Неужели ты не понимаешь, что за ложь тебя накажут вдвойне! Тайное всегда становится явным — слышала?

— Но я говорю правду, клянусь!..

— Когда я возвращалась с работы, — процедила мама, окончательно испепелив меня взглядом, — видела Коллина Доусона и твою Милли, они проехали мимо меня на мотоцикле. Не знаю, какие там у вас современные понятия о любви и о том, кто кого бросил, но выглядели они оба счастливыми. Особенно Милли. Она ещё и ручкой мне помахала.

Я что-то начала пищать в своё оправдание, сбиваясь и повторяясь, но у мамы находилось тысячу доводов против и, что самое удивительное, половине из них я не могла возразить, не солгав при этом.

Наконец мама встала и, театрально остановившись в дверях, выдала напоследок фразу, которая, как она и предполагала, достигла своей цели:

— Да, и ещё... Я сегодня разговаривала с миссис Уайт. Никогда в жизни мне ещё не было так стыдно. Это никуда не годится, Памела. Восемь прогулов и шесть двоек за неделю! Я вообще не говорю о твоём шедевральном сочинении по английскому. Ну, какая из тебя актриса, Пэм! Это же курам на смех! Спустись с небес на землю. Где ты и где Голливуд!

— Это мы ещё посмотрим! — рявкнула я и, уже совершенно не фильтруя базар, наговорила маме того, чего ни в коем случае нельзя было говорить. Припомнила ей все свои детские обиды, пригрозила, что брошу её и уеду к отцу в Сиэтл и вообще она не в праве меня упрекать, так как сама не преуспела в жизни...

С каждой моей новой фразой мама то бледнела, то покрывалась красными пятнами и,

наконец, выдавила из себя следующее:

— Ты наказана. После школы сразу домой. Никаких карманных денег и никакого компьютера целый месяц. И я запрещаю тебе общаться с Милли. И с Оуэном тоже.

Это был нокаут. Меня словно оглушили, и на какое-то время я потеряла способность соображать, чувствовать, двигаться и даже дышать. Потом что-то щёлкнуло, слёзы ручьём хлынули из глаз, я окончательно слетела с катушек и с криком: «Ты не сможешь удержать меня дома силой!» — пролетела мимо матери, выскочила в коридор, сорвала с вешалки чью-то куртку, сунула ноги в чьи-то сапоги и, спотыкаясь в темноте, сбежала с крыльца и помчалась по улице. Будь дома Нолан или Бэн, они остановили бы меня, и правильно бы сделали. Но один из них в это время убивал беззащитных китов, а другой, скорее всего, наслаждался обществом красотки Николь.

Весна уже давно вступила в свои права и на улицах было сухо, но в лесу, должно быть, снег сошел ещё не полностью. Я не знала этого наверняка, потому что в лес, кишаций медведями гризли, меня теперь и килограммом шоколада не заманишь.

Моему самолюбию нанесли сокрушительный удар. В меня не верили. Мне не верили!.. В то время как я только-только поверила в свои силы, в то, что могу всё. Если по-настоящему захочу. «Ну, какая из тебя актриса, Пэм!» — мамины слова всё ещё звучали у меня в ушах. Я всем докажу, что смогу покорить Голливуд, и мама будет гордиться своей непутёвой дочерью. И почему мне верят только тогда, когда я насочиняю с три короба? Но вот когда я говорю правду, меня обвиняют во лжи. Где же справедливость?..

Я вдохнула полные лёгкие холодного сырого воздуха, пахнувшего хвоей и прошлогодними прелыми листьями, и поняла, что каким-то чудом оказалась в лесу. Я не помнила, как очутилась здесь. Ночь была беззвёздной и тёмной, хоть выколи глаза. И я без излишней сентиментальности призналась себе, что мне в принципе некуда идти, кроме соседнего городка, где живёт Оуэн.

Большую часть пути я пробежала на автомате, думая о несправедливом обвинении, которым «наградила» меня мама, и проклиная во всех своих несчастьях кого угодно, но только не себя. Ноги скользили по мокрой земле. Чувствуя, что замерзаю, я плотнее закуталась в необъятную куртку и, бурча себе под нос какую-то весёлую мелодию, чтобы не умереть от страха, зашагала дальше. Ибо что греха таить, я безумно боялась, ведь местные не ходят в лес после захода солнца, чтобы не нарваться на голодного медведя, волка или хулиганов.

Как в ответ на мои невесёлые мысли вдруг почудилось, как невдалеке за деревьями прошмыгнула чья-то тень. Сердце испуганно скатилось в пятки, я шархнула в сторону. Чтобы удержать равновесие, ухватилась за еловую веточку, но это не помогло — я всё равно поскользнулась и, вскрикнув, упала во что-то мокрое и мягкое. Меня охватила жалость к самой себе, и я зарыдала громко и надрывно, как в детстве. И мама тут же была прощена и вновь стала самым любимым и дорогим человеком на свете.

— Мама-а-а! Забери меня отсюда! — в отчаянии выла я. — Прости меня! Я больше не буду обижать тебя, клянусь!

Но всё было напрасно, чуда не произошло — мама меня не услышала и на помощь не пришла. Я прикорнула у толстого, покрытого скользким мхом ствола какого-то дерева. Сердце моё стучало так громко, что, казалось, его стук был слышен на добрую милю вокруг. Да ещё и зубы выбивали чечётку от холода, но больше от страха. Я медленно повернула головой налево, но, сколько ни вглядывалась в темень, никого так и не увидела. Повернула

направо — то же самое. Но всё же я не могла отделаться от мысли, что кто-то незримый наблюдает за мной.

Где-то совсем рядом оглушительно ухнула сова, и от пережитого напряжения у меня снова из глаз полились слёзы. Не стесняясь в выражениях, я громко выругалась и, барахтаясь в грязи, попыталась подняться на ноги. Только поднялась, как снова зацепилась ногой за какую-то корягу и рухнула на колени. Решила передвигаться на четвереньках — мне уже было абсолютно всё равно, в какой позе я предстану очам голодного медведя или безжалостного браконьера. Чертыхаясь и отплёвываясь, я подняла глаза и увидела два горящих огонька. Шагах в десяти от меня.

Что же это может быть?.. Два огонька. Два фонарика. Два глаза. Точно — два горящих глаза. Внезапно мурашки прошли у меня по спине. Это... медведь. Сама виновата, нечего было так орать в лесу. Я на самом деле ужасная трусиха. Одно дело отстреливаться от виртуальной армии клонов или парочки хищных динозавров, и совершенно другое — встретиться с одним-единственным зверем с глазу на глаз. В лучшем случае от меня останется кучка обглоданных косточек, но если смотреть правде в глаза — то и косточек не останется.

Мамочка, прости меня и знай, что я всегда тебя любила!..

Глава 7. День открытых дверей

— Оуэн...

Тёплые ласковые пальцы тут же соскользнули с моего лба. Я открыла глаза и чуть не поперхнулась. Это не Оуэн. Надо мной склонилось уставшее, родное, с морщинками вокруг глаз, но полное любви и заботы мамино лицо.

— Как ты, милая? — проговорила мама.

— Хорошо, — прошептала я и облизала пересохшие губы. И приготовилась к худшему.

— Правда? Ничего не болит? — Мама снова стала гладить меня по волосам. — Сегодня можешь не ходить в школу, отдыхай.

— А что... случилось? — Мой голос вообще на мой не похож, какой-то он глухой и безжизненный. Я огляделась — вроде бы дома, в своей постели, сквозь шторы пробивается робкий утренний луч, но вот как я очутилась здесь — хоть убейте, не помню.

— Мне и самой хотелось бы это знать. — Мама вздохнула. — Ты поспи, а мне пора на работу, я сегодня быстро управлюсь. Потом продолжим разговор.

— Мам! — Я остановила её в дверях. — Ты на меня... сильно обижаешься?

Она глубоко вздохнула перед тем как ответить, и я в очередной раз подумала, насколько же трудно быть мамой. Любить, прощать, страдать, терпеть, не спать по ночам, отказывать себе во всём, пахать, пахать, пахать — и всё ради того, чтобы твоя собственная дочь, повзрослев, сказала: «Я не просила меня рожать!» — и сбежала из дома. Не уверена, справлюсь ли я когда-нибудь с ролью Матери Терезы. Разве что только в кино. И то, если мечтам моим всё же суждено сбыться...

— Я рада, что ты жива и здорова, всё остальное — мелочи жизни. — Мама устало улыбнулась. — Завтрак на столе, Дэни с Ноланом ещё спят. И не забудь — ты сегодня остаёшься дома.

Ясный пень — я снова наказана. И на сей раз справедливо.

Мама ушла, а я откинулась на подушки и задумалась. Мне и самой было интересно знать, что вчера произошло после ссоры с мамой и почему у меня так сильно болит голова...

Висевшие на стене часики тихонько тикали, и тут в памяти медленно-медленно, как в покадровой съёмке, стали всплывать события вчерашнего вечера.

Я в лесной глуши. Темно. Холодно. Сыро. Страшно. Ухает сова. На меня из-за деревьев взирает пара огромных светящихся глаз. Я умираю от страха. Кажется, умираю по-настоящему, потому что вся моя жизнь внезапно закружилась у меня перед глазами и я, потеряв равновесие, ныряю головой то ли в лужу, то ли в сугроб. И перестаю дышать. В мыслях я уже витаю в раю, а что? В жизни своей я никого не убила, попрелюбодействовать не успела, клептоманией ни от кого не заразилась, Милли я уже давно не завидую — у самой почти идеальные модельные параметры... Но тут меня кто-то трогает за плечо, и я слышу до ужаса знакомый голос:

— Пэм, ты в порядке?

Я резко вдыхаю, и в нос, и в рот мне попадает противная холодная жижа. Я задыхаюсь, кашляю, выплёвываю эту отвратительную на вкус кашу из снега и грязи, и не могу сдержать слёз. Меня поднимают, вытирают лицо, что-то спрашивают другим, но тоже очень знакомым голосом... Но я всё равно не могу понять, кто мои спасители — фонарик слепит глаза, а кто рядом со мной, неизвестно.

— Оуэн, ты ли это? — нерешительно спрашиваю я и пытаюсь определить стоящего рядом на ощупь. Мои руки утыкаются в чью-то грудь, ощупывают плечи, подбородок, губы... — Нолан? Это ты? Какого лешего ты здесь делаешь? Тебя мама послала искать меня? Нолан, отвечай! Или это... не Нолан?

Это не Нолан. Голос брата слышится совсем рядом:

— Алё, мам? Да, нашли... В лесу... Плохо слышно! Связь отвратительная!.. Да, идём домой. Ты где?.. Ничего себе! Скорее всего, мы придём домой раньше.

Он переводит фонарик, и луч света, наконец, выхватывает из темноты лицо моего спасителя. Я тут же отдёргиваю от него руки.

— Тьфу ты чёрт! Брайан! Узнала наконец-то! Ну, вы меня и напугали! А где медведь?

— Какой ещё медведь? — не понимает Брайан.

— Тот, огромный, с глазами?! — Я теряю терпение.

— Не было здесь никакого медведя, — отвечает Нолан. — Только мы. Пойдём домой. Ну, ты и учудила, сестрёнка. — И он взял меня под руку и увлёк за собой. Я послушно поплелась за ним. Какое-то время мы с Ноланом рука об руку молча пробирались между деревьями. Брайан шагал рядом, с другой стороны, и тоже поддерживал меня под локоть. Но меня ужасно интересовал этот медведь.

— Но я же видела его! — не унималась я. — Огромный такой, страшный медведь! Во-от с такими огненными глазами! — Я выдернула свою руку из руки Нолана и приставила к глазам наподобие окуляров.

— Я не видел никакого медведя, — ответил мой брат, — может, он там был, а может, и нет, кто его знает?

— Ты хочешь сказать, что он мне померещился?! — взрываюсь я. — Никогда не страдала галлюцинациями и впредь не собираюсь.

— Да мы это были! Мы с Ноланом! — отвечает Брайан. — Разве мы похожи на медведей?

— Да это ей с перепугу показалось, — снисходительно отвечает Нолан. — Что ты с неё возьмёшь — девчонка!

Это уже слишком. Я резко останавливаюсь.

— И что, если девчонка?! — ору я. — Если девчонка, значит, трусиха? Дура? Истеричка?

Хм. Кажется, я сейчас как раз вписываюсь в эти чудные характеристики. Странно, но брат не ворчит и не задевает меня своими обычными комментариями. Как и Брайан. Нолан просто снова берёт меня за руку и уставшим голосом просит:

— Пэм, идём домой. Мама волнуется.

И дальше мы пошли молча, ненавидя друг друга. Я не вырвала свою руку лишь потому, что меня всё ещё холодными тисками держал страх. Где-то же ходят-бродят эти зловещие медведи! Что мы будем делать с мальчишками, если они вдруг появятся?.. Нолан с Брайаном, я знаю, бегают быстро, а вот я не очень. Тем более в этих сапожищах, поминутно спадающих с моих ног. И что мне помешало обуть свои любимые угги?.. Я дрожала от страха и только крепче сжимала руку бедного Нолана, авось он не сможет отцепиться от меня при виде голодного после зимней спячки медведя, и мы умрём с ним вместе. Или вместе спасёмся.

Тут деревья расступились, и мы оказались прямо перед моим домом. Уж не знаю, какими-такими неизведанными и краткими тропами вёл меня братец, но факт остаётся фактом — никогда ещё я не была рада тому, что вижу свой добрый и старый, давным-давно

нуждающийся в ремонте дом!

— Ну, вот и пришли, — начал Брайан, а я тут же перебила его, мигом представив страшные картины моего позора, когда он начнёт рассказывать своим друзьям о том, в каком состоянии нашёл меня в лесу.

— Слушай, Брайан, — прошипела я, — если посмеешь хоть заикнуться кому-нибудь о том, что видел меня сегодня в лесу, я тебе... я тебя... В общем, ты очень сильно пожалеешь, понял?

— Да я никому, — поспешно заверил меня он.

— Смотри, ловлю на слове, — проговорила я. Будь я на его месте, ни за что бы не упустила возможности приколнуться над одноклассницей. Однако я не особо верила словам Брайана, ибо знала его как облупленного с детства.

— Короче, ты понял, друг. Мы просто догнали её у Столетнего дуба. И ни слова больше, — Нолан продолжал меня удивлять.

Я бросила Брайану что-то вроде: «Чао-какао!» — и скрылась в отчем доме. Нет, оказавшись в спасительных стенах родного дома, бояться я не перестала. Только уже не медведи с бандитами страшили меня, а мамин гнев. Поэтому, чтобы заглушить в себе это пренеприятнейшее чувство, я разулась и, оставляя мокрые следы на полу, пробралась на кухню, достала из холодильника початую бутылку вина, которое мама использует для приготовления каких-то маринадов, сделала несколько глотков, поперхнулась, закашлялась, пролила вино на свитер, потом всё-таки решила его допить — и непонятно каким образом очутилась в своей постели, так как проснулась я именно в ней.

Да, уже утро. Я у себя дома и никаких медведей здесь нет.

Тут я услышала, как в соседней комнате зазвонил будильник, после чего сразу же послышалась ругань моего братца, и что-то со звоном ударилось о разделявшую нас стену и перестало звенеть. Должно быть, будильник Нолана приказал долго жить, и явно не без помощи своего хозяина. Через какое-то время в комнате мальчишек началась возня вперемешку с возгласами: «Где мои носки, твою дивизию?!», «Куда же подевалась эта чёртова футболка?! Голову оторву тому придурку, который её взял! Что ты говоришь, Дэни? Мама забрала её в стирку?» В общем, я поняла, что Нолан проснулся в хреновом настроении и на всякий случай втянула голову в плечи и накрылась одеялом по уши. Он не преминет зайти поздороваться со своей сестрёнкой после всего, что она вчера начудила.

Так и вышло. Дверь отворилась, и в комнату заглянула сонная физиономия старшего брата.

— С добрым утречком! — прокричал Нолан. — Как твоя головушка, не болит после вчерашнего? Похмелиться не желаешь?

Я тут же энергично замотала головой, отчего стены моей комнаты каким-то немислимым образом пришли в движение.

— Вот это у меня сестричка! — Нолан присел ко мне на кровать. — Мы тебя обыскали, если честно. Когда мама поняла, что тебя нет у Оуэна, а тебе не дозвониться, она подняла на уши всех соседей и наших одноклассников, сама бросилась на поиски. Мы с Брайаном прочёсывали с фонариками все окрестные леса. Нашли тебя такую грязную, в Бэновой куртке и сапогах. И где ты столько грязи взяла? Что ты в лесу забыла? Приключений искала на свою задницу? Ну и как? Нашла?

Пока я безуспешно пыталась проглотить застрявший в горле комок, Нолан продолжал распекать меня в том же духе.

— Учти, ещё раз вытворишь что-нибудь подобное — пеняй на себя. Поняла? И не смей обижать маму!

Что-то он разошёлся не на шутку. Об обязанностях старшего брата Нолан вспоминает только тогда, когда, по его мнению, я нуждаюсь в выговоре. А чтоб поддержать, помочь, так его никогда нет рядом.

Так и не дождавшись от меня ответа, Нолан выругался и отправился собираться в школу, так хлопнув бедной дверью, что несчастный плакат с изображением «One Direction» снова сорвался с двери и улетел под компьютерный стол. А я сверлила взглядом цветочный узор на обоях и кусала губы, сосредоточившись исключительно на том, чтобы не заплакать от жалости к самой себе. По-видимому, мне предстоит один из самых скверных дней в моей жизни. Нолан, скорее всего, ещё долго будет издеваться надо мной, мама тоже меня не похвалит, а когда вернётся Бэн, то они объединят свои усилия и вообще не дадут мне жить. Кто остаётся на моей стороне? Милли, моя милая, добрая подруга. И Оуэн.

Только я вспомнила о своём бойфренде, как мобильник известил о принятом сообщении. От Оуэна. "С тобой всё в порядке?" Волнуется!.. Это так мило! Я ответила: "Все норм". И мечтательно уставилась в потолок. Паутинку бы снять, но всё руки не доходят.

Моё одиночество было прервано появлением маленького Дэни, который тоже счёл своим долгом попенять старшей сестре на её отвратительное поведение. Но за это я послала братца на кухню делать мне чай, так как вылезать из постели мне не хотелось вообще. А ещё у меня сегодня был настоящий день открытых дверей. Искренне рада я была одной только Милли. Она явилась ко мне после четвёртого урока и просидела довольно долго, выпив несколько чашек зелёного чаю и поделившись школьными новостями. В принципе, новость была одна — с Памелой Твистер ночью в лесу что-то случилось.

— Милли, скажи им, чтобы катились все к чёртовой матери, — попросила я подругу.

— Я так и говорю всем любопытным. — Милли слишком уж усердно закивала головой, и у меня закралось сомнение в её искренности. Подруга продолжала настойчиво выспрашивать у меня подробности, и я поначалу удивилась, почему же Нолан с Брайаном ничего ей не рассказали.

— А вы с мамой из-за Оуэна поссорились, да? — Глазки Милли загорелись от предвкушения посплетничать. — Что вы там натворили? Мои родители тоже не восторге от Коллина, но мне наплевать на их запреты. Если нужно будет, я стану встречаться с ним тайно.

Я ответила, что не из-за Оуэна, чем огорчила дорогую подругу. Но она не понимает, что не всё в жизни сводится к любовным интригам. Хотя, может, я обманываю саму себя?..

Оуэн позвонил мне, когда Милли, водрузив свои длинные ноги на мой компьютерный стол, допивала третью чашку чаю.

— Привет! Как у тебя дела? — весело спросил Оуэн, и я услышала детский смех, раздававшийся совсем рядом с ним.

— Лучше всех, — по своему обыкновению соврала я, — только никто не завидует. Я слышу, у тебя там так весело!..

— А, это мне приходится иногда нянчить свою племянницу Лиззи, — ответил Оуэн, и я живо представила, как он закатывает глаза и морщит лоб. — Это дочурка другой моей старшей сестры. Ей всего два годика, она страшная непоседа, и я уже просто схожу с ума!..

— Я прекрасно тебя понимаю, — посочувствовала я. — Мне тоже приходилось нянчить Дэни. Но он был довольно послушным ребёнком. Я просто сажала его перед кучей игрушек и

могла часами играть в комп. Никаких проблем.

— Да уж, тебе повезло иметь такого младшего брата, — протянул Оуэн, не сказав, однако, ни слова о моём старшем брате.

— Значит, мы сегодня не увидимся? — ляпнула я.

Мой вопрос Оуэна, похоже, заметно удивил — я поняла это по его интонации.

— Я бы очень хотел прийти сегодня к тебе, но не могу, извини. Сама понимаешь — я сижу с Лиззи. А потом уроки ещё нужно сделать. И твоя мама ясно дала мне понять, что в ближайшее время не очень хочет меня видеть. А я не хочу портить с ней отношения.

Он явно не договаривал. Но я его понимала — кто в здравом уме захочет идти к своей девушке через лес, кишасий голодными людоедами-гризли? А потом ещё возвращаться обратно. Одно из достоинств Оуэна — это то, что он не строит из себя бесстрашного рыцаря, как некоторые, и за это я его люблю.

— Тогда увидимся, когда она немного подохнет, — сказала я, — давай, не буду отвлекать тебя от Лиззи. Целую. Пока.

Он тоже ответил мне всеми подходящими случаю приятными фразами, и мы отключились. И как только у Милли и Коллина хватало терпения прощаться каждый раз по полчаса!..

Звонили и мои одноклассники, которым невтерпёж было узнать последние новости из первых уст, в их числе была и Винона-мой-враг-номер-один, но я твёрдо решила сильно не распространяться, лишь говорила о том, что ушла из дома подышать свежим воздухом и просто забыла взять с собой телефон. Но меня всё равно не покидали смутные сомнения, что ни одна живая душа мне не поверила.

— Все думают, что тебя изнасиловали, — просветила меня Милли.

И почему людям обычно приходит в голову только всё самое худшее?..

— Придётся их разочаровать, — ответила я.

— А что, это неправда? — Милли даже вперёд подалась.

— И ты туда же! — Я обиделась.

— Ну, пожалуйста, прости! — Она погладила меня по плечу. Всё-таки Милли классная, что бы там ни говорили.

Потом к нам присоединился Нолан, и они вдвоём стали пичкать меня самыми разными страшилками. О гигантских медведях гризли, загрызших людей где-то в лесах Канады, о том, что эти самые медведи пробираются даже в жилые районы и пугают бедных людей тем, что стучатся по ночам в их окна и не уходят до утра. О вампирах, подкрадывающихся бесшумно и незаметно, и выпивающих из тебя всю кровь. Об оборотнях, которые нападают на забредших в лес людей...

— Причём самым лакомым кусочком они считают человеческие кишки! — с выпученными глазами, чтобы мне было страшнее, говорила Милли. — Они зарывают свою пасть тебе в живот и кушают, кушают тебя, пока ты ещё жива!

— Меня? — От страха мой голос стал похож на бляение маленького замёрзшего ягнёнка.

— Дура! — заявил Нолан, прихлёбывая чай. Как он вообще может пить в такую минуту?! Болван бесчувственный.

— Я дура? — переспросила я. Так, на всякий случай.

— Нет! Милли! — ответил брат. — Но и ты тоже хороша. Слушаешь всякую белиберду, уши развесила. Вообще-то, если вы обе не в курсе, то в природе ни вампиров, ни оборотней

не существует. Сказки это всё.

— Но медведи же существуют! — возразила я.

— Медведи — да, — согласился Нолан.

А Милли, обидевшись, уже не стала участвовать в наших дискуссиях. Она с гордо поднятым подбородком засобиравалась домой. Подкрасила губы, поправила колготки, расчесала волосы. Нолан с насмешливым выражением на лице молча наблюдал за всеми её манипуляциями.

Когда я выпроводила надутую от обиды подругу до крыльца и вернулась в комнату, брат доедал последнюю печеньку. Неужели о моей фигуре заботится?

— Как ты можешь дружить с этой... курицей? — Он явно хотел выразиться по-другому, но подобрал самое мягкое слово из своего лексикона, чтобы охарактеризовать такую девушку как Милли.

— Она моя лучшая подруга! — попыталась возразить я, но брат лишь глаза закатил.

— Лучше подружись с Николь. Или Виноной — у неё хоть мозги имеются. А у твоей Милли, кроме костлявых коленей и серёжки в пупке — вообще ничего. На неё мог клюнуть только такой придурок как Коллин.

У меня отвисла челюсть. Он что, совсем в жизни ничего не понимает?

— Мы с Виноной враги номер один! Ты не знал, что ли?

Нолан поинтересовался, почему это.

— Она... м-м-м... удивилась, что я смогла похудеть. — Когда я озвучила причину, по которой мы, вернее, я враждовала с Виноной, она сама показалась мне смешной.

Нолан громко фыркнул в ответ и со словами: «Можешь и дальше дружить со своей пустоголовой Милли, а я умываю руки!» — удалился из моей комнаты. Оставив на столе три грязных чашки и пустую тарелку, в которой ещё недавно лежала приличная горка кукурузного печенья, которое испекла мама.

Потом ко мне триста раз заходили и мама, и Дэни, и Бэн, и Нолан, и Николь, и соседи, и кое-кто из одноклассников, и многочисленные мамины подруги, и даже дедуля Такер из совета старейшин. Все меня расспрашивали, отчитывали, утешали, жалели, советовали. Мама даже плакала. Конни Доусон, мама Коллина, тоже почему-то рыдала. Нолану не терпелось с кем-нибудь подраться, только он пока не знал, с кем. И на всякий случай, пока не подвернётся более подходящая кандидатура, решил набить морду Оуэну, но не сильно, поскольку, по его словам, он «не хочет калечить убогих». Я в очередной раз пыталась доказать брату преимущество ума над силой, но он упорно не желал меня слушать. Естественно, мы с ним поссорились, и у меня даже поднялась температура. Мама позвонила доктору Спенсеру, что-то кричала в трубку о моей жизни и смерти, и только после своего получасового визита доктор смог более-менее успокоить маму, что со мной всё в порядке и что мне просто нужно хорошенько отдохнуть и привести нервы в порядок.

Папа тоже звонил.

— Привет, пап. Уже знаешь?

Я вздохнула и отстранила телефон от уха, пока отец распекал меня в легкомысленном отношении к собственной жизни и сокрушался по поводу того, что принимает мало участия в нашем с Ноланом воспитании. Ну, так это можно легко исправить! И я тут же предложила родителю приютить меня у себя.

— На некоторое время, — елеиным голосом увещевала я, — доктор Спенсер настоятельно рекомендовал мне смену обстановки, отдых и покой. Я же вас не сильно

стесню, правда?

— Э-э... — Папа явно пожалел о своих последних словах. Но слово не воробей, нечего было жаловаться на то, что он редко меня видит. — Детка, а как же школа? Ты пропустишь важные темы, контрольные... Потом так трудно будет навёрстывать упущенное!..

— Пап, не волнуйся, я думаю, с нашими учителями легко можно будет договориться, доучусь этот семестр заочно или вообще перенесу важные тесты на август. Школа с радостью пойдёт мне навстречу, уверяю тебя! Тем более, доктор Спенсер поможет их уговорить и выпишет все необходимые справки. Дело только за тобой.

— Мне нужно посоветоваться со Стеллой, — промямлил отец. — Разумеется, я буду очень рад пожить с тобой какое-то время, но моя жена... Нет, я уверен, она тоже тебе обрадуется, но все же будет не лишним предупредить её заранее, как ты считаешь?

Я считала эту новую папину жену настоящей стервой, а папу — подкаблучником, но иного пути выбиться в люди, чем некоторое время делить с ними крышу над головой и пользоваться их деньгами и связями, я не видела. Стелла, как ни крути, моя родная мачеха, и с её стороны будет просто свинством мне не помочь. А родной отец на то и отец, чтобы помогать. Тем более, когда они с мамой в разводе. Сейчас самое подходящее время, и предлог имеется, чтобы наконец-то выбраться из Ниа Бич.

— Конечно, папочка, я подожду вашего решения. — Я вложила в свой глубокий вздох как можно больше тоски и страдания, и папа, похоже, проникся ко мне настоящим сочувствием, так как голос его дрогнул, когда он произнёс следующие слова:

— Хорошо, милая, можешь на нас рассчитывать. Я обговорю все детали с твоей мамой. Но ты там своим отъездом, — уже другим, шуточным тоном спрашивал папа, — никому сердце не разобьёшь?

Я вспомнила об Оуэне, о наших совместных играх в компьютер, разговорах о будущем, первых неумелых и робких поцелуях, и моё сердце, признаться честно, защемило от тоски.

— Нет, пап, мы как-нибудь переживём. Будем видеться по скайпу, нам не привыкать общаться на расстоянии.

Папа, естественно, тут же принялся расспрашивать меня о моих сердечных делах, и пришлось ему кое-что рассказать. Чтобы не умереть от скуки, общаясь с родителем, я смотрела в окно на расположенную вдали трассу и машинально водила пальцем по стеклу, рисуя сердечки и цветочки.

— Да, папочка, он очень хорошо учится и влияет на меня исключительно положительно. Нет, конечно, ничего лишнего он себе не позволяет, ты же знаешь, какой у меня брат! Нолан не церемонится и сразу бьёт в нос и по печени.

Папа рассмеялся и спросил, как дела у Нолана.

— Насколько я знаю, неплохо, — ответила я. — Его команда полностью разгромила сборные Хоквиамы и Порт-Анджелеса, теперь они готовятся сразиться со старичками из Олимпии, которые уже третий год подряд занимают первое место на чемпионате. Нолан не успокоится, пока не утрёт олимпийцам нос.

— Вы оба были сильными и целеустремлёнными с детства, — радостно всхлипнул папа, — я вами горжусь! У вас в жизни всё получится, я верю!

Да, папочка, но только с твоей помощью. И со связями Стеллы. Без вас мне придётся ой как туго. Вслух же я сказала:

— До свидания, папа! Я ужасно соскучилась и считаю дни до скорой встречи с тобой! И позвони, пожалуйста, маме сегодня же. И будь понастойчивее. Скажи, что очень по мне

соскучился. Ну, пожа-а-алуйста!

Папа пробормотал в ответ что-то маловразумительное, и я нажала отбой. Ну вот, ещё один шаг для достижения заветной цели сделан. Не уверена, что всё пройдёт гладко и мама меня отпустит, но почему бы и нет? Всё равно летом я уеду и никакая школа и мама меня уже не остановят. Месяцем раньше — месяцем позже, какая разница?..

Несмотря на мамин запрет, я попыталась скрасить свой вечер, играя в любимые стрелялки. Оуэн сегодня был мне не помощник, поэтому приходилось выкручиваться самой. Но что самое странное — в свете пережитого вчера и рассказанных мне Милли и Ноланом страшилок сегодня ни монстры, ни зомби не доставляли мне прежнего удовольствия. Наоборот — только отвращение и страх.

В игры для девочек я играть не любила, поэтому зашла на свою страницу в Фейсбук и обнаружила новые лайки и странные комментарии вроде «Клёвая фотка» и «Мне нравится» от Брайана Фуллера. Он вообще в курсе, что я его отправила в список парней, которым разбила сердце?

В общем, я уже начала подозревать, что этот сумасшедший день никогда не закончится... И только уже далеко за полночь, когда все утомились, ко мне в комнату, напугав до полусмерти, вошёл некто в белом. Крик застрял у меня в горле, но я вовремя поняла, что это всего-навсего Дэни в своей любимой пижаме с пандами.

— Что ещё случилось, Дэни?! — спросила его я, когда ко мне вернулся дар речи.

— Памела, извини, пожалуйста, но я тебе совершенно забыл сказать, — Дэни на миг замаялся, но потом продолжил: — Может быть, это важно, не знаю. Когда Нолан только ушёл в школу, а ты выпила чай и снова заснула, приходил Брайан. Я не пустил его к тебе, сказал, что ты спишь. Я правильно сделал или нет?

Приходил Брайан? Какого чёрта? По законам жанра ко мне должен был прийти Оуэн, а не Брайан!!! А брату я ответила так:

— Конечно, правильно, Дэни. Спасибо. Иди спать.

Малыш прошлёпал обратно к себе, а я зажмурилась и попыталась уснуть. Но сон упорно не шёл ко мне. Вместо него комнату заполнил тяжелый, унижительный, липкий страх. Лежать просто так с закрытыми глазами было невыносимо страшно, но лежать без сна, ожидая из-за каждого тёмного угла появления чего-то мистического, было тоже невмоготу. Я так хотела, чтобы этот ужасный день поскорее закончился, но когда это долгожданное событие свершилось, я поняла, что мне не хватает шума и присутствия моих родных и друзей, которые отвлекали бы меня от неприятных мыслей. Я убеждала саму себя, что скоро всё это закончится и забудется, что я буду удивляться своему страху и своим переживаниям, но сейчас ничего поделать с собой не могла. Нужно просто пережить эту ночь. Завтра всё будет по-другому.

Глава 8. Несколько очков в пользу Брайана

Я подозревала, что мама скептически отнесётся к моему переезду в Сиэтл. Она разрывалась между желанием всегда и везде контролировать мою личную жизнь и между заботой о сохранности моей нервной системы. Наконец, моё постоянное нытьё и уговоры взяли своё — мама согласилась и стала собирать меня в дорогу. Но всё равно раньше, чем через две недели, я не могла покинуть Ниа Бич — что-то там не клеилось у папы. Наверное, папа ошибся, и его драгоценная Стелла вовсе не в восторге от моего приезда.

Чтобы чем-то себя занять, ибо больше просто была не в состоянии поливать свинцом и жечь огнём зомби и кровососов, как раньше, я стала перерывать Интернет в поисках информации, которая могла мне пригодиться в дальнейшем. И накопила много всего интересного, считая то, как начинали свою карьеру многие звёзды Голливуда. Например, до того как стать знаменитостью, кое-кому понадобилось сняться в пятнадцати провальных картинах, причём несколько из них так и не вышло на большой экран. Брэд Питт работал зазывалой в ресторане фаст-фуда, облачившись в костюм цыплёнка, Сандра Буллок тоже работала в дешёвых забегаловках — разносила клиентам подносы с едой. А добрая половина актёров — бывшие модели, среди них Мила Йовович, Анджелина Джоли, Аманда Сейфрид Роберт Паттинсон. И я сразу воспрянула духом, понимая, что у меня не всё так уж и плохо: Стелла работает фотографом в какой-то редакции, так что у меня есть все шансы. Какое счастье, что мне удалось похудеть!

Одноклассники приятно удивили меня тем, что были искренне рады моему возвращению в школу. Милли с радостным визгом бросилась меня обнимать, Джинни Уотс и Энни Стоун последовали её примеру, и даже Виона-мой-враг-по-смешной-причине, улыбнувшись, поинтересовалась, как у меня дела. Причём в её вопросе я не уловила ни тени насмешки.

— Да так себе, — честно призналась я и удивилась сама себе — что это я не вру по своему обыкновению.

— Понимаю, — сказала Виона. — Я рада, что ты снова влилась в коллектив. Без тебя было не так весело, правда.

Она улыбнулась так мило, что мне захотелось тут же простить её слегка обидную фразу по поводу моего похудения. Но я обернулась и встретилась с недовольной физиономией Милли. Она не любит, когда я дружу с кем-то ещё, кроме неё. И я тут же отошла от Вионы, сказав, что мне нужно срочно подготовиться к уроку. Странно, но никто меня даже не думал подкалывать встречей с медведем или чем-то другим.

Вечером я поинтересовалась у Нолана, мол, как так получилось, что вся школа осталась в неведении о том, как они с Брайаном нашли меня, лежавшую лицом в сугробе.

— Памела, помнишь наш недавний разговор?

— Об оборотнях, любящих вкушать человеческие кишки? — с надеждой спросила я.

Нолан сплюнул.

— Нет. О дружбе. — Он поднялся с дивана и задумчиво посмотрел в окно, где сгущались вечерние сумерки. — Если ты что-то понимаешь в ней, то...

— Слушай, ты ничего не сделал Оуэну? — вдруг вспомнила я.

— Пока нет. — Нолан побоксировал воздух. — Но он нарывается.

— Сделаешь ему что-нибудь — убью! — погрозила я, но он в ответ лишь рассмеялся.

Достала уже его опека. — Но, раз тебе не нравится Оуэн, может, тогда сам выберешь мне парня?

— Почему бы и нет?

— И кто же, на твой дурацкий вкус, мне подходит? — усмехнулась я.

Нолан задумался, даже нос наморщил.

— Не знаю. Но только не Оуэн, — был категорический ответ.

— Что, вот прямо никто-никто? — не унималась я.

— Ну, может, Брайан? — допустил брат. — Я его знаю как себя.

— Ещё чего! Я не буду встречаться с парнем, который обзывал меня хомяком!

— Ой, да ладно! Какие мы злопамятные! Как тебя было ещё называть, с такими-то щеками!

Разговаривать дальше было совершенно бесполезно. Не кричать же ему с пеной у рта, что он мне не отец и не мать, что мне на его мнение глубоко наплевать и вообще у нас с ним разные вкусы — всё это уже пройденный этап. Нужно взрослеть и быть мудрее. Я просто многозначительно фыркнула, гордо вздёрнула подбородок и молча удалилась в свою комнату. Как Милли.

Было скучно. Оуэн, конечно, звонил каждый день. Но, так как в компьютерные игры мы больше не играли, то все темы, на которые можно было бы с ним поговорить, уже полностью исчерпали себя. Готовить домашнее задание, общаясь по скайпу, меня не привлекало, заниматься сексом по телефону мы не решились, поэтому всё наше общение сводилось к общим фразам «Как дела?», «Я по тебе скучаю», «Целую» и томным вздохам в трубку.

А тем временем весна набирала обороты. Теплело день ото дня. Несмотря на скорый отъезд, хотелось любви. Очень хотелось. И так, чтобы она была под боком, а не где-то там в Хоквиаме.

И хотелось не только мне.

Ещё с первого дня моего возвращения в школу Брайан, сидевший позади и наискосок, стал сверлить меня взглядом. Я ощущала силу этого взгляда физически, да я даже дышать нормально не могла! Пару раз оборачивалась к нему, грозила кулаком, но он лишь улыбался в ответ или отводил глаза, но стоило мне снова развернуться и попытаться вникнуть в то, что говорит учитель, я снова чувствовала, как у меня буквально горит спина.

Мистеру Пратту, преподавателю истории, похоже, надоело распинаться перед неблагоприятными слушателями, и козлом отпущения он выбрал меня:

— Памела, развернись, пожалуйста, лицом ко мне и повтори то, о чём я рассказывал в течение последних пяти минут. Можно своими словами.

— Эм... Я прошу прощения...

Давненько мне не было так стыдно. А в классе тихо-тихо, и слышно, как в соседнем кабинете отвечают урок. Все притихли, ожидая, чем закончится диалог между историком и мной. Краем уха, я, разумеется, слышала, что мистер Пратт битый час разглагольствовал о каких-то философах. Мои познания в этой науке ограничивались фактом о том, что кто-то из них сидел в бочке. Но за что и почему — неизвестно. Я с надеждой посмотрела на Милли, но она сделала вид, что вообще не при делах и беззаботно рисовала на полях тетради цветочки.

А мистер Пратт продолжал упражнять своё красноречие на мне:

— Я понимаю, что сейчас весна со всеми вытекающими отсюда соблазнами, и Брайан Фуллер кажется тебе более интересным, чем Фома Аквинский... Но Брайан никуда не

денется, поверь мне, а по эпохе Средневековья вам ещё контрольную работу писать.

Давненько я не слыхала, чтобы наш класс так дружно ржал. Тем более над такой несмешной шуткой. Даже мой братец, и тот улёгся на парту и хватал ртом воздух. А мне ужасно захотелось придушить этого коварного Брайана. Но я по крайней мере перестала крутиться и усердно пыталась понять, что там рассказывал мистер Пратт. Но его голос был похож на журчание реки в хмурый ветреный день, и я, убаюканная её течением, погрузилась в собственные грёзы о том, каким чудесным образом изменится моя жизнь, когда я вырвусь из тесных оков провинциального городишки. Мне, конечно, жаль расставаться с Оуэном, мамой, Милли и даже с Ноланом и Дэни, но ведь телефон и скайп никто не отменял.

На перемене я хотела подойти к Брайану и отчитать его, но потом передумала. Что я ему скажу? Что он на меня смотрит? Это как-то неубедительно. Поэтому мы с Милли отправились в столовую попить чайку с пирожными.

Подруга купила себе тирамису и парочку эклеров, чем повергла меня в шоковое состояние. Хотя я давно заметила, что моя подруга каким-то волшебным образом никогда не полнеет, даже если очень сытно поест на каком-нибудь празднике или просто так. Но вот чтобы так откровенно меня соблазнять всякими вкусностями!..

Итак, Милли затоварилась вкусняшками, а мне не хватило денег даже на какой-то полусдохший бисквит. Я отчаянно рылась в карманах.

— Милли, ты не одолжишь мне немного? А то я не доживу до конца уроков. — Я не шутила. Я действительно была голодна как волк, потому что утром выпила лишь несколько глотков обезжиренного йогурта.

— Прости, Пэм, трудности с финансами. — И Милли, водрузив свой ланч на поднос, деловито направилась к единственному свободному столику.

Я уже было открыла рот, чтобы возмутиться ей вслед, тем более, стоявшая за прилавком миссис Морган смотрела на меня выжидательно-насмешливо, отчего хотелось краснеть, провалиться сквозь землю и вынырнуть где-то в тёплом Средиземноморье.

Но меня неожиданно спасли.

— Сколько не хватает? Держи! — Я не знаю, когда именно Брайан очутился за моей спиной, но он уже протягивал мне деньги.

— Спасибо, рассчитаемся, — буркнула я и взяла лишь только потому, что было неловко задерживать очередь и оказаться несостоятельным покупателем. Но я тут же пожалела об этом. Уж лучше бы давилась минералкой, глядя на то, как Милли поедает пирожные; наверняка она бы поделилась со своей лучшей подругой. Но не говорить же при всех, что я уже передумала. Надеюсь, этот аппетитный кекс, который я собираюсь купить, застрянет у меня в горле.

Мне не хотелось садиться к Милли, но, во-первых, она может неправильно меня понять и обидеться, а во-вторых, не подсаживаться же мне, в самом деле, за столик к толстяку Брайсу Дэвису из одиннадцатого!.. Ведь другие места все заняты.

— Толстей, толстей, — Милли со вздохом пожелала мне приятного аппетита, — если тебе на себя наплевать, это твои проблемы.

— Я себя всякой люблю — и худой, и толстой, — грубовато ответила я, жуя свеженький ароматный кекс.

— Ну, ты-то, может, и любишь, а если твоему Оуэну нравятся исключительно стройные девушки?

Мне не понравилось то, на что намекала Милли. Но я ничего не ответила и доела свой

кекс уже безо всякого аппетита. А за соседним столиком Нолан и Брайан уписывали за обе щеки чуть ли не всё, что могло предложить не блещущее разнообразием меню нашей школьной столовки. Кто бы что ни говорил, но девушкой быть намного сложнее.

Следующим уроком была геометрия.

Я пропустила важный материал, да и вообще точные науки никогда не входили в круг моих интересов. А тут снова неприятность, как будто мало их на меня сегодня свалилось! Контрольная! А мама предупреждала меня, что если я снова нахватаяюсь двоек, то ни о каком переезде к отцу не может быть и речи.

Я огляделась. Милли вряд ли поможет, так как сама не дружит с точными науками, да мне, честно говоря, и не хотелось её просить. Нолан слишком далеко сидит. И я вижу, как он самозабвенно списывает у Джинни Уотс. А та и рада стараться, дурочка. Уверена на все сто, что ей ничего не светит, Нолану нравятся девушки совсем другого типа, такие как Николь. Но что же делать, как мне быть?.. Нужно как-то спасти ситуацию, потому что в этих задачах сам чёрт не разберётся, не то что я.

Тут в бок мне что-то ткнулось, я едва сдержалась, чтобы не подпрыгнуть на месте и не закричать. Я обернулась.

— Что надо? — Я попыталась испепелить взглядом Брайана Фуллера.

— Это тебе.

Покосилась на сложенный вчетверо тетрадный листочек, любезно протянутый мне одноклассником. Первым делом я хотела стукнуть его линейкой по башке, но потом подумала, что для начала лучше всё-таки прочесть то, что там написано, а уж потом действовать по ситуации.

Я сморщила нос и отобрала у него бумажку. Развернула. Красивым почерком Виноны было написано решение двух задач, над которыми я просидела бы до второго пришествия. Неплохо. Две правильно решённые задачи — и уже двойка по геометрии мне не светит. А что значат фиолетовые сердечки, обрамляющие эти самые решения? Не Винона же малевала их для Брайана. Или... она?.. Я покосилась на Винону — она усердно чертила в своей тетради параллелепипед.

Мы с Милли даже поссорились из-за этого Фуллера. Самолюбию моей подруги был нанесён непоправимый вред — оказывается, с Коллином они снова поссорились, и чтобы ему отомстить, Милли решила использовать Брайана. Но Брайан упорно её игнорировал, и подруга решила, что тому причиной я. Сколько я ни пыталась переубедить её в обратном, она и слышать ничего не желала.

— Милли! Богом клянусь, что Брайан мне не интересен! Я никогда даже не помышляла о том, чтобы с ним встречаться. Мне это не нужно. У меня свой парень есть.

Но Милли всё равно смотрела на меня волком и никакие слова на неё не действовали. Она вбила себе в голову, что рано или поздно я сдамся и назову себя девушкой Брайана. Она ошибается!

— Давай поспорим? — предложила я.

Глаза Милли на миг вспыхнули огоньком азарта. Но она тут же завертела головой.

— А толку? — резонно заметила она. — Всё равно ты скоро уедешь и оставишь Брайана с носом. А ты сама не переживаешь за Оуэна? Вдруг он станет ухаживать за кем-то ещё, пока тебя нет?

Пожалуй, никогда в жизни я так не удивлялась. Даже когда выиграла у Нолана пари.

— Милли, да кто на него позарится?! Кожа да кости. Ну, и прыщи на лице...

— Ну, знаешь! — Милли почему-то обиделась. — Парень и не должен быть красавчиком. Если он чуть краше крокодила — уже хорошо. Главное — душевные качества, верно?

— Верно, — протянула я, не совсем понимая, к чему это клонит моя подруга.

— Но ты себе в Сиэтле ещё сто таких же найдёшь! Я уверена, — сладко прощепетала она и бросилась меня обнимать. Хотя ещё пять минут назад готова была рассориться навсегда. Я сама девушка, но не всегда понимаю себе подобных. Да что там говорить, если мы порой сами себя понять не можем.

Я человек принципиальный, поэтому, выпросив у мамы немного денег, решила отдать Фуллеру долг. Я нарочно подстерегла его после тренировки, совершенно измотанного, чтобы у него уже не было никакого желания куда-либо меня приглашать, и просто сунула ему деньги.

— Держи. Спасибо за то, что не дал мне умереть с голоду. — И ускакала.

Да, я старалась его избегать. К счастью, это было не так уж и трудно. Я пряталась от него либо в театральной студии, либо у Милли. А у мальчишек каждый день были тренировки. Приближалась дата чемпионата по баскетболу и, что меня радовало больше всего, — день отъезда к отцу.

В этом чемпионате, кажется, были задействованы все, кроме меня. Милли, Винона, Энни, Джинни и другие одноклассницы участвовали в группе поддержки, а парни, кроме абсолютно никому не интересных личностей вроде Бобби и Джима, входили в состав команды.

Я пригласила на чемпионат Оуэна. В конце концов, он мой парень или как? К тому же я реально по нему соскучилась. Мне очень не хватало его трезвых суждений и просто его присутствия рядом.

И вот один из этих долгожданных дней настал.

Одно удовольствие наблюдать, как индейские парни играют в баскетбол. Высокие, стройные, грациозные, словно молодые мифические полубоги, они так ловко управляют с мячом, что куда там этим олимпийцам!.. Мартин Фокс подпрыгивает так высоко и изгибает своё тело под таким немислимым градусом, что мяч всякий раз послушно попадает в кольцо. Коллин, пожалуй, слишком сильно подаёт, но Нолан или Брайан в два счёта, чтобы мяч не перехватил кто-нибудь из соперников, молнией бросаются за ним и перехватывают на лету. Брат играет яростно, видно, как он вскипает, когда мяч оказывается в руках противника, но кажется, что он повсюду и каким-то неестественным чутьём угадывал, что собираются делать как свои, так и противники. Недаром его избрали капитаном сборной Ниа Бич. Вообще, наши играли до того слаженно, что создавалось впечатление, будто все они обладают общим сознанием. Я даже невольно залюбовалась ими. Да и не только я одна. Держу пари, все зрители, находящиеся в спортзале, свои сердца отдали нашим смуглым парням.

— Они сегодня в ударе, — проговорил Оуэн. Он предупредил меня, что ничегошеньки не понимает в баскетболе. Но это не важно. Главное, он рядом со мной.

— Мы победим, — уверенно сказала Николь. Она милая, открытая, красивая девушка, и пусть простит меня Милли, но сейчас я как никогда хотела, чтобы на её месте отныне была Николь.

— Конечно, — улыбнулась я ей, — я тоже не сомневаюсь в этом.

Перехватив у соперников мяч, Брайан, будто услышав наш разговор, неожиданно

оглянулся и встретился взглядом со мной. И почему меня угораздило разглядывать его именно в эту минуту?.. Я вспыхнула и взяла Оуэна за руку. Тот улыбнулся и что-то мне зашептал. Я не слышала. Потому что внизу произошло нечто невероятное, и все трибуны разом зашумели. Девушки из команды поддержки первыми вскочили со своих мест и дружно замахали пёстрыми помпонами.

— И-и-и невероятный бросок Брайана Фуллера приносит три очка своей команде!!! — усиленный специальной аппаратурой, голос комментатора перекрыл царящий в спортзале галдёж.

— Что-что? — Оуэн наклонился прямо к моему уху, задевая его губами.

— Ну, ты же видел?! — отвечаю я вопросом на вопрос, немного резковато, но тупость Оуэна в вопросах спорта, мягко говоря, раздражает. Ведь он мог просто промолчать. — Брайан только что забросил мяч в кольцо! Стоял себе, — чуть не ляпнула «пялился на нас», но вовремя спохватилась, — а потом вдруг перехватил мяч и кинул прямо в кольцо! С расстояния больше шести метров! Это круто! По-другому не скажешь!

— Да, — рассеянно промычал мой парень. Ну, не спортсмен он, и что тут такого? Чтобы загладить свою вину из-за резкого тона, я переплела наши пальцы и крепко сжала ему руку. И снова почувствовала на себе взгляд Брайана.

Окруженный довольными друзьями, он гипнотизировал меня своим взглядом, а я пыталась разгадать его немое послание.

Впрочем, я догадывалась, что именно он хочет мне сказать. Нужно быть совершенной дурой, чтобы этого не понять. Но всё равно его логика где-то заблудилась. Я всю жизнь, считай, рядом. У него на глазах я росла, выросла, толстела, худела, убивала зомби, получала двойки, валялась в грязном сугробе... Ничего такого экстраординарного не случилось, чтобы из хомяка я так неожиданно переквалифицировалась в девушку, на которую смотрят такими влюблёнными глазами. Жаль, что никому, кроме Оуэна и Брайана, я больше не нравлюсь... Но Милли права. Может, я найду себе парня в Сизтле.

Глава 9. Тест на выживание

Была бы моя воля, запретила бы прощания. Слишком уж это мучительное занятие, даже я не сдержалась и пустила слезу. Мама плакала больше всех, гладила меня по голове, давала совершенно ненужные напутствия:

— Кушай там хорошо, девочка моя. Одевайся тепло. Из дому одна никуда не выходи. И поскорее возвращайся домой!

Вот ещё!.. У меня совсем другие планы.

— Береги её там, Дик, — выговаривала мама отцу, — смотри, ты отвечаешь за неё головой! Ох, не надо было мне соглашаться на эту авантюру!..

Папа неловко утешал маму. А она так разошлась, что даже припала к его плечу. А папа гладил её по волосам. Бэн стоял рядом и, как ни в чём не бывало, утешал её тоже. Картина века. Но я сама едва удержалась, чтобы не броситься маме на шею с криком: «Мамочка-а-а! Не покидай меня!» Вообще-то, это я её покидаю.

Мальш Дэни прыгал вокруг меня и заглядывал в глаза. Нолан сгрёб в объятиях и чуть не задушил. Бэн дал немного денег, чем привёл меня в некоторое расстройство — я знаю, что деньги, заработанные на убийстве китов, не пойдут мне впрок. По случаю моего отъезда Оуэн был допущен к церемонии прощания, но прощаться, хвала богам, он толком не умел, и только произнёс трогательную речь, очевидно, приготовленную заранее, и пожал мне руку, не решившись целовать при всех. Милли залила слезами всю мою новую футболку. Николь тоже прослезилась. И Брайан маячил на горизонте, хотя мы вроде бы попрощались с ним накануне.

Дело было так.

Вечерело. Моросил дождь. Я возвращалась домой от Милли, как из-за сосен вдруг появился Брайан и пошёл мне наперерез. Не убежать же мне от него.

— Памела! — Он поравнялся со мной. Глаза грустные-грустные. — Говорят, ты завтра уезжаешь?..

— Угу, — довольно ответила я.

— А давай мы пойдём с тобой куда-нибудь погуляем, — он выдохнул, — когда ты вернёшься? Ты ведь скоро вернёшься?

Не заманчивое предложение. Но у меня отличное настроение и хочется с кем-нибудь пофлиртовать напоследок. Или сердце разбить.

— О кей, но с одним условием, — сказала я.

— Да? — Брайан приблизился ко мне на шаг. Я отступила.

— Ты не должен ходить на свидания с другими девушками. Только со мной.

Я сама это сказала. Ну, да ладно. Слово не воробей. Оно имеет более разрушительную силу, или, наоборот, созидательную. Вообще, индейцев с детства учат сперва подумать, потом говорить. А я как будто не индианка вовсе...

— Не вопрос, — обрадовался Брайан.

— Ну, а если я что-то такое о тебе услышу, — я развела руками в стороны, — значит, не судьба!

Развернулась и, довольная собой, направилась было к дому, но Фуллер меня снова догнал. У него нет чувства меры. И чувства юмора тоже нет.

— А давай сегодня?

— Не-а, сегодня не хочу. Потом. Сейчас надо собираться. Завтра меня здесь уже не будет. Прощайте, сосны, прощайте, мишки. И ты, Брайан, тоже прощай! — пела я.

И оставила Фуллера у своего крыльца.

То было вчера. А сегодня, уже перед тем как сесть с папой в такси, ибо мама всхлипывать перестала и, перейдя в другую фазу, уже сама стала выпроваживать нас, Брайан, маячивший на заднем плане вместе с соседями, неожиданно подскочил ко мне и сграбастал в объятиях. Среди присутствующих воцарилось молчание. Слышно только было, как громко бьётся сердце моего душеителя. Я сама ничего сказать не могла — мне сплющили грудную клетку, и я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Когда у меня уже начало шуметь в ушах, а в глазах потемнело, нас наконец додумались разъединить. Я закашлялась, пытаюсь вдохнуть глоток воздуха. Кто-то постучал меня по спине.

— Памела! — Фуллер сделал попытку вновь приблизиться ко мне.

— Прощай, Брайан! — прохрипела я и помахала всем ручкой. Это были последние слова, сказанные мной в Ниа Бич.

Мне невольно вспомнились Милли и Коллин и их нескончаемые прощания по телефону, которые всегда так раздражали меня. Теперь, кажется, мы с родными и друзьями уподобились им. Мама снова раскинула руки, приглашая к себе в объятия, но я не поддавалась на провокацию и вскочила в авто. Нолан тут же захлопнул дверцу. Папа сел рядом с водителем. Как только мы тронулись, все оставшиеся стали дружно махать мне руками. Я уткнула в стекло лоб и обе ладошки. Мне тоже грустно. Но ничего не поделаешь.

Уезжали мы из Ниа Бич под всё усиливающийся дождь и особенно громкое вытьё волков.

Итак, прощай, старая жизнь. Привет, новая!

Приземлившись в аэропорту Сиэтла, я ощутила себя попавшей в совершенно другой мир, где вместо сосен — сияющие огнями небоскрёбы, на месте однотипных домишек — развитая инфраструктура, вместо сиротливо притаившихся на пляже сувенирной лавки и захолустного кафе — шикарные рестораны, набережная, торговые центры, зоопарк, океанариум, музеи, парки, рынки, корпорация «Microsoft», наконец... И я живу теперь не в одноэтажном домишке, который вот уже много лет как вопиет о том, чтобы ему сделали капитальный ремонт, а на двадцать восьмом этаже сверкающего небоскрёба, расположившегося в престижном районе Сиэтла, и у меня просто умопомрачительный вид из окна на башню «Космическая игла». Да чёрта с два я теперь отсюда уеду.

Интерьер квартиры тоже поначалу был настолько непривычен для меня, что я буквально боялась ходить по идеально чистому светлому полу или пить кофе в белоснежной кухне. Минимум мебели, никаких ковров и милых индейских безделушек, из украшений — только непонятная картина, изображающая какие-то разноцветные пятна, и на низеньком прямоугольном столике — ваза из красного стекла, в которой торчало несколько колосков. Чистота и порядок, вся кухонная утварь не громоздится в тесной кухоньке на столешницах и подоконнике, как у нас, а спрятана в просторных нишах за гладкими пластмассовыми дверцами. Да и кухонной утвари у Стеллы практически нет. В моей комнате, кроме широкой кровати, устеленной светло-коричневым пледом, зеркального шкафа-купе и круглой люстры под потолком, больше ничего и не было. Голые стены выкрашены в пастельные тона, и никаких фотографий, постеров с изображением любимых актёров, календарей с милыми котятами или географических карт, призванных расширить наши скудные познания в этой науке. Такое впечатление, будто я попала на картинку в журнал «Модный дизайн», но никак

не в жилое помещение. Но постепенно привыкла. А моя комната быстро наполнилась такими необходимыми для жизни вещами как журнальный столик, ноутбук, чашка с блюдцем, стул с висящими на нём джинсами и майками, куча проводов — наушники, зарядка для ноута, для мобильного, для фотоаппарата...

Некоторые опасения у меня вызывала Стелла, моя мачеха (тоже, между прочим, индейских кровей), но она оказалась не такой уж и мегерой. По крайней мере, пока. Дома она появлялась только для того, чтобы поспать, принять душ и проглотить каких-то сомнительного вида семян или орехов, поскольку была убеждённой сыроедкой. Вот и отлично, значит, не будет соблазнов в виде тортиков, пирожков и прочих деликатесов — и ожирение мне не грозит. Стелла молодец. Вот у Бэна, несмотря на его тяжёлую работу, уже вырос второй подбородок и живот, а мой родной отец выглядит стройным и подтянутым. Правда, вид у него всегда полусонный, но я думаю, он просто устаёт на работе. Интеллектуальный труд тяжелее физического. Так говорят. Не знаю, не пробовала; до сих пор старалась избегать и того и другого. Однако я не отдыхать сюда приехала, я отдаю себе в этом отчёт.

Стелла, деловая женщина до мозга костей, сразу же поинтересовалась, чем я намерена заниматься в Сиэтле. Я не стала прикидываться дурочкой.

— Я мечтаю стать актрисой. Ну, или моделью для начала.

Она коротко рассмеялась.

— Об этом мечтают миллионы девочек твоего возраста. Но, как правило, мечты остаются мечтами. — Вот и Стелла туда же! — Ты не представляешь, какой это на самом деле каторжный труд. Не каждый выдерживает, многие ломаются.

— Я хочу попробовать, — твёрдо сказала я.

— У тебя есть какой-то опыт в этой сфере? — осведомилась Стелла.

— Я посещала театральную студию при Старшей школе в Ниа Бич, — гордо ответила я. И уже тише добавила: — Полтора месяца.

— А что, дорогая, мы ведь можем устроить Памеле этакий тест на выживание? Почему бы и нет? — Папа подошёл ко мне и обнял за плечи. Мне стало тепло только оттого, что я почувствовала поддержку. Когда в тебя верят, ты способен творить настоящие чудеса.

Мачеха внимательно пригляделась ко мне, даже за подбородок взяла, рассматривая моё лицо то с одной стороны, то с другой. Мне даже неловко стало.

— Ну, что ж, личико очень даже ничего, — сказала Стелла, — в кадре будет смотреться просто превосходно. Это я тебе как профессиональный фотограф говорю. Только вот сбросить бы пару лишних...

— Без проблем, — отмахнулась я.

— Вот и отлично. — Стелла улыбнулась, но потом бросила скептический взгляд на мою футболку с леопардовым принтом и украшенные вышивкой джинсы, и, нахмурив брови, проговорила: — Придётся потратить на тебя свой завтрашний выходной и заняться твоим гардеробом.

Я не нашлась, что сказать, кроме «Спасибо». А потом привыкла к манере общения Стеллы, которая только на первый взгляд казалась строгой и даже деспотичной, но это лишь оттого, что она не привыкла разводить нюни. Стелла была чайлдфри, то есть сознательно отказалась иметь детей во имя личной свободы. Что-то, конечно, в этом привлекательное есть, не спорю, но я невольно прониклась ещё большей симпатией к своим несносным братьям. Всё-таки хорошо, что на свете есть такие люди как моя мама, которые ещё не

против рожать детей.

Стелла только краем глаза посмотрела на содержимое моего чемодана, чтобы без промедления заняться «приведением в божеский вид этой дикарки». Особенно почему-то ей не понравился мой купальник. Тот, красненький, со стразиками, который я купила на выигранные деньги. Стелла сказала, что такой тряпчочкой она даже не стала бы протирать окна. Но, как ни странно, я на неё не обиделась.

И уже к вечеру следующего дня шкаф-купе в моей комнате наполнился новенькими вещами из дорогих бутиков, которые я бы себе никогда и ни за что не купила, но я решила целиком и полностью положиться на вкус моей мачехи.

Сложно сказать, сколько лет самой Стелле. В зависимости от времени суток, количества косметики на её лице и, наконец, её настроения, этой женщине можно было дать как двадцать, так и все сорок. Но я не решилась спросить её напрямик.

Моя внешность тоже подверглась незначительным изменениям. Стелла повела меня в салон красоты, где мне привели в порядок волосы, брови и ногти. Так что от созерцания собственного отражения в зеркале я приходила в полный восторг. И немедленно сделала несколько селфи и обновила фотки в Фейсбуке. Пусть все в Ниа Бич любят новую Памелой Твистер.

Но времени на Фейсбук и болтовню по телефону с Милли и мамой у меня теперь практически не было. Как и на парней. Стелла дала мне «поскучать» на новом месте всего лишь пару дней и устроила меня на курсы актёрского мастерства и в школу моделей, сделала мне профессиональную фотосессию, и не одну, а также следила за тем, чтобы я готовилась к школьным экзаменам, которые на семейном совете решено было сдать в июне, но как — очно или заочно — покажет время.

— Более половины жителей Сиэтла имеют высшее образование, — говорила мне Стелла, — между прочим, средний показатель по стране в целом в два раза меньше. Поэтому, если ты хочешь добиться в жизни определённых высот, настраивайся на учёбу. Бери пример с отца. Если бы он не окончил университет, то не работал бы сейчас в «Microsoft».

«А чинил бы в Ниа Бич газонокосилки, — мысленно продолжила её фразу я. — И воспитывал бы ораву детишек». Учиться, конечно, я не особо любила, но ведь жизнь состоит не из одних сплошных удовольствий. На них ещё заработать нужно.

Так моя жизнь неожиданно вошла в совершенно новое русло. Новые знакомства, занятия, зубрёжки, тренировки на износ, недосып, недоедание, фотосессии, мастер-классы, интересные встречи, показы, запарки, накладки... Моя жизнь стала похожей на калейдоскоп — красивые картинки менялись так быстро, что их невозможно было успеть разглядеть, но, так как они периодически повторялись, я быстро привыкла и примерно знала, чего ожидать от каждой из них. Было безумно интересно, но, как и предупреждала меня Стелла, невероятно тяжело, частенько даже больно и обидно до слёз, но мне это нравилось. Это то, чего я хотела.

Глава 10. Вредно не мечтать

Нолан редко баловал меня своими звонками, да и с мамой, Оуэном и Милли я могла поговорить всего лишь один-два раза в неделю, и то недолго. А на переписку в соцсетях у меня попросту не было времени. Если мне названивает сам старший брат, значит, случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Памела, поздравь меня! Я перешёл в одиннадцатый класс!!! С хорошими оценками! Оу. Учебный год закончился, а я благополучно пропустила это событие.

— Нолан! Во-первых, здравствуй. Во-вторых, у меня всё хорошо. В-третьих, я за тебя очень рада! Поздравляю от всего сердца!

— Тьфу! Ты там что, институт благородных девиц заканчиваешь? Нормальными словами можешь изъясняться?

— Извини... Просто пытаюсь брать пример с хороших людей.

— А у тебя как дела? Что новенького?

— Всё хорошо. Сейчас начнётся очередная фотосессия. — Я вертелась перед огромным зеркалом в фотостудии, где работает Стелла.

— Ясно, — протянул брат.

— Как там Николь? — Я поправила локоны, спускающиеся красивыми каскадами по плечам. Я была невероятно хороша в этом насыщенного синего цвета платье в пол.

— Тоже норм. Оценки у неё, правда, лучше, чем у меня, но женская сборная и в этом году проиграла Олимпиаде.

— Зато вы утёрли олимпийцам нос! — Памела из Сиэтла вновь уступила место Пэм из Ниа Бич.

— А то! Не зря мы тренировались до упаду!

— Молодцы! Смотри, Нолан, не подведи команду и в следующем году, и место в престижном колледже тебе обеспечено.

— Считаю, оно уже у меня в кармане, — хвалился брат. — Мы порвём любую баскетбольную команду, обещаю.

В это время меня позвали на съёмку.

— Нолан, извини. Меня Стелла зовёт. Давай, люблю тебя, мне некогда, поговорим потом, о кей? Маме привет! Поцелуй от меня Николь.

Я так далека от Ниа Бич, от семьи, от школы, от друзей и недругов, от медведей, наконец... Мне кажется, всё это было в прошлой жизни. Хотя я здесь, в Сиэтле, всего каких-то два с половиной месяца, мне кажется, он уже давно стал моим домом. Я привыкла к отцу, к Стелле, к постоянной занятости, к вихрем кружившим меня событиям... Зато, как я когда-то мечтала, весь городишко гордится Памелой Твистер и считает «звездой»... Ну, конечно, раз одна моя фотография, где я обнимаю громадного сенбернара, не без помощи Стеллы попала на страничку журнала для домохозяек под чудным названием «Светлые будни» (почему-то именно в рубрику «Трудный подросток: консультации практикующего психолога», но не суть), то я для них уже звезда мирового масштаба! Мама говорила, что тамошние индейцы раскупили весь тираж «Светлых будней» не только в Ниа Бич, но и в Порт-Анджелесе, и в Хоквиаме.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А когда я снялась — тоже не без протекции Стеллы — в рекламе стоматологической

клиники, в глазах родных и друзей я затмила своей славой Анджелину Джоли, Брэда Питта и всех голливудских актёров, вместе взятых. Хотя ролик этот крутили всего лишь по нескольким местным каналам. Милли даже организовала в соцсетях мой фан-клуб. Правда, мне всё недосуг туда заглянуть и узнать, что же обо мне пишут.

В конце июня учителя перевели меня в следующий класс, но не просто так, конечно, — ответы на экзаменационные вопросы я им выслала электронной почтой, а мистер Пратт экзаменовал меня по телефону. Естественно, Фоме Аквинскому мы уделили особое внимание.

Но все мои достижения — это такой мизер по сравнению с тем, о чём я мечтала!.. Теперь я понимаю, что имели в виду мама и Оуэн, когда говорили, что мне до Голливуда так же далеко, как до луны. И Стелла была тысячу раз права, говоря, что меня ждёт непосильный каторжный труд. Несколько раз мне даже хотелось всё бросить, сдаться, выпаться, наконец, но каждый раз я брала себя в руки. И поддержка родных тоже много значит. Нет, не так. Поддержка родных просто окрыляет, делает тебя способным творить настоящие чудеса.

Стелла не всесильна. Она делала для меня всё, что могла.

— Ходи на всевозможные кастинги, — говорила она, — Сиэтл, конечно, не Голливуд, но здесь тоже жизнь бурлит будь здоров. И пусть тебе не повезёт десять, двадцать раз подряд, но ты не сдавайся. Отрицательный опыт — тоже опыт. Зато на фоне новичков на очередном кастинге ты будешь выглядеть намного выгоднее, и рано или поздно тебя заметят. Обязательно. Участвуй везде, где только можно, во всяких конкурсах, кастингах. Ходи на съёмки передач. Любых. Просто сиди среди зрителей, всё может быть. Я верю, фортуна на твоей стороне.

Я тоже верила. Потому что без веры в себя ничего не получилось бы. После очередного провала на кастинге я падала духом, но возрождалась снова, и уже стала ходить туда как на работу. Хотя не всё было так трагично. Несколько раз мне предлагали играть незначительные роли, от которых я, правда, отказывалась сама.

— Алло? Брайан? Рада тебя слышать!.. — говорила я, пребывая в лёгком шоке после очередного кастинга. — Как у тебя дела?

— Да что там я!.. Ты о себе расскажи! Что новенького? Какие планы? Как прошёл день? Он уже давно перестал спрашивать, когда я наконец вернусь домой.

— С утра я была на занятиях дефиле, очень устала. Потом уроки сценической речи. Я после них вообще разговаривать не хочу, но приходится. Только что вернулась домой с кастинга. Ты не представляешь, что они мне там предлагали! — Я разговаривала с Фуллером как со своим старым другом. Все детские обиды как-то разом померкли на фоне моей бурной городской жизни.

— Что тебе предлагали? — напряжённо спросил Брайан.

— Ах!.. Мне предложили роль трупа! Ты можешь себе такое представить! Небольшой эпизодик в социальном ролике, в котором меня якобы сбивает машина, я лечу в кювет, а потом меня, лежащую в грязи и вымазанную красной краской, фотографируют криминалисты или кто там занимается такими делами... Это же ужас! Никогда на такое не соглашусь!

— Не соглашайся, — горячо поддержал меня Брайан. — А я видел тебя в рекламе. Ты там так круто выглядишь.

— Спасибо. — Я невольно улыбнулась. В этом рекламном ролике я не нахожусь с разинутым ртом в зубокабинете, как можно было подумать. Всё, что я там делаю

— это сижу, закинув ногу на ногу, в светлом просторном холле и делаю вид, будто читаю журнал, но на самом деле совершенно теряюсь на фоне пышнотелой афроамериканки с ребёнком, располагающихся на соседнем диванчике, якобы тоже в очереди на приём к знаменитому доброму доктору.

— Памела, — вздохнул Брайан, — я так хочу тебя увидеть. Я уже устал без тебя. Честно. Я налила себе кофе. Без сахара — так полезнее для фигуры.

— Я не собираюсь в ближайшее время возвращаться в Ниа Бич. У меня плотный график. Занятия на курсах актёрского мастерства. Школа моделей. На следующей неделе снова пойду на кастинг. Так что...

— А если я приеду к тебе? Можно?..

Теперь вздохнула уже я. Уселась на свою постель, вытягивая уставшие ножки.

— Брайан, извини, я не могу уделить тебе достаточно времени. Ко мне уже приезжали мама и Милли, и меня до сих пор мучает совесть за то, что их приходилось оставлять одних или заставлять ждать часами...

Я удержалась, чтобы не сказать, что не вижу смысла в его приезде.

— Памела! Я всё равно приеду. Я не доставлю тебе хлопот, обещаю. Просто мне очень нужно тебя увидеть. Хоть одним глазком! Ты не отвечаешь на мои сообщения в Фейсбуке...

— Мне некогда, правда. Не думай, что я игнорирую тебя.

— Серьёзно? — радостно. — Ты меня не игнорируешь?

Ну вот, кажется, я перестаралась с вежливостью.

— Брайан, пойми меня правильно...

— Можно вопрос? — и не дожидаясь ответа: — Ты нашла себе в Сиэтле парня?

— Ты не находишь, что с твоей стороны несколько бестактно задавать мне подобные вопросы? — спросила я. Всё-таки основы этикета, которые преподают нам в школе моделей, слишком прочно засели мне в голову. Да и Стелла постаралась — так не сиди, эдак не говори, это не вилкой едят... — К тому же я давно освободила тебя от того уговора, помнишь? Ты волен приглашать на свидания любых девушек...

— Да не хочу я других! — перебил меня Брайан. — Я тебя люблю!

В этот момент я невольно взглянула на себя в зеркало и увидела, как моё лицо медленно заливается краской. Рука, держащая чашку кофе, дрогнула, и кофе чуть не пролился на светло-коричневый плед. Скорее всего, Брайан просто рекламы по телевизору насмотрелся с моим участием. Иного объяснения нет, потому что расстояние и разлука чувства несколько не укрепляют — это я знаю по себе.

— Памела! Алло? Ты здесь?

— Да-да. — Я попыталась отпить несколько глотков, чтобы потянуть время и придумать какой-нибудь ответ, но поперхнулась и, чтобы не закашляться в трубку, закусил губу. Глаза затуманили слёзы и добрая половина циркулирующей в моём организме крови прилила к лицу, и, похоже, обосновалась там надолго.

— Так я приеду?

Что мне ответить? Запретить? Разрешить? Сердце мне ничего не говорит. Зато говорит совесть. И она явно против. Просто я не хочу напрасно обнадёживать парня. Но Брайан не даёт моей совести вставить ни одного слова. И вообще я ещё не откашлялась.

— Эх, давненько не был я в Сиэтле. Да и родителей, думаю, без труда уговорю отпустить меня на несколько дней.

Но Брайан зря принял моё молчание за согласие. Неужели он меня так плохо знает?

Когда это я была скромной девушкой? Скромные девушки остаются в Ниа Бич и безропотно ожидают своих прекрасных принцев. Я и принца себе сама найду, и на жизнь заработаю.

— Брайан, у меня есть несколько условий...

— Кстати, условие твоё я выполнил. У кого хочешь спроси.

Вообще-то, я имела в виду другое, но ладно.

— Неужели за два с половиной месяца ни одну девчонку не позвал на свидание? — недоверчиво переспросила я.

— Здесь некого приглашать. Все меркнут на твоём фоне.

Я фыркнула. Да конечно!.. Меркнут! Я как та звезда — далека и недосягаема. А они рядом, под боком. У нас в Ниа Бич полно симпатичных девчонок, взять хотя бы тех же Милли, Винону, Джинни или Энни.

— Ладно. Хочешь — приезжай. Устрою тебе тут «тест на выживание». — Я хихикнула.

— Значит, договорились. Жди. Приеду как только смогу. Я наберу тебя, как приеду, можешь меня не встречать. Я тебя не стесню, не переживай. — Уже глуше, видимо, он закрыл рукой микрофон: — Да отстань ты! Сейчас иду. Памела! — и снова оглушительно: — Пока! Люблю! Целую!

Самоуверенности ему не занимать.

Отбросила мобильник куда-то в сторону. Поставила чашечку на журнальный столик и откинулась на подушку. Закрыла глаза. Что это было вообще? Вот у Оуэна не хватило то ли смелости, то ли денег, то ли мозгов приехать ко мне в гости. Хоть на денёк. Ну и пусть у меня острая нехватка времени, он вполне мог бы сопровождать меня на кастинги, прогулялся бы со мной вечером часик-другой по парку, помог бы прорепетировать в лицах какой-нибудь отрывок — их тоннами задают по «Сценической речи»... Что это за парень, который готов уступить меня любому другому? Пусть не любому, но всё же. А Оуэн преспокойненько сидит себе дома и поигрывает в компьютерные игры. Хотя я подозреваю, что Милли давно взяла его в оборот, мне хватило нескольких случайно вырвавшихся у неё и у него фраз, чтобы это понять. «Я твой друг навсегда, что бы ни случилось», — в последнем телефонном разговоре заверил меня Оуэн. Ни «целую», ни «обнимаю». Но я не обижаюсь на них, я даже рада. В таком бурном ритме жизни, который пришёлся по вкусу мне, Оуэн бы потерялся. Брайан — другое дело, он из того же теста, что и мы с Ноланом.

За окном быстро стемнело, и «Космическая игла», и обрамляющие её небоскрёбы загорелись миллионами ярких огней. Хлопнула входная дверь, возвращая меня в реальность. Кто-то пришёл с работы.

— Памела, детка, ты дома? — Папа заглянул в мою комнату. — Не хочешь составить мне компанию? Я ужасно голоден и хочу перекусить. Пока нет Стеллы. Дело в том, что я заказал пиццу и её вот-вот принесут...

У него такой заговорщицкий тон! Я не против, я только за. Моей фигурке кусочек пиццы не повредит, а желудок пусть хоть немного поработает. За два с половиной месяца он уже практически отвык это делать. И уже сидя на кухне напротив отца и жуя источающий просто божественный аромат кусок грибной пиццы, я как бы между прочим спрашиваю, можно ли моему однокласснику Брайану Фуллеру в скором времени зайти к нам в гости.

— Но если вы против, в чём я несколько не сомневаюсь, то я всё пойму. Никаких проблем, — быстро добавляю я. — Если честно, я его сама видеть не очень-то желаю.

— Брайан Фуллер? Это не тот ли парень, который в день отъезда чуть не задушил в своих объятиях мою дочь? Как же долго он крепился, однако. Признаться, я ожидал его в

гости гораздо раньше.

Я поперхнулась шампиньоном.

— Я, конечно, плохой советчик в таких делах, сама понимаешь, почему. — Он глубокомысленно вздохнул, а я невольно взмолилась Богу, чтобы отец не вздумал сетовать по поводу того, каким был нехорошим мужем моей матери и плохим отцом для нас с Ноланом. — Не думаю, что Стелла будет против познакомиться с твоим давним поклонником.

— Ладно, папуль, спасибо за пиццу. — Я поднялась со стула. — Мне нужно ещё подготовиться к завтрашним занятиям. Я ещё не начинала.

Противоречивые думы о Брайане Фуллере и его любви к моей персоне были благополучно оттеснены на второй план. Неожиданно мне крупно подфартило, и этому везению я была обязана вовсе не Стелле, а себе самой! Во-первых, всеми правдами и неправдами я обошла свою соперницу-блондинку и стала лицом магазинчика "Мир воздушных шаров". Вернее, даже не магазинчика, а павильончика, располагающегося на одном из этажей не самого крупного торгового центра. Зато моё фото, увеличенное в три раза, где я, ослепительно улыбаясь, держу в руках целую гроздь разноцветных гелиевых шариков, теперь красуется на стене у входа в павильончик. Я и сама сфотографировалась на своём же фоне и выложила этот шедевр в Фейсбук. Тогда же и обзавелась двумя симпатичными поклонниками, которых, собственно, и попросила себя заснять. Парни сфоткались со мной тоже и пригласили попить с ними кофею. Я вежливо отказалась. На душе пели птицы и цвели розы.

А после этого меня неожиданно пригласили сняться в рекламе линолеума. Это был мой триумф! Я не вырывала зубами победу, за меня не замолвила словечко Стелла. Моё лицо уже работало на меня. Правда, когда я увидела, что получилось в итоге, радости моей немножечко поубавилось. Я так старалась, сверкала пятками, валяясь на этом вонючем линолеуме, делала вид, что увлечена разговором по телефону... А моё изображение просто размыли, сделали этаким безликим пятном — просто специалисты по рекламе искали смуглокожую брюнетку, чтобы контрастировала, а не сливалась с их драгоценным полимерным материалом для покрытия пола.

Зато на сердце было тепло от осознания собственной востребованности. Ну, и гонорары, конечно, куда же без них. А ещё я нашла время и заглянула на страничку в Фейсбуке, ту, где Милли трудилась над созданием моего фан-клуба. Результаты её работы приятно удивили меня. А количество подписчиков перевалило за три тысячи, и среди них не только жители Ниа Бич, Хоквиамы и близлежащих городков, но и Сиэтла тоже. А какие слова они писали!.. Кто бы мог подумать, что меня так любят! «Памела моя самая лучшая подруга, — писала Милли. — Она ближе мне, чем родная сестра! У нас никогда не было друг от друга секретов! Я её обожаю!» Брайан Фуллер во всех темах писал капсом, что лучше меня никого не было, нет и не будет. Мартин Фокс тоже оставил пару строк: «Я помню, какой она была в первом классе. Этаким смешной хомячок с торчащими в разные стороны косичками. С тех пор Памела сильно изменилась». Николь_моё_сердце_занято_навсегда написала, что не сомневается в том, что все мои мечты осуществляются. Мия Браун написала примерно то же самое, и не только она. И все-все желали мне успехов, счастья и любви. Приятно, нет слов!

Мечтать не вредно. Как говорится — вредно не мечтать и не прилагать абсолютно никаких усилий для того, чтобы мечты претворялись в действительность. Моя теперешняя жизнь — это далеко не то, о чём мне мечталось в Ниа Бич. Это не красная дорожка, не

сыплющие с неба статуэтки Оскаров, не тучи просящих автограф фанатов, не миллионы баксов на банковских счетах и не вилла в Ницце. Но у меня ещё всё впереди. Конечно же, я понимаю, что мне ещё пахать и пахать, как каторжнику на галере, но ведь если бы я не сделала первый шаг к своей мечте, она бы так и оставалась мечтой.

Глава 11. Временные неудобства

На занятиях актёрского мастерства нас десять человек. Педагог — одиннадцатый. Обычно мы усаживаемся полукругом, один — в центре — рассказывает стихотворение, читает какой-нибудь отрывок или разыгрывает одиночный этюд из разряда «Я в предлагаемых обстоятельствах».

Я как раз и была в «предлагаемых обстоятельствах», когда у меня в кармане шортиков стал тихонько вибрировать поставленный на беззвучный режим телефон. Ладно бы один раз, так нет же! Я не могу ни ответить, ни извиниться и сбросить вызов, ни отключить его совсем!.. Я занята. Мне нельзя отвлекаться. Я вошла в роль, но кто-то с таким остервенением названивает мне, будто настал конец света, а я его пропускаю. Вот этот кто-то, если он, конечно, не мой потенциальный работодатель, получит у меня по самое не хочу.

— Всем спасибо! До новых встреч! — прощается педагог, мистер Беркли. Сегодня, как и всегда, он и хвалил меня, и в то же время выискивал в моём этюде кучу недочётов и указал, как и что мне нужно делать, чтобы их исправить и избегать подобных ошибок в будущем. Не знаю, как другие, но лично я благодаря этим занятиям стала более раскрепощённой, перестала бояться посторонних людей, училась не обижаться на адекватную критику и стала лучше понимать себя, что ли.

Я посмотрела список пропущенных. Ну, конечно! Брайан Фуллер, кто же ещё! Маму я уже воспитала, она знает, что если я не беру трубку, значит, в данный момент занята и перезвоню, как только смогу.

Только я успела мысленно послать Фуллера к чёрту, как телефон снова завибрировал у меня в руках. Ну, держись, Брайан!

— Полицейское управление Сиэтла. Слушаю вас! — О, я умею изменять тембр голоса, меня этому учили.

Как я и предполагала, моему собеседнику понадобилось секунд десять, чтобы прийти в себя и сообразить что-нибудь ответить. Стоящая рядом со мной рыхлая девица по имени Микаэла едва сдерживает смех.

— Э-э-э... Я могу поговорить с Памелой Твистер?

— Кем вы приходитеесь задержанной? — продолжаю я. Моя приятельница с любопытством прильнула ухом к мобильнику.

— Это Брайан Фуллер, — отвечают мне. — И я её парень. Будущий парень. Но...

Микаэла складывается от смеха пополам. Я тоже закусываю губу, но не выдерживаю и хрюкаю прямо в трубку.

— Памела! Это ты! Ну, ты даёшь! Я, конечно, не поверил, что тебя задержали, но всё же!.. Не шути так больше.

— А я сперва хотела представиться работником морга! — смеюсь я.

— Хорошо, что передумала. Иначе тебе бы самой пришлось ехать в морг и опознавать меня.

— Не говори ерунды. Разве от смеха кто-то умирал? Он вообще-то должен продлевать жизнь!

— Шутить нужно смешно, — парировал Брайан.

— Ну, ладно, — я отсмеялась. — Просто ты не вовремя звонишь. Что случилось?

— Я приехал.

— Как?! Ты в Сиэтле?

— Ну да. Мы же договаривались.

Чёрт. Вообще из головы вылетело.

— М-м-м... Что же делать с тобой? Мне некогда сейчас. Я освобожусь часа через три, у меня ещё занятия. Ты погуляй пока, посмотри город. Только не потеряйся. И через три часа будь, пожалуйста, у этого дома, — и я назвала ему свой домашний адрес.

Три часа пролетели быстро.

Когда я увидела его, мысленно похвалила себя за то, что мы встретились не у театра, где у нас проходят занятия, и Брайана не видела ни чересчур любопытная Микаэла, ни кто-либо другой из моих новых знакомых. Слишком уж он напоминает дикаря, которого чисто случайно забросили в большой город. И дело вовсе не в его внешнем виде, оставляющем желать лучшего; он сюда как-то мало вписывается. Хотя я поначалу не лучше была, думаю, Стелле не раз приходилось за меня краснеть.

Он тоже увидел меня и поспешил навстречу, раскинув руки и глупо улыбаясь. Такое впечатление, будто он отшельник с необитаемого острова и впервые за долгие годы вынужденного одиночества увидел человеческую особь.

Да уж. А я хотела прогуляться с ним и перекусить в какой-нибудь забегаловке, а после отправить ночевать в хостел. Видать, планы придётся немного подкорректировать. Потому что бедняга одет в милую майку с надписью «Бруклин», бриджи цвета хаки, едва закрывающие колени, чёрные, до середины икр носки, допотопные кеды размера, должно быть, сорок третьего, и в этих лаптах красуются ещё и разноцветные шнурки... А за плечами школьный рюкзак с Оптимусом Праймом из «Трансформеров». Боже мой, и этот чудик приехал ко мне?.. Его надо в комедиях показывать, а не по паркам с ним разгуливать.

— Памела!.. Я так скучал! Сто лет тебя не видел!

Я успела увернуться от его медвежьих объятий, отскочив в сторонку.

— Ещё раз предпримешь попытку меня задушить, — я погрозила пальцем, — сообщу в полицию. Здесь тебе не Ниа Бич, нет ни доброго шерифа, ни старейшин, никто жалеть не станет и простым выговором не отделаешься... Да ладно тебе! — вдруг вскрикиваю я, глядя на его озадаченную физиономию. — Всё-всё! Я поняла, с тобой нужно только серьёзно, у тебя явно проблемы с чувством юмора.

Мы рассмеялись одновременно. Значит, не всё так запущенно, как я думала.

— Памела! Ты так изменилась! — Брайан оглядывал меня с головы до ног и с ног до головы... Судя по его взгляду, мои короткие джинсовые шортики и белая обтягивающая маечка пришлись ему по вкусу.

— Ты голоден?

Незваные гости тоже заслуживают на гостеприимство.

— Очень голоден, — признался он.

— Тогда добро пожаловать в мою берлогу! — Я не в восторге от своих вульгарных словечек, но всё-таки Памелы из провинции во мне в разы больше, чем Памелы из развитого города с высоким уровнем образованности среди населения.

Закажем чего-нибудь вредного, потому что у нас, кроме натуральных йогуртов, ничего в холодильнике больше нет. Ну, ещё помидоры, редис и хурма. Но я не думаю, что это подходящая пища для парня такого телосложения, как Брайан. Я прекрасно осведомлена о том, что всем мальчикам свойственен хороший аппетит. Даже Оуэну. А об отменном аппетите Нолана и Брайана я знаю не понаслышке.

— У тебя что, боязнь замкнутого пространства? — сказала я, когда мы из просторного светлого холла, уставленного кадками с пальмами, прошли в кабину лифта.

— Да нет, — он попытался улыбнуться, — просто после леса и океана всё это так непривычно для меня.

Я его прекрасно понимала, потому что сама такой была. Вертела головой во все стороны, глазела на всё, восхищалась всем, радовалась как ребёнок. Просто сейчас пыталась шутить, чтобы хоть как-то скрасить молчание. И чтобы не было так неловко оттого, что меня саму так бессовестно разглядывают, как будто самая диковинная достопримечательность в Сиэтле — это я... Значит, я ошибалась, думая, что научилась спокойно реагировать на повышенное внимание к собственной особе. Просто всё дело в том, что это внимание разного характера.

За обедом Брайан рассказывал мне о своих впечатлениях о Сиэтле. За три часа, пока он меня ждал, он успел прогуляться по центру, заблудиться и снова найтись, поучаствовать в каком-то флэшмобе и потратить добрую половину своих сбережений на уличную еду.

Я едва сдержалась, чтобы не предложить занять ему денег из тех, которыми перед отъездом снабдил меня Бэн. Я ведь знаю, что деньги, заработанные на убийстве ни в чём не повинных животных, счастья мне не принесут. Но вовремя одумалась. Я прекрасно знаю своего брата, Нолан бы получил психологическую травму, услышав подобное предложение от девушки, и думаю, Брайан такой же. Ничего, подожду, когда он совсем обнищает — жизнь в Сиэтле невероятно дорога.

— Вкусно! — протянул Брайан, прожевав последний кусок пиццы и откидываясь на стул.

Я понимаю, что за окном уже смеркается, что мой гость устал с дороги и всё такое, но я не дам ему расслабиться.

— У нас ещё куча дел. Нам нужно репетировать в лицах. А ты так вовремя подвернулся! — Я поморгала и вытянула губки бантиком. Но моё обаяние и без того действовало на Фуллера как наркотик, мне даже кусок пиццы в горло не лез.

Я не остановилась на чтении в лицах «Толстого и тонкого» Чехова, я вошла в роль такого педагога по актёрскому мастерству и заставляла своего единственного ученика «перевоспитываться» в разных птиц и зверей, причём, нужно отдать ему должное, он очень старался и не пытался отлынивать, как сделал бы на его месте, наверное, любой другой. Больше всего в его исполнении мне понравился волк. И меньше всего — летучая мышь.

Когда Брайан изображал голодного крокодила, с криками гонящегося за мной по всем нашим полупустым комнатам — гордости какого-то начинающего дизайнера из числа друзей моей мачехи — с работы вернулись папа и Стелла. И я снова посмотрела на Брайана как бы другими глазами, пытаюсь угадать, что же подумает о нём Стелла. Без сомнений, Брайан выглядит очень даже привлекательным молодым человеком, но его одежда и манеры оставляют желать лучшего.

— Папа, Стелла, это Брайан Фуллер, мой друг, — переводя дыхание, произнесла я. Хотела вместо «друг» сказать «одноклассник», но тогда Стелла заподозрила бы какие-то несуществующие романтические отношения между нами, которые я очень и очень жажду скрыть. Хотя она и так подумает то, чего нет.

Все обменялись положенными случаю вежливостями и рукопожатиями. Потом Стелла пригласила всех выпить зелёного чаю с овсяным печеньем, хотя сама она пила сок из проросших ростков пшеницы. Ну да, после шести вечера никакой еды, даже орехов, они ведь

страшно калорийные.

Нет, за Брайана мне краснеть, слава Богу, не пришлось, хотя он и выглядел таким наивным и неиспорченным юношей и совершенно не понимал намёков моей мачехи, которая, как я и предполагала, обнаружила слишком много. Но я ведь не виновата, что вызываю восхищение в лицах противоположного пола! В конце концов, что в этом плохого? К тому же мне нужно привыкать постоянно быть в центре внимания. Буду тренироваться, значит, на Фуллере.

Улеглись около полуночи, а встали, как всегда, ровно в шесть. Все, кроме Брайана, безмятежно спавшего на светлом замшевом диване в гостиной. Стелла уезжала в очередную командировку, папа провожал её в аэропорт. Не нужно обладать телепатическими способностями, чтобы не понимать, в каком он находился предвкушении заправиться вечерком чем-нибудь высококалорийным. Я же, прочитав за нехитрым завтраком ещё одну повесть Чехова, тоже засобиралась на занятия.

Заглянула в гостиную. Нет, ну посмотрите на него! Спит просто без задних ног, бедный. Такой беззащитный и смешной. Хотя он за последние месяцы сильно повзрослел, именно сейчас ему никак не дашь больше его родных шестнадцати. Никогда ещё в жизни своей не видела спящего Брайана Фуллера. Ну, разве что только однажды, на уроке зарубежной литературы, но то не в счёт. Я вздохнула. Ну, и что мне с ним делать?

И принялась царапать ему записку: «Не скучай без меня. Телевизор и ноутбук в полном твоём распоряжении. Пароль миссТвистер. Компромат не ищи, там его нет. Ахаха! Закажи себе пиццы. Вот деньги, рассчитаемся позже». И только я положила на журнальный столик листочек бумаги и доллары, как услышала голос прямо у своего уха:

— Доброе утро!

Я подскочила от неожиданности.

— Я думала, ты спишь!

— Ты уходишь?

— Да, у меня занятия. Потом я иду на съёмки какой-то нудной передачи о реформах в современном образовании США. Буду поздно. Так что постарайся не скучать...

Брайан погрузился.

— А можно с тобой?

Я призадумалась. Почему бы и нет?

— Давай, только поскорее. Позавтракаешь в дороге. Но если, кроме этих детских штанишек цвета хаки и «Бруклина» у тебя больше ничего нет, то ты остаёшься дома!

— У меня в рюкзаке джинсы и футболка с логотипом команды «Сиэтл Суперсоникс». Подойдёт?

Я закатила глаза. У Нолана была такая же, и он берёт её как зеницу ока.

— Ладно. Это ещё куда ни шло. Давай. Даю тебе пять минут. Не уложишься — твои проблемы.

Брайан выудил из недр своего рюкзака зубную щетку, джинсы и футболку и скрылся в душе. Я заскрипела зубами и засекала время, уверенная на сто процентов, что пяти минут ему не хватит. Но ошиблась. Не прошло и четырёх минут, как из ванной вышел сияющий Брайан. Сразу видно, человек отлично выспался, чист, свеж и благоухает.

— Идём, — поторопила я.

Брайан удивил меня тем, что целый день был таким пай-мальчиком: меня в неловкое положение не ставил, на девушек не пялился, не ныл, не спал, без дела не маялся, сидел там,

где его сажали. Чем-то он мне даже младшего брата Дэни напомнил. Но лучше о своих родных не думать. Фуллер был сродни ожившим воспоминаниям из прошлого, нет, не тех, где меня обзывали хомяком; его присутствие постоянно бредило мои мысли о маме, Милли, Нолане, Дэни, и я, видя улыбающегося Брайана, как будто видела своих родных. А я и не предполагала, насколько сильно скучаю по ним. Я-то мнила себя этакой железной леди...

Времени на то, чтобы заехать домой и переодеться, не было. Предчувствуя это заранее, я захватила с собой новое платье небесно-голубого цвета, косметичку, расчёску, лак для волос; переделалась в гримёрке, подправила макияж, изменила причёску. И вышла к Фуллеру такая красивая, что у него даже челюсть отвисла. А я, оказывается, люблю производить фурор. Это очень приятно, знаете ли.

— Мы опаздываем! — с ходу сказала я.

— Куда? — удивился Брайан.

— Как куда? На телевидение! Я же тебе говорила, что мы будем сниматься в передаче о реформах в современном образовании. В качестве зрителей, не бойся! — успокоила его я. Вообще-то, первоначально со мной должна была ехать Микаэла, но я подумала, что рядом со мной неплохо будет смотреться Брайан, он намного фотогеничнее моей новой приятельницы.

Честно признаться, мне очень не хотелось никуда ехать. Но я не могла представить себе, чем мы будем заниматься с Фуллером в такой пасмурный день, не гулять же с ним по городу, когда вот-вот хлынет проливной дождь. Но чем чёрт не шутит, может, меня среди зрителей заметит какой-нибудь режиссёр именно сегодня?..

Программа «В ногу со временем» шла в прямом эфире. Мы с Брайаном успели вовремя чтобы быстренько отметить на входе и пробраться на свои места, находящиеся в центре небольшого амфитеатра, полукругом обрамлявшего площадку, где выступали ведущая и гости студии. Публика была разношерстной, но большую её часть составляла студенческая молодёжь, наплевательски относящаяся к своей внешности, меньшая половина — педагоги как женского, так и мужского пола, практически все в очках, и несколько праздных лиц, среди которых, можно почти со стопроцентной уверенностью утверждать, самыми яркими были мы с Брайаном. В качестве приглашенных гостей был какой-то седовласый профессор и неопределённого возраста полная женщина в безобразном тёмно-коричневом костюме. Я приободрилась, выпрямила плечи, победно улыбнулась и помолилась Богу о скорейших переменах в своей жизни.

Как я и предполагала, меня ждала скука смертная. Народ с пеной у рта обсуждал какие-то кредиты, модули, тесты, процессы, которые хотели или не хотели внедрять в новом учебном году... Всё, что я делала — это приподымала уголки губ, чтобы не казаться грустной, и сидела прямо, будто к моей спине привязали палку. Но вот Брайан!.. Должно быть, роль пай-мальчика за полдня ему надоела. Он вертелся на своём месте, чесал то нос, то лоб, то затылок, вздыхал и даже зевнул раз-другой. Я не стала унижаться до того, чтобы пихать его в бок. А вдруг как раз в это время я попаду в кадр?!

Я не потерялась даже тогда, когда ведущая с микрофоном в руках ходила между зрителей и спрашивала их мнение по поводу того или иного вопроса. Я была готова и к этому. Поэтому, когда блондинистая девица сунула микрофон в мою сторону, я, умирая от гордости за себя, произнесла следующее:

— Это очень актуальный вопрос. Современному обществу нужны перемены в системе образования. — И ослепительно улыбнулась.

Ведущая меня поблагодарила и — о Боже! — подставила микрофон прямо ко рту Брайана. Я приготовилась провалиться от стыда сквозь землю. Если что, сделаю вид, что он не со мной.

— Если честно, то я мало что понял из всего, что тут говорилось, — выдал Фуллер, — но я полностью доволен нынешней системой образования. У нас в Ниа Бич очень хорошая школа, мы изучаем родной язык, индейские традиции, а также все те предметы, которые преподают во всех американских школах. Я всем доволен и думаю, что ничего менять не нужно. Ведь каких-то сто лет назад большинство индейцев даже читать не умело, а потом, когда появились специальные интернаты, детей туда забирали насильно и запрещали им говорить на родном языке и даже заменяли их индейские имена на английские.

Я готова была провалиться сквозь землю от стыда, но, как ни странно, комментарий Брайана вызвал новую волну реакции у оппонентов реформ в образовании, и они не могли угомониться даже после окончания эфира.

Нечего и говорить, что я чуть не убила своего «друга» после того, как мы очутились за пределами телестудии. Ну и пусть он тысячу раз прав, сидел бы молча и со всем соглашался! Программа была не об индейцах вовсе!

— Ну, ладно, — он почесал затылок, — извини. Пойдём перекусим, что ли? Я сейчас целого быка, кажется, готов съесть.

Домой идти не хотелось, несмотря на морозящий дождь, и мы побрели в близлежащее кафе, стараясь ни слова больше не произносить ни об образовании, ни о телевидении. Но меня мучил только один вопрос: как долго Брайан намерен гостить в Сиэтле? Конечно, я не позволю себе спросить его об этом напрямую, но, так и быть, подожду дня три и тогда дам ему понять, что моё терпение не резиновое.

Но похоже, папа с Брайаном намерены его испытать, и прямо сегодня!

Дома нас ждал «сюрприз» в виде коробочек с китайской едой и папы, сидящего в гостиной у телевизора с бутылкой пива. Брайан, как только получил приглашение поужинать, тут же накинулся на эту отраву, а я демонстративно достала из холодильника парочку натуральных йогуртов. Моей фигуре, конечно, не повредили те несколько кусочков пиццы, которые я ела вчера и сегодня, но не стоит вводить это в привычку.

Оставив мальчиков смотреть по телевизору бейсбол, я включила у себя на ноутбуке «Гордость и предубеждение» с Колином Фертом и Дженнифер Эль в главных ролях — мой педагог настоятельно рекомендовал нам посмотреть этот фильм. Сейчас как раз подходящее время. И чтобы ещё чем-то себя занять, ибо просто так смотреть шестисерийный фильм было невозможно, я уничтожила все йогурты, которые были у нас в холодильнике. Потом всю хурму. А потом и все яблоки. А папа и Брайан всё ещё увлечены бейсболом.

Я начала дремать, наверное, в тот момент, когда мистер Коллинз сделал предложение несговорчивой Лиззи. В это время ко мне в комнату заглянул Брайан и радостно сообщил странную новость:

— Твой папа уснул на моём диване!

Я молча поднялась на ноги и отправилась его будить. Потормошила за плечо, бесцеремонно попихала в бок, поорала на ухо. Реакции ноль. Он только всхрапнул разок и снова засопел размеренно и безмятежно, как невинный младенец.

— Что такое? — удивилась я. — Он что, принял снотворного?

— Нет, он просто выпил слишком много пива, — объяснил Брайан.

— Нужно было его остановить! — возмутилась я.

— Памела! Это твой отец, во-первых. И потом, я не думал, что пиво так быстро на него подействует.

— Просто его организм ослаблен из-за низкокалорийной пищи, которой пичкает его Стелла.

— Мужчинам нужно есть побольше мяса, — деловито произнёс Брайан, — а пицца — это так, баловство одно. Ты же девочка, тебе бы следовало научиться...

— Ах, так! — вспыхнула я. — Я сюда не на курсы домохозяек приехала записываться! Терпеть не могу готовить! И шить тоже! И драить унитазы! И подтирать детям сопли! И прятать от мужчин пиво! Мне это в жизни не пригодится!

Брайан сглотнул и поморгал. Я снова потормошила папу. Ноль эмоций.

— Что делать будем? — вопрошала я. — Кто будет спать на папиной кровати? Ты или я? Я не буду. Вдруг он ночью проснётся и захочет доспать в своей родной постельке?

— Я тоже не буду. По той же причине.

Я гневно посмотрела на Фуллера.

— А что ты предлагаешь?

— Ну, я бы пригласил тебя на свидание по ночному городу. Но если ты устала, давай просто спать.

— Тьфу. А я о чём? Кресло себе возьми.

Не знаю, что помешало мне выпроводить Брайана в ночь искать себе ночлег самому, равно как и то, что я промолчала и тогда, когда свое кресло он втащил в мою комнату.

— Твой отец слишком громко храпит, уж извини.

Я выключила свет, плюхнулась на постель и пожелала своему соседушке прекрасных сновидений. Ко мне же сон упорно не шёл. Не могу я спокойно спать, когда на расстоянии вытянутой руки сопит мой одноклассник. И вообще мысли какие-то странные в голову полезли. Сначала медведь с горящими глазами и Нолан и Брайаном, взявшиеся непонятно откуда. Потом почему-то вспомнился Оуэн и наши поцелуи, которые, в общем-то, и поцелуями назвать нельзя. Я завертелась на постели. Под моим соседом тоже заскрипело кресло. Я притихла и стала считать барашков, но барашки в моей голове быстро уступили место Брайану. «Просто я тебя люблю!» «Я устал без тебя»... Не знаю, какой смысл Брайан вкладывал в эти слова, но услышала я их, кажется, только сейчас.

Тут рука его соскользнула с подлокотника, и он на миг перестал дышать. А потом засопел снова. Нет, это просто ужас какой-то!

Я зажмурилась крепко-крепко и представила себя плывущей по волнам на парусной лодке. Когда-то это видение помогало мне уснуть. Но не сейчас, когда в моей комнате находится посторонний человек мужского пола! Не удержавшись, я громко вздохнула. Он вздохнул тоже. Тогда я притихла, как мышь, боящаяся привлечь внимание кошки. Но заснуть не смогла. Воображение подсовывало мне совершенно фантастические картинки, от которых бегали по коже мурашки, и от стыда за свою необузданную фантазию я кусала губы и тщетно пыталась наладить сбившееся дыхание. Господи, только бы Брайан спал и не слышал, как я тут пыхчу. Но он вдруг тихо сказал:

— Кажется, мне уже можно занять свой диван.

Я растеряла весь свой словарный запас и лишь молча прислушивалась к тому, как он тихонько встал, открыл и закрыл за собой дверь.

Какое несчастье, что завтра выходной! Чтобы не провести целый день один на один со своим незваным гостем, который завладел моими мыслями и напрочь лишил меня сна, рано

утром я покинула дом, пока все спали, и принялась бродить по полупустым улицам мегаполиса, ожидая того часа, когда можно будет напроситься на встречу с Микаэлой и позвать приятельницу на шоппинг. Или в аквапарк. Куда-нибудь, где очень шумно и весело, лишь бы вытеснить из своей головы Брайана.

Ничего, это временные неудобства. Он здесь не навсегда. Он скоро уедет. Конечно, уедет. А я останусь.

Глава 12. Интересное предложение

Я провела чудесный день. Ночное наваждение полностью прошло, и я искренне недоумевала, как это я могла так раскиснуть и нафантазировать Бог знает чего. Мы с Микаэлой познакомились в аквапарке с классными парнями, отлично провели время и обменялись с ними номерами телефонов. «Прививка» от Брайана удалась на славу. Говорят ведь, что клин клином вышибают. Зачем мне забивать голову своим бывшим одноклассником, если пути наши уже разошлись? Если он этого не понимает — его проблемы.

Не так давно я прочитала на каком-то форуме, посвященному самосовершенствованию, интересную статью о том, как проверить, стоит ли заводить с данным парнем серьёзные отношения или нет. Итак, берём листок бумаги, расчерчиваем вертикальной линией на две части, в одной пишем о его плюсах, в другой — о недостатках. И считаем: если количество плюсов в разы превышает количество минусов, то стоит задуматься, не дать ли шанс вашему поклоннику. Мне подобное даже делать не пришлось, ибо недостатков у Брайана выше крыши, а достоинства весьма сомнительные. Я ж его с детства знаю.

В принципе, меньше всего мне пока что хочется вновь в кого-то влюбиться. Потом как-нибудь. Сейчас у меня есть дела поважнее. Любовь отвлекает от достижения цели, что бы там ни говорили.

Вернулась домой поздно вечером такая довольная, но уставшая, и на разборки с Брайаном у меня уже совершенно не было ни сил, ни желания. Он что-то попенял мне на то, что он не для того приехал в Сиэтл, чтобы общаться с моим ноутбуком. Я отправила его куда подальше и завалилась спать. Всё-таки прошлую ночь я провела практически без сна. И, между прочим, по его вине.

Утром, встав с кровати по звонку будильника, я сперва доковыляла до душа, а потом уже продрала глаза. И первое, что предстало моим не выспавшимся очам — это вертевшийся перед зеркалом Брайан.

— Здравьете. Куда это ты собрался с утра пораньше? В белой рубашке?

— Привет! На кинопробы.

— А? Куда-куда?

— Я пытался тебе вчера сказать. Но ты была такая уставшая. — Он повернул ко мне счастливое лицо. — Мне звонили вчера и приглашали на пробы. Представляешь!.. Меня заметили в той передаче, в которой мы с тобой принимали участие, я уже забыл, как она называется. Не важно. Главное, я им полностью подхожу по внешним данным! Они снимают фильм о Сиатле! Для какого-то конкурса!

Я закусила губу, которая почему-то начала дрожать. И в глазах отчего-то противно защипало. Перевела дыхание и спросила, стараясь унять дрожь в голосе:

— Объясни мне человеческим языком. Кто тебя пригласил? И куда?

— Звонил профессор Кингсли из какого-то там университета. Пригласил меня пройти пробы на главную роль в кино, которое снимают студенты для конкурса короткометражных фильмов на историческую тематику! Представь, я побываю в шкуре самого великого вождя Сиатля! Ух! Я и не мечтал о таком! И хочу попробовать.

Я не знала, поздравлять ли мне Брайана с таким достижением или же, наоборот, посочувствовать ему. Студенческое кино?.. Что-то меня это не вдохновляет. Но его глаза так

блестели, что я сочла себя обязанной выдать из себя слова поздравления:

— Круто! Я за тебя так рада! Искренне желаю тебе удачи!

Он обрадовался ещё больше.

— А можно тебя обнять? — И, не дожидаясь моего отказа, уже сжимал меня своими ручищами.

— И всё же это нечестно! — чтобы хоть как-то омрачить его радость, пропыхтела я. — Я тут, значит, тружусь как белка в колесе, постигаю азы актёрского ремесла, всеми правдами и неправдами выбиваю себе право сниматься в какой-то несчастной рекламе, а тебя вот так с ходу — и сразу на главную роль в кино?!

— Идём со мной! — расцвёл Брайан и слегка отстранил меня от себя. — Наверняка им ещё индейцы нужны. Может, дадут тебе роль моей невесты...

— Больно надо! — фыркнула я и выскользнула из его объятий. — У меня на сегодня другие планы. Я иду на кастинг и, если повезёт, стану лицом отдела подростковой одежды в магазине «Всё для детей»!..

Я врала. На самом деле на этот кастинг я ходила ещё две недели назад и провалила его. Но это не важно. Важно то, что я завидовала Фуллеру.

— А, ну тогда и я тебе желаю удачи, — ответил он. — Но если у тебя ничего не получится, я замолвлю за тебя словечко.

— Не стоит, благодарю.

— И всё же.

Я вскипаю. Он издевается! Может быть, он хотел только самого доброго. Желал мне удачи. Беспокоился за меня. Да... Только бы не взорваться. И я глубоко вдохнула и мысленно принялась считать до десяти.

— Ты такая хорошенькая, когда сонная.

Пусть он болтает себе, сколько угодно, а я буду считать. Раз, два... Рот Брайана растягивается чуть ли не до ушей. Подо мной горит пол. Три, четыре. Я убью его. Пять... Не могу видеть эту дурацкую физиономию и закрываю глаза. Шесть. Так-то лучше. Семь... Я само спокойствие. Я само совершенство...

Чувствую лёгкие прикосновения, словно крылья бабочек, его рук на своей талии и его губ на своих губах. Чёрт! Он меня неправильно понял!

Я с силой упираюсь кулаками в его грудь и оттапываю ему ноги. Вырываюсь, отплёвываюсь, пусть видит, как мне противно. Считаю в его присутствии я буду отныне только деньги. И время до его отъезда в Ниа Бич.

— Идиот! Что ты себе позволяешь?! Что ты себе там выдумал того, чего нет?! Думаешь если тебе вдруг приспичило приехать ко мне в гости, значит, можно приставать со своими дурацкими поцелуями? И думаешь, мне это нравится?! Ты глубоко ошибаешься!

Более потерянного выражения лица я ещё в жизни своей ни у кого не видела. Даже у нашего тугодума Рика Картера, когда учитель вызвал его к доске и отчитывал за двойку по годовой контрольной по математике и грозил ещё на год продлить его обучение в десятом классе.

— Ну, чего стоишь, как истукан?! — орала я.

— Памела!..

— Что Памела? Зачем ты свалился на мою голову? Ты нужен мне, как прошлогодний снег! Я уже устала от тебя. И вообще. Всё хочу спросить, когда ты планируешь уезжать?

Я знаю, что выгляжу непривлекательно. Нет, всё-таки Памела из Ниа Бич, сколько её ни

воспитывай, сколько ни обучай хорошим манерам, всё равно рано или поздно возьмёт своё. Но он сам виноват!

— Памела! — Если слова действительно убивают, то было очень похоже, что сейчас Брайан не в лучшей форме. — Я хотел поговорить с тобой об этом в более подходящей обстановке. Но тебе всё некогда. Да и, честно говоря, я думал, ты всё поняла, как надо, если позволила приехать к тебе. Решила дать мне шанс...

— С чего ты взял? — взвизгиваю я.

— Я предложил, ты не отказалась. — Он удивлён. — Как я должен был тебя понять?

Я не отказалась только потому, что мне было всё равно. Мне наплевать на его чувства. Никакого шанса я ему и не думала предоставлять. Ещё чего! Если ему приспичило приехать в Сиэтл и поглазеть на меня, мне нужно было воспротивиться этому? Может быть. Не знаю. Этот разговор и без того меня уже вымотал, я как будто и не спала вовсе.

— Я ничего не хочу понимать, — застонала я, — оставь меня в покое. Я вообще ничего не хочу. Только, пожалуй, от души не откажусь.

На ватных ногах я прошла мимо него и заперлась в ванной. Разделась, вошла в душевую кабинку, включила воду попрохладнее. Я решительно не соображала ничего. В голове было так пусто, что даже звенело. Не буду думать о Брайане. Сделаю вид, что ни поцелуя, ни разговора просто не было.

Но если бы это было так легко!.. На занятиях дефиле я всё время спотыкалась и всё норовила пойти не с той ноги. На уроке этикета у меня так дрожали руки, что никак не получалось аккуратно срезать чайной ложечкой верхушку яйца, не раскрошив при этом скорлупы... И это всё «благодаря» Брайану Фуллеру, чтоб его!.. А я-то надеялась, что благополучно избавилась от мыслей о нём. Прививка от Фуллера? Ха. Очень смешно.

Не смешно на самом деле. Оуэн каким-то образом умудрился сердце мне не разбить, оно оставалось целым и, несмотря на занятость его хозяйки, в любой момент готово в кого-нибудь влюбиться. И мне бы очень не хотелось, чтобы этим «кем-то» стал тот, кто занимал в данный момент мои мысли. Его только в моём сердце не хватало! И я бормотала себе под нос:

— Только бы он провалился на пробах! Только бы не понравился режиссёру! И поскорее уехал! С глаз долой!

— Мисс Твистер, вам нехорошо? — осведомился преподаватель по визажу. — Я смотрю, вы так увлечённо гримируете мисс Паркер под зомби... Хотя задание было совершенно иным.

И действительно. Бедная Микаэла! Но ей, как ни странно, этот образ очень идёт. Я судорожно всхлипнула. И сама не поняла, смех это был или начинающаяся истерика. Ненавижу Фуллера.

Я попросила разрешения выйти. В пустом коридоре прислонилась лбом к прохладному оконному стеклу. Во дворике, в беседке, где обычно собирались курильщики, самозабвенно целовалась молодая парочка. Я пыталась разобраться в своих чувствах.

Брайан прав. Я сама виновата. Мне нужно было сразу сказать категоричное «нет». А я понадеялась на то, что всё рассосётся само собой, как в случае с Оуэном. Стоило мне уехать — и вся наша любовь развеялась как дым, будто и не было ничего. Я не придавала словам Брайана никакого значения, хотя надо было его не с Оуэном сравнивать, а с собственным братом. Нолан такой же принципиальный человек, как и я. Но не такой легкомысленный. Точнее, совсем не легкомысленный.

Ничего, будет мне опыт...

Неожиданно в кармане тихонько пикнул телефон — пришло сообщение. Отправитель: Брайан Фуллер. Читаю: «Приглашаю в кафе "Встреча" на Оушен-стрит, приезжай, когда освободишься». О кей, значит, можно не спешить. Но выяснить отношения всё же не помешает, а то я его знаю, он может снова не так всё понять.

Я всё стояла у окна и стояла, пока не начали сгущаться сумерки. Курильщик в беседке то прибывало, то убывало, но целующихся парочек среди них больше не наблюдалось. Если бы от всех проблем можно было сбежать, я бы бежала без оглядки, не останавливаясь. Какой же спокойной моя жизнь была в Ниа Бич, когда самой страшной проблемой было отсутствие Интернета!.. А самым сложным решением был выбор компьютерной игры. Всё остальное решалось само собой. Или мамой. Хотя взрослая жизнь настигла бы меня и там, и ещё большой вопрос, где бы мне было сложнее.

Я отправилась на Оушен-стрит пешком, благо, до него не так уж и далеко.

Вечерний город гудит как улей, от прогретого за день солнцем бетона жарко обутым в тонкие балетки ногам. Пахнет бензином. Я люблю этот запах. Иногда мне ужасно хочется вернуться домой. Но я понимаю, что буду жалеть о том, что вернулась. Меня всегда будет тянуть сюда, к шуму автомобилей, к небоскрёбам, к деловито снующим по улицам людям, к запаху бензина, к бурлящим событиям, к взлётам и падениям.

А вот и кафе.

— Памела!.. — Брайан поднимается из-за столика навстречу мне. Выражение лица уставшее, но счастливое.

Я и не думаю извиняться за опоздание. Я же девушка.

— Тебя можно поздравить? — я не столько спрашиваю, сколько утверждаю. И мой желудок поддакивает голодным урчанием.

— Да! Меня утвердили на эту роль. — Он радостно улыбается. — Конечно, я понимаю, какая ответственность лежит на мне за создание образа легендарного вождя, но не буду скрывать, я так счастлив! Так рад! И тому, что буду сниматься в кино, и тому, что останусь с тобой!.. Но ты, должно быть, голодна? Что закажем?

Я подавляю вздох. Нет, я, конечно, ужасно за него рада, но... мне самой до чёртиков хотелось бы оказаться на его месте. Нет, не в роли Сиатля, конечно, а какой-нибудь невестой Чингачгука. У меня тут же разыгралось воображение, и я представила себя в традиционном индейском костюме и в мокасинах. А рядом со мной — красавчик с боевой раскраской на лице, с пером в ирокезе, с луком и стрелой в руках, с повязкой на бёдрах... Но Брайан смотрит на меня и явно ожидает какой-то реакции. Эх, окажись сейчас на его месте Нолан или Мартин Фокс, да хоть Коллин Доусон, я бы в порыве радости бросилась счастливчику на шею, но Брайан на то и Брайан, чтобы всё понимать не так.

— Я буду салат с морепродуктами. — Я вешаю сумку на спинку стула, а не кладу её себе на колени, на стол или на соседний стул, потому что меня так учили на занятиях по этикету.

— Ты из-за нашего утреннего поцелуя расстроилась? — спрашивает Брайан и только начинает речь с извинениями, как я перебиваю его.

— А ещё я хочу мороженого.

Он приподымает бровь. Потом расплывается в улыбке. Ну что снова не так?

Но тут у меня звонит мобильник. На дисплее высвечивается распространённое имя — Алекс. Кто такой?

— Алло, я вас слушаю. — Я не обращаю внимания на Брайана.

— Памела! Привет! Это Алекс, мы познакомились вчера в аквапарке, помнишь?

— Конечно, — отвечаю сухо. На этого молодого человека я возлагала большие надежды, но теперь я не уверена ни в чём.

— Может, встретимся? Сходим куда-нибудь? Когда ты можешь?

— Извини, на этой неделе я очень занята. Давай как-нибудь в другой раз?

— О кей, без проблем, — быстро соглашается он, — я тебе перезвоню.

Это было сказано таким тоном, что я поняла: он не перезвонит. Ну и чёрт с ним. Я тут же заново номер этого парня в «чёрный список», там ему самое место. Брайан смотрит на меня не мигая. Ему я тоже ничего не должна. Его любовь — его проблемы. У меня и своих проблем полно, так ещё с его приездом куча новых свалилась.

Сейчас самое подходящее время расставить в наших отношениях все точки над *i*. Пока не принесли наш заказ. И я начала первая. И начала издалека.

— Знаешь, Брайан, жизнь принято делить на «до» и «после». Я тоже прежде так делала, проводя границу между моим переездом из Ниа Бич в Сиэтл. Конечно, я не отрицаю того, что здесь, в большом городе, моя жизнь изменилась. Но кое-что ведь осталось прежним! Во-первых, мои мечты так и остались мечтами. Потому что я всё ещё не актриса... Прошу, не перебивай меня, я тебя выслушаю потом. Да, я знаю, я могу ею стать. В идеале. Так, что я вообще хотела сказать?.. — Я нахмурилась и принялась считать мелкие цветочки, стоящие в пузатой вазочке на нашем столике. Брайан передумал перебивать меня. — Во-вторых, с прежней жизнью я расстаться окончательно не могу, потому что те родственные нити, которые меня связывают с родным городком, я рвать не хочу и не буду. Индейцы говорят: «Родина там, где тебе хорошо». Значит, у меня две родины. В-третьих, как бы я не изменилась, я всё равно остаюсь прежней. Человек не может измениться кардинально, как бы его ни ломала судьба. Он не может стать другим человеком! Я — это я. Ты — это ты. Пусть мы надеваем маски и ведём себя порой не так, как нам свойственно, в душе мы остаёмся прежними. Я туманно выражаюсь, но думаю, ты меня понял. Понял же? — Лёгкий кивок, и я продолжаю оправдываться: — Может, я ещё слишком мало понимаю в жизни и у меня мало опыта, но пока я уверена, что именно так и есть. И потом...

Я вздохнула. Теперь мне уже хотелось, чтобы меня перебили, потому что я собиралась сказать самое главное. Но Брайан молчал, словно воды в рот набрал, и только буравил меня своими чёрными глазами.

Нам принесли закуску. Что ж, это хорошо. По крайней мере, можно заняться едой и не строить из себя доморощенного философа.

— Я человек принципиальный, — говорить, ковыряя вилкой салатный микс из креветок и авокадо, было в сто раз легче, чем говорить, глядя прямо в глаза собеседнику, — у меня есть свои принципы, свои правила.

Собираясь с мыслями, я пересчитала оставшихся креветок на своей тарелке. Ровно пять. Не так уж и много.

— Так вот. Ещё в Ниа Бич я поклялась себе, что приложу максимум усилий для того, чтобы моя самая заветная мечта исполнилась.

— Так она может исполниться, — Брайан не удержался и перебил меня. — Я спросил насчёт тебя. Им нужна красивая девушка. Такая как ты.

Я усмехнулась. Когда-то Фуллер называл меня не «красивой девушкой», а «хомяком». Впрочем, не он один.

— Ну, это всего лишь один из вариантов! — Я пожала плечом и отправила в рот кусочек

авокадо.

— Почему бы не использовать такой шанс? — гнул своё Брайан.

— Может быть, — туманно ответила я.

Он расцвёл и принялся рассказываться о том, как всё прошло. Восхищался, повторялся, опасался, что не справится. Признался, что белую рубашку приобрел в сэконде как раз для такого торжественного случая как кинопробы. Боялся, что не выучит знаменитую речь, которую произносил когда-то Сиатль. Переживал за друзей, за школу, за родителей, за то, что ему придётся задержаться у нас в гостях. Это, конечно, беспокоило меня больше всего. И ещё. Я еле сдерживалась, чтобы не изгрызть себе локти от зависти. В буквальном смысле.

— Памела, почему ты ничего не говоришь о том, что произошло утром? — наконец спросил он.

Я вздохнула и стала выводить ложечкой на своём мороженом зигзаги.

— Меня только одно волнует. — Я подняла на него глаза. — Ты знаешь, о чём я. Я не вернусь в Ниа Бич. Моё будущее не там.

— Значит, ты говоришь мне «нет»?

Что-то в его взгляде не видно ни грусти, ни печали. Как будто его неразделённая любовь — это вопрос времени. Он всегда отличался излишней самоуверенностью. Как и Нолан.

— Я просто обязана сказать тебе «нет»! — Мне не понравился тон, каким я это сказала. Не слишком категорично. Ещё подумает, что я с ним флиртую.

— Ты сердишься? Из-за «хомяка»? Прости, Пэм. И знай, что ты всегда была красивой, и тогда, и сейчас. Просто... ты мне, наверное, всегда нравилась. Но понял я это только тогда, когда ты стала меняться. Ты как будто сразу повзрослела... И тут ещё этот ботан из Хоквиамы подвернулся...

Я закатила глаза.

— Брайан, я обещала себе, Нолану и Милли никогда не встречаться с парнями, которые... в общем, которые в прошлом не очень уважительно относились к моей фигуре. А я не привыкла бросать слов на ветер.

— Значит, девушкой моей стать отказываешься?

— Конечно, отказываюсь. — Я чувствую, что краснею.

— А женой моей будешь? Хотя бы только в кино?

Ох уж этот Брайан!.. Глаза его смотрят так пронзительно, будто стрелы мечут. Я невольно прикрыла ладошкой грудь в том месте, где у меня стучало сердце.

— Буду.

Глава 13. Мужья и жёны

Август прошёл под девизом «Вау! Мечты сбываются!» Но для меня это время было неоднозначным. С одной стороны, интересно, весело, круто. И вместе с тем трудно, сложно и утомительно, но ко всему этому я была морально готова. А с другой стороны, я понимала, что ничегошеньки у меня толком не получается. И понимала, почему. Вернее, из-за кого. Из-за Брайана.

Он молодец, я не знаю, как ему это удаётся, но если у него что-то не выходит, то достаточно объяснения, примера, намёка, и он всё схватывает на лету. Режиссёр от него в восторге. А я постоянно слышу в свой адрес критику и нарекания, хотя роль у меня маленькая — я всего лишь мелькаю на втором плане, долгим взглядом гляжу на своего «мужа» и кладу руку ему на плечо. Всё. Я даже не говорю ничего. Зато для того, чтобы я спокойно посидела на пороге индейской хижины с корзиной-колыбелью на руках, меня битых два часа гримируют, дабы на несколько лет состарить, одевают, наряжают в яркие бусы и косы плетут.

— Памела! — ругается режиссёр, мужик бомжеватой наружности, но с золотым сердцем внутри. — Ну как ты на него смотришь!.. Я же говорил тебе! Больше тоски! Больше печали! Мудрости больше! Любви!.. А ты смотришь, как, извини за выражение, толстушка на своего учителя физкультуры! На съёмочной площадке забываем о своих ссорах, сердечных делах и все свои проблемы оставляем за дверью. Чему тебя только учили на твоих курсах-шмурсах!..

Я умираю от стыда, глотаю слезы, думаю о невинно убиенных китах и пытаюсь изображать вселенскую грусть и любовь. А ночью, кусая уголок подушки, уверяю себя в том, что завтра у меня всё получится и режиссёр похвалит меня. И что я не люблю Брайана.

А с ним мы вообще стараемся на эту тему не разговаривать. Вернее, все его намёки и попытки поднять скользкую тему под названием «Когда ты уже, наконец, меня полюбишь?» я рублю на корню. Мы просто партнёры. Мы друзья. Ничего больше. Хотя, кажется, я убеждаю в этом саму себя. Но сказать, чтобы он проваливал на все четыре стороны, я уже не могу. У меня здесь, кроме Брайана, считай, и друзей нет. Надёжных друзей, я имею в виду, которые не подведут и поддержат в любой ситуации. Я очень сильно сомневаюсь, что мои приятельницы из школы моделей на это способны. Не будь у меня здесь отца, я бы начинала карьеру, пожалуй, с посудомойки или официантки в кафе. А это значительно сократило бы мои шансы стать даже такой мало востребованной моделью, какой я на данный момент являюсь.

Нет, отрицать присутствие Брайана в моей жизни уже ни к чему. Да и не хочется.

И всё же мне многое в нём не нравится. Не то, что не нравится, меня многое в нём бесит!

— Пэм, давай порепетируем твой взгляд! — смеётся Брайан. — Ну же, не смотри на меня как хомяк-людоед на бедного физрука!

Я пыхчу и стараюсь испепелить его взглядом, но этим я только раззадориваю Брайана, который, я чувствую, ещё чуть-чуть — и снова перейдёт границы нашей хрупкой дружбы. И когда уже закончатся съёмки, и он вернётся домой?..

Я перевелась в школу в Сиэтле. Брайан остался в прежней. Его ждут дома родители и друзья. А мой переезд к отцу — дело решённое. Мне не нужны мили между мной и

человеком, которого я буду любить. В этом, наверное, главная причина и есть.

Однажды мне позвонил Нолан. Я оставила Брайана хозяйничать в своей комнате и вышла в гостиную.

— Памела, здравствуй! Как вы там?

— Отлично. Ты же знаешь! — я рассмеялась. — Но я знаю также, что просто так ты мне никогда не позвонишь. Выкладывай, что там у тебя случилось.

В трубке послышался долгий вздох. Я так и знала. Брат никогда не будет звонить лишь для того, чтобы поинтересоваться моими делами. Ему просто нужно поделиться чем-то суперважным.

И это что-то неожиданно огорошивает, как ушат ледяной воды. Или кирпич, упавший с крыши прямоком на голову. И я впадаю в ступор и на какое-то время перестаю соображать.

— Памела, ты скоро станешь тётей.

— Прости, что?..

— Я говорю, у тебя в марте родится племянник. Или племянница. И у Дэни тоже, н-да. Вот такие дела.

— Нолан, ты хочешь сказать... — Боже, у меня до сих пор в голове не укладывается, как мой брат мог так облажаться.

— Да. Именно это я и хочу сказать.

И тут меня прорывает:

— Нолан! Ты идиот! Придурок! Чем ты думал?!

— Вот именно, что не думал... — обречённо соглашается братец.

— И что теперь? Ах! Господи! Я от тебя такого не ожидала! Честно! Как же школа? Как Николь? Как вообще всё?.. Как мама?

— Валерьянку пьёт.

— Я думаю!.. Мама тебя в семнадцать родила, и ты решил не отставать? Блин, я б тебя убила, если бы была в Ниа Бич.

— Меня нельзя убивать, — усмехнулся Нолан, — мне теперь о семье заботиться надо. У меня есть деньги, которые мама мне на колледж откладывала. Купим тот домик на отшибе деревни, помнишь, мы с Брайаном в детстве ещё пугали тебя, будто там бродит дух умершей миссис Эванс?.. Община поможет. Сделаем ремонт. Но полы там совсем гнилые, да и крышу нужно полностью менять. Пошпугатурить, провести электричество, вставить стёкла, заменить трубы, поклеить обои, мебель поставить — и вполне можно жить. Может, к октябрю уже переедем туда. А пока поживём у нас. В твоей комнате, если ты не против, не спать же нам втроём с Дэни. Свадьбу планируем в будущем месяце, пока у Николь не видно живота. Я, собственно, и звоню по этому поводу. Так что вы с Брайаном приглашены. И папу со Стеллой прихватите, если они не сильно заняты. А школу придётся оставить, да. Пойду работать. Может, к Бэну в помощники, если возьмёт. Или, скорее, заменю старого егеря на его посту.

Пока брат говорил, сердце моё обливалось кровью и рвалось из груди.

— Нолан! Ты же мечтал поступить в колледж и стать баскетболистом!.. — простонала я.

Он горько рассмеялся в ответ.

— В следующей жизни, Пэм. Обязательно.

Я не могу вымолвить ни слова в ответ. Я только тихонько скулю. А Нолан продолжает:

— А знаешь, Пэм, ты молодчина. Я не верил в тебя, прости. Думал, ничего у тебя не

получится, вернёшься в Ниа Бич, будешь толстеть дальше, нить, что жизнь не удалась и завидовать подругам, которые одна за другой выходят замуж.

— Не дождёшься! — фыркаю я. — Так, значит, деньги папа вышлет переводом завтра, я ещё слишком мала, чтобы самой совершать банковские операции. А деньги тратить мне всё равно некогда. И там ещё те, которые мне давал Бэн. Если вы не побрезгуете, так сказать. Внесу свою скромную лепту в ваше будущее семейное гнёздышко.

— Спасибо, Пэм. Ты настоящий друг.

— Только без патетики! Держись, брат. Береги Николь. Ну, ты и дебил, конечно. Уж извини.

— Да ладно, подумаешь! Прямо трагедия века! Годом раньше, годом позже, какая разница? Но вы там с Брайаном поосторожнее, а то нарожаете детишек, кто ж тогда вместо вас в кино сниматься будет? — захихикал Нолан.

Интересные дела творятся. Когда я начала встречаться с Оуэном, мама мне все уши прожужжала о том, чем чреваты отношения между мальчиком и девочкой. Она на эту тему с Ноланом вообще разговаривала? Или ему в одно ухо влетало, а в другое вылетало? Но брата, кажется, его жизнь вполне устраивает. Я вздохнула.

— До свидания, папаша, — сказала я ему и отключилась.

С минуту или две поглазела в окно на вечерний Сиэтл и вернулась к Брайану. Тот стоял в картинной позе перед зеркальным шкафом-купе и репетировал отрывок из знаменитой речи великого вождя:

— Что бы ни случилось с землёй, это случается и с её детьми. Когда человек плюёт на землю, он плюёт в самого себя.

Я сидела на своей постели с ногами и в ритм словам Брайана тихонько раскачивалась из стороны в сторону, словно китайский болванчик.

— Пэм, послушай, как ты думаешь, на каком слове лучше сделать акцент? На «плюёт» или на «землю»?.. Эй, Пэм! Ты чего?

— Переосмысливаю свою жизнь.

— Как это? — Он присел ко мне на кровать. Я вздрогнула и отодвинулась.

— Бог сотворил человека по своему образу и подобию, дал ему мозги, чтобы он преображал мир, а человек уподобляется животному, он озабочен лишь удовлетворением своих инстинктов — поесть, попить, наплодить нищеты и поселиться в старой лачуге на краю земли. Почему люди так наплевательски относятся к жизни? Ладно бы только к своей!.. А то ведь обычно страдают те, которые их любят, правда ведь?

Видать, я сильно озадачила Брайана, потому что он вытаращил на меня глаза и сморщил лоб.

— Памела, я немного не понял, к чему ты это?..

— К тому, что Нолан пригласил нас на свою свадьбу. Да. Не удивляйся, — я спешу предотвратить его нетактичные вопросы. — Мне ничего говорить не надо. Сам ему позвони и поздравь.

— Ладно. — Он глупо улыбается и пожимает плечами. — Заодно спрошу, будет ли мальчишник. Отпустишь?

— С чего это я буду тебя удерживать? Я твоя жена только на съёмочной площадке.

Не знаю, что послужило тому причиной, но уже буквально на следующий день мы, наконец, сняли сцену прощания. Я попыталась абстрагироваться от своих противоречивых чувств к Брайану и... просто посмотрела на него, как на актёра, по отношению к которому

мне нужно сыграть любовь. Я вышла из привычного кокона под названием «Памела Твистер» — ничего сверхсложного, в принципе, на занятиях актёрского мастерства я делала это не раз.

Но кого я обманываю? Стоило мне только на него посмотреть, как я молниеносно возвратилась в привычную себя и представила совершенно другое — я провожаю не Сиатля на переговоры с бледнолицыми, а Брайана Фуллера... в Ниа Бич. Навсегда. Ну, или не навсегда, а надолго — до осенних каникул. Перед глазами замелькали немыслимо реалистичные в своём видении картинки — я машу ему на прощанье ручкой, смахивая со щеки слезу, самолёт с Фуллером на борту взлетает, и я остаюсь одна-одинёшенька, без любви и близких друзей...

В реальность меня возвращает возглас режиссёра:

— Памела, ты — богиня! Я в церковь вчера ходил, молился за тебя. Сработало.

Ага, сработало. Съёмки закончились, во всяком случае, для меня. Брайан ещё пару раз съездил в студию записывать свою знаменитую речь. А я стала ходить в школу, которая не понравилась мне с первого же дня. Никогда не любила школьные будни, но в Сиэтле они были просто невыносимы! Мои новые одноклассники не горели желанием заводить со мной дружеские отношения, а я, честно говоря, привыкла полагаться на друзей во всём. А тут даже списать, получается, не у кого. Грусть-печаль. Нужно смотреть на вещи трезво — я не осилю курс точных наук к первой же контрольной! Но чтобы преуспеть в жизни, вовсе не обязательно быть отличницей, это я уже на собственной шкуре поняла. Достаточно быть молодой, стройной, красивой и амбициозной. Такой, как я.

Мечты сбываются. Я мечтала о том, чтобы Брайан вернулся обратно в Ниа Бич — и вот он стоит передо мной, прощается, глаза покраснели. Но у меня самой отчего-то щипает в носу.

— Пэм, мне пора.

— Ты вернёшься? — Господи, что я несу! И тут же оправдываюсь: — Стелла и папа к тебе уже привыкли.

— Вернусь, — он улыбается, — я без тебя не могу, ты же знаешь.

Я закусываю губу. Терпеть не могу прощания, это выматывает. И чтобы поскорее разделаться с этой неизбежной тягомотиной, я позволяю Брайану себя обнять и поцеловать.

Прощания каким-то странным образом действуют на психику. Я не люблю Фуллера, вроде бы не люблю, но, как только он уехал, я разрыдалась, а наутро встала с опухшими от слёз глазами. Подумать о своих чувствах к нему я решила на свежую голову, иначе напридумываю себе Бог знает чего и уверю в это сама. А вера — это сильное чувство, я знаю.

И я была искренне рада, что жизнь не дала мне заскучать и раскиснуть. Со мной связались рекламные агенты, сотрудничающие с моей школой моделей, и пригласили поучаствовать в проекте о живущих в резервациях индейцах. Нечего и говорить, что я согласилась.

Месяц пролетел незаметно, в хлопотах, в работе, в учёбе, и вот мы уже на свадьбе у моего старшего брата. Впервые в Ниа Бич после переезда в Сиэтл. Я надела своё самое скромное платье, но всё равно, если верить не только Брайану, но и своим глазам, я выглядела лучше всех. И привлекала всеобщее внимание, хотя мне этого как-то не хотелось совершенно. Ощущать себя гвоздем программы очень помог Брайан, постоянно крутившийся около меня и ухаживающий за мной так, словно это не я, а он прослушал курс основ этикета.

— Вы вместе? — спрашивал меня едва ли не каждый из моих бывших одноклассников и загадочно улыбался.

— Я так рада тебя видеть! — неизменно отвечала я на эти не совсем уместные вопросы. И чувствовала себя гостем в собственном доме. В доме, в котором я целых шестнадцать лет росла, ела, спала, секретничала с Милли, играла в компьютер, пыталась учить уроки, мечтала, воевала с братьями, худела, толстела, сидела в обнимку с Оуэном, слушала музыку...

А Нолан выглядел счастливым. Мама тоже, хоть и сильно уставшей. Ведь это на её хрупкие плечи легла львиная доля забот о предстоящей свадьбе, а всё свободное время она посвящала Николь — учила её запекать, жарить, парить и... словом, всё, что обычно делают с продуктами настоящие домохозяйки. А сама Николь как-то изменилась. Хотя, может быть, просто я изменила своё отношение к ней? Когда-то я хотела походить на неё во всём. А теперь...

— Памела! Я так тобой горжусь! — Моя невестка тискала меня в объятиях. — Ты даже не представляешь, как!.. Ты мой кумир! Честно-честно! Я бы хотела быть такой, как ты! Но, наверное, в следующей жизни!

Они что, сговорились с братом?

— Стой! Задушишь моего племянника! — Я пытаюсь освободиться от её нехилой хватки, всё-таки эта девушка — баскетболистка, но она лишь смеётся в ответ. — Как планируете назвать малыша?

Николь пожимает плечами.

— Если девочка — Винона, потому что первая. А если мальчик, то тут надо ещё подумать. Но в любом случае мы хотим дать всем нашим будущим детям индейские имена. Никаких Ноланов, Николь, Брайанов...

— И Памел, — добавляю я.

— Ну, ты поняла. — Она смеётся, а мне ничего не остаётся делать, как поддержать её в этом.

Все гости поздравляли молодых и желали им любви, счастья и побольше детишек, даже Стелла!..

— Куда же ты от меня спрятала Оуэна, а, дорогая? — обратилась я к Милли, когда у меня появилась возможность поговорить с подругой тет-а-тет.

Милли скривила личико, будто сильно меня боится. Напрасно. Я не держу на неё зла.

— Он не смог сегодня прийти, потому что участвует в конференции по информатике.

— Ну кто бы сомневался! — воскликнула я. Чем-то Оуэн напомнил мне моего отца. А Милли — Стеллу. Я думаю, они будут такой же счастливой парой. По-своему.

В этот момент меня отвлек Коллин Доусон, который (о боги! мечты сбываются, я не устану это повторять) попросил у меня автограф. Это был первый автограф, который я давала в своей жизни. И дай Бог, не последний.

— Спасибо, Пэм. — Кажется, я действительно осчастливила своим автографом бывшего парня Милли.

— Всегда пожалуйста, Коллин, — искренне ответила я. Странно, но всего лишь несколько месяцев назад я ненавидела этого человека.

— Кроватька на чердаке, нужно посмотреть, в каком она состоянии, — донёсся до меня мамин голос, — правда, в ней росли и Нолан, и Памела, и Дэни. Не знаю, не уверена, что эта конструкция выдержит ещё одного непоседу...

— Ничего страшного, можно взять бывшую в употреблении, в Интернете полно таких объявлений, — сказала Николь. — Я и коляску так же хотела покупать.

— Правильно, новорожденному абсолютно всё равно, в новой кроватке он спит или в подержанной. Не стоит выбрасывать деньги на ветер, — кто-то с неприятным голосом вклинился в разговор.

Я резко повернула голову в их сторону. Разговаривали трое: обладательница дребезжащего голоса — тёща моего брата, дородная, молодящаяся женщина, резко контрастирующая с моей стройной мамой; и Николь — это звучит так странно! — жена моего брата и моя невестка, бывший капитан женской баскетбольной команды Старшей школы Ниа Бич, без пяти минут мамочка, которой ещё нет семнадцати лет... Да мама с Николь похожи как две капли воды. Одна судьба. И вполне возможно, что они и работать будут вместе.

От этой мысли у меня сжимается сердце. До резкой боли. Я даже на какое-то время перестаю дышать.

— Пэм, ты чего? — слышу я знакомый голос возле самого уха. — Тебе плохо? Что, шампанское было лишним?

— Нет, я лишь слегка пригубила. — Я разворачиваюсь к нему и начинаю говорить, и мой голос звенит: — Знаешь, Брайан, я в лепёшку расшибусь, буду играть трупов, сниматься в расчленёнке или где предложат, но мой племянник — или племянница — будет спать в новой кроватке. С пологом. И укрываться кружевным одеяльцем. И кататься в новой коляске. И играть новыми игрушками. Самыми дорогими, самыми красивыми, самыми развивающими, которые я только смогу найти в детском магазине!.. Клянусь тебе! Если не веришь, давай поспорим!.. — мой голос срывается, не пойму, что с ним.

— Только не плачь. — Он проводит пальцем по моей щеке. — Никаких расчленёнок, о кей? И я с тобой спорить не буду. Я тебе помогу. Я тебя одну не оставлю.

Если бы я была режиссёром и снимала кино, как раз в этот момент в кадре бы заиграла романтическая музыка, за окнами бы красивыми гроздьями расцвёл фейерверк, а двое главных героев непременно бы поцеловались.

Но жизнь — это не кино. Мы были не одни, поцеловаться нам никто не дал, кто-то на всю громкость врубил попсу, и от Брайана меня оторвал другой мой бывший одноклассник.

— Можно потанцевать со звездой? — Мартин Фокс подмигивает мне и спрашивает, очень громко, стараясь перекричать музыку: — Ты же не против, что я оторвал тебя от Брайана? У вас ещё вся жизнь впереди, а мне не часто перепадает возможность потанцевать с девушкой, которую показывают по телевизору!

— А твоя девушка против не будет? — улыбаюсь я и машу Энни, стоявшей вместе с Милли у мамино старенького телевизора. Девчонки счастливо улыбаются. Ясно, они нисколько не против.

Мартин крутит меня невпопад музыке, но это неважно. Мне уже не грустно, мне весело, и шампанское тут ни при чём.

— А помнишь, как ты подкатывала ко мне? Когда вы с Ноланом поспорили? — спрашивает Мартин. Я киваю и хохочу. Он тоже смеётся в ответ. А я ловлю себя на мысли о том, что влюбиться, в принципе, можно в кого угодно. И в Оуэна, и в Мартина, и в Брайана Фуллера. Главное, общие интересы и благоприятные обстоятельства. Да, такой уж я человек.

— Можно дурацкий вопрос? — спрашиваю я и, дождавшись лёгкого кивка, продолжаю: — Ты счастлив?

Не переставая вальсировать под визг одной современной певицы, которая одно время мне даже нравилась, Мартин недоуменно на меня взглянул, словно сомневаясь в моей нормальности, а потом улыбнулся и ответил:

— Абсолютно. Для меня счастье не в том, чтобы всегда делать то, что мне хочется. А в том, чтобы всегда находить удовольствие в том, что я делаю. Мне нравится быть тем, кем я родился. Мне нравится Энни. Мне ничего больше не нужно. Во всяком случае, пока. А если в чём-то возникнет необходимость, я просто это сделаю. И всё.

— Ясно, — бормочу я, чтобы не молчать.

— А ты? Счастлива?

Почти. Выражаясь языком Мартина, у меня возникла острая необходимость сделать кое-что, а именно отправить одного бывшего одноклассника к своей заскучавшей красавице и пойти потанцевать с другим бывшим одноклассником. И пусть это будет не вальс, как в романтическом кино, а какой-нибудь рэп. Или кантри. Всё равно. Я потом подумаю, правильно ли я поступаю, просто в этот вечер мне хочется забыть о всех существующих в мире проблемах и просто почувствовать себя счастливой.

Глава 14. Ультиматум

На премьеру фильма о Сиатле мы пришли вместе с Брайаном, рука об руку. На мне умопомрачительно красивое платье от модного дизайнера, новые туфли и новое бельё, я уже не говорю о причёске и маникюре (в салоне красоты я просидела всё утро), а главное, всё это куплено на собственные деньги, заработанные съёмкой в рекламе. Брайан тоже был одет с иголочки и ослепительно улыбался. И мне, и в камеру. Он уже знал, как нужно себя держать, когда на тебя направлены объективы камер. Но я-то знала, что это улыбка самая что ни на есть искренняя. И чувствовала себя Анджелиной Джоли рядом с Брэдом Питтом в их счастливые времена.

Потом у нас брали интервью. И хотя нас научили, как правильно отвечать на вопросы, в том числе каверзные, а мы не всегда отвечали «как правильно», на экране, когда потом любовались сами собой и друг другом, выглядели мы с Брайаном очень даже достойно.

— Скажите, что вы чувствовали, когда произносили известную речь великого вождя Сиатля? — спрашивала Брайана смазливая девица лет двадцати, подставив к его подбородку микрофон.

— Честно? — Он так улыбнулся журналистке, что та растаяла на глазах. — Я думал, как бы не ошибиться и не перепутать фразы. Ну, а если совсем серьёзно, — он подмигнул в объектив, — то сумасшедшую гордость за себя, за свой народ, культуру, традиции, язык, за потрясающую красоту нашей земли, наконец. Поэтому, пользуясь случаем, хочу передать привет своим родителям, друзьям и учителям из Ниа Бич!

Девица согласно кивала в такт его словам.

— Вы планируете стать профессиональным актёром? Связать свою жизнь с кинематографом?

— В мои ближайшие планы входит закончить школу, в очередной раз выиграть чемпионат по баскетболу и поступить в колледж.

— Отличный ответ, — улыбалась девчонка. — А что бы вы пожелали парням и девушкам вашего возраста?

— Верьте в мечту и не отступайте от поставленных целей, — громко и чётко сказал Брайан.

— Работайте над собой, и ваши мечты обязательно претворятся в действительность, — добавила я.

— И можно последний, немного нескромный вопрос? — У журналистки ещё ярче засияли глазки. — Наверняка скоро у вас обоих появятся сотни и, может быть, даже тысячи поклонников и поклонниц. Заняты ли ваши сердца? И какой должна быть ваша вторая половинка?

— Вот такой! — Брайан обнял меня крепко-крепко, чем вызвал бурю восторга, пусть и не совсем искреннего, у девицы с микрофоном в руке.

— Тогда ещё один вопрос! Вы познакомились на съёмочной площадке?

— Мы учились в одном классе в маленьком городке Ниа Бич, — одновременно ответили мы с Брайаном.

— Спасибо. Брайан Фуллер и Памела Твистер — новые звёзды на нашем небосклоне! — Журналистка развернулась к камере. — С вами была Элла Фишер. Смотрите наш телеканал и вы гарантированно не пропустите ничего интересного!

Нас показывали по шести местным телевизионным каналам и двум центральным. У нас брали интервью ещё несколько раз, и у всех журналистов были похожие вопросы. Мы фотографировались вдвоём, а также с режиссёром и всем актёрским составом. Наши фотографии напечатали в журналах и газетах. Наш фильм занял почётное второе место в конкурсе короткометражных фильмов на историческую тематику, это знаменательное событие мы отмечали в ресторане «Метрополитен Гриль» всей командой и, главное, услышали от режиссёра в свой адрес множество приятных слов и полезных советов. Казалось, вот он, наш звёздный час, хватай удачу за хвост!

Но Брайан взял и всё испортил, заявив, что ему завтра же нужно возвращаться домой. Хорошо, не при всех сказал, а дома, куда мы доехали не на каком-то там затрапезном такси, а на белом лимузине.

И я высказала ему всё, что думаю о его желании сбежать от журавля в руках к синице в небе, от прекрасной возможности улучшить не только свою жизнь, но и жизнь своих родных, сбежать от разделённой любви, наконец.

— Памела! Я думал, ты понимаешь, что для меня все эти съёмки и кривлянья на камеру — не серьёзно. Я и во всех интервью говорил, что выбираю не кино, а спорт. Ну, какой из меня актёр, сама посуди! Мне никогда не достичь славы Тома Круза или Вин Дизеля. Да я даже пытаться не буду. Это пустая трата времени. Поигрался в кино — и хватит. Каждый должен заниматься тем, к чему душа лежит. Я спорт люблю.

— Но ты же обещал! — завизжала я. — Обещал поддерживать меня во всём! На свадьбе у Нолана! Мне что же, теперь самой во всяких триллерах сниматься?

— Обещал, значит, сдержу. Я буду приезжать так часто, как только смогу. Но ведь и тебе нужно учиться, а не трупов всяких играть.

Я заскрипела зубами.

— Учиться!.. Учиться можно и потом! Учёба никуда от нас не денется. А сейчас можно совершить непоправимую ошибку, не использовав шанс, который даёт нам судьба. Нужно уметь пользоваться своей популярностью, Брайан! Именно сейчас, когда наши лица мелькают в телевизоре! Через полгода о нас уже никто не вспомнит! А ты предлагаешь отложить все важные дела на два года и больше! Это сродни самоубийству! Ты губишь свою карьеру на корню! Через два года придётся начинать всё сначала, и не факт, что у нас всё получится!

— Я загублю свою карьеру баскетболиста ради съёмки в какой-нибудь рекламе фаст-фуда. Мне это не нужно!

— Ах, так!

— Понимаешь, сейчас, когда Нолан бросил школу, я могу вместо него возглавить баскетбольную команду. Вот это — реальный шанс для меня.

Вспомнились ссоры Милли и Коллина. То же самое. Один в один. Все парни одинаковые! Этот дурацкий баскетбол для них превыше всего. Он важнее любимой девушки и её карьеры.

— А как же я?!

— Я тебя люблю.

Ага, Оуэн меня тоже на расстоянии любил. Только недолго. И я поставила Брайану ультиматум:

— Выбирай — либо я, либо баскетбол!

Раньше я всегда думала, что выражение «вытянулось лицо» — образное. Теперь видела,

что ошибалась. Лицо Брайана не только умело вытягиваться, оно ещё краснело, бледнело, покрывалось пятнами. Губы кривились. Взгляд выражал вселенскую грусть... Из него бы вышел отличнейший актёр. Зря он недооценивает своих способностей.

— Я хочу и то, и другое, — ответил он. И полгода не прошло.

— Так не бывает, — гнула своё я. — Или баскетбол, или я.

— Я не прошу тебя отказаться от карьеры модели или актрисы и вернуться в Ниа Бич. Я просто прошу тебя меньше пахать и больше учиться. Всего лишь. Ради меня.

— Мне отношения на расстоянии не нужны.

— Зачем ты так категорично, Пэм?

— А как по-другому? Либо всё, либо ничего, среднего не дано. Такова жизнь. Ах, да. Всё хотела тебе сказать. Я собираюсь переехать в Лос-Анджелес. Там у меня больше шансов. Вот.

Голос предательски дрогнул и оборвался. На самом деле я хотела сказать ещё много разных слов, например: «Дом давно нуждается в ремонте, а мама — в отдыхе. Я не хочу, чтобы она мыла полы в госпитале. Я вообще не хочу, чтобы она работала. Да и будущему малышу всегда будут нужны подгузники, книжки, игрушки и одежда, а Нолан со своей более чем скромной зарплатой помощника егеря вряд ли сможет обеспечить всем необходимым своего ребёнка. И вообще, может, у него их пятеро будет». Но не сказала, а лишь хлопнула дверью и заперлась у себя в комнате.

Позже, когда я уже остыла и вспоминала обо всём, что наговорила Брайану сгоряча, щёки мои пылали от стыда. Пусть я никогда не отличалась сдержанностью и тактичностью, все же даже мне не стоило говорить вслух таких вещей. Любовь — это поддержка и умение находить компромиссы. Ради своего парня я не готова отступать от поставленных целей. Я эгоистка. Это не стало открытием для меня, но всё же мысль эта мне не понравилась. И когда на следующее утро Брайан уехал (я не провожала его), я пустилась во все тяжкие эксперименты с едой и стала лопать всё, что попадалось под руку. С деньгами у меня теперь особых проблем не было, я могла позволить себе купить любую приглянувшуюся булочку или хот-дог. И я ела, ела, ела, заедала стресс.

Хорошо, от еды меня часто отвлекали мои агенты. И я, памятуя о старой развалюхе-кроватьке и разломанных игрушках, пахала, пахала, пахала, принимая все предложения, которые поступали. Реклама, показы, конкурсы, кастинги... Брайан приезжал, как и обещал. Иногда поддерживал меня в каких-то проектах, появлялся вместе со мной на тусовках.

И каждый раз начиналось одно и то же.

— Я так скучал без тебя, — говорил Брайан и крепко прижимал меня к себе. Я только грустно вздыхала.

— Брайан, наша ссора всё ещё в силе, — бормотала я, отворачивая своё лицо от его рубашки. — У тебя есть время подумать. Или ты едешь со мной в Калифорнию, или остаёшься без меня в Ниа Бич. А то непонятно, есть у меня парень или его нет, когда он так нужен рядом.

Последние слова я выдохнула еле слышно. Но он услышал. И ответил, что будет со мной. Всегда. Где бы я ни была, хоть на краю света.

— Но не сейчас, Пэм, не сейчас, — добавляет он. — Пока что я нужен дома. Родителям, школе, команде. Я не могу подвести ребят. Но я буду к тебе приезжать. Часто-часто, клянусь!..

Слёзы душат меня. Как же я тебя ненавижу, Брайан! Но и люблю в то же самое время...

Он что-то говорит, то ли уговаривает, то ли оправдывается, но я тоже кричу, пытаюсь доказать свою правоту, хотя прекрасно понимаю, что у каждого из нас своя правда, и если мы хотим быть счастливыми, нам обоим придется идти на компромисс и научиться слышать друг друга. И когда Брайан заставляет меня замолчать, впившись в мои губы поцелуем, я допускаю такую мысль о том, чтобы немножечко ему уступить. Но только чуть-чуть. То есть отложить свой переезд в Калифорнию на потом.

Я девушка не глупая и отдаю себе отчет в том, что пройдет лет восемь-десять — и моей карьере модели наступит конец. Я не питала иллюзий, что стану второй Синди Кроуфорд или Кейт Мосс, поэтому нужно крутиться, пока ещё молода. Участвовать везде и во всём, проваливать и выигрывать кастинги, сидеть на строгой диете, не брезговать любыми предложениями, сниматься в кино хоть на десятых ролях. Отдохнуть успею потом, в старости.

Так я и делала. За полгода я поменяла три школы, каждый раз выбирая похуже, чтобы, так сказать, соответствовать тамошнему контингенту и не сильно выделяться на их фоне из-за своей вопиющей неуспеваемости и бесконечных прогулов. Зато, участвуя в различных проектах и телешоу, я заработала не только на детское приданое для малышки Вионы, хватило ещё на подарки маме и младшему брату. Он давно хотел Лего. Но мама мои «дары» принимала со скрипом и всё причитая, что такая работа до добра меня не доведёт. Да ладно. Я всего лишь хотела сделать маме приятно! Ведь моя мамочка заботилась обо мне столько лет, разве она не заслужила таких вещей мелочей вроде кухонного комбайна, нового пальто и колечка с малюсеньким камушком?! Мне же не трудно ради неё пройтись по подиуму туда-сюда и попозировать для камер, право слово.

Полгода пролетело незаметно. Я выкроила из своего плотного графика два дня и приехала в Ниа Бич навестить родных. Всё-таки сердце у меня далеко не каменное, как бы мне того ни хотелось...

Впервые я увидела свою племянницу, когда ей исполнилась ровно одна неделька от роду. Николь настояла, чтобы я взяла на руки это маленькое красненькое пищущее существо в кружевном чепчике и белоснежном человечке.

— Она прелесть, правда? — Лицо новоиспеченной мамочки сияет от счастья.

— Угу, — бурчу я, — моя племянница — самая красивая девочка на свете.

Николь довольна. Ещё бы! У неё свой собственный домик, собственный муж и свой малыш, в котором она души не чает. Ну просто предел мечтаний любой девушки.

— Пэм! Спасибо тебе! За всё! — Николь обнимает меня сзади за плечи и чмокает в щёку. — Не знаю, что бы мы без тебя делали!

— Не стоит благодарности, — вежливо отвечаю я.

— Пэм, поддержи её, пока я накрою на стол, хорошо?

Николь упорхнула на кухню, оставив меня наедине с этим хрупким существом, которое поминутно то плямкает беззубым ротиком, то выпускает газики. Только это, пожалуй, и вынуждало меня думать, что у меня в руках настоящий, живой младенец, а не игрушка.

— И у тебя когда-нибудь будет такое чудо!

Я от испуга чуть на месте не подскочила, так тихо передвигалась по своим новым полам Николь! Трудно поверить, что раньше на месте этого милого домика стояли развалины, всё здесь новое: и полы, и крыша, и окна, и мебель, только стены старые. Но обои тоже новые. Светло-лиловые в оранжевый цветочек. И кто только додумался купить такую безвкусицу?

Но о чём это она? О детях? Нет уж, спасибо, с меня хватит и племянницы. Я не в том

возрасте, чтобы всерьёз задумываться о таких вещах. Тем более, я не Нолан, голова на плечах имеется. И хоть она не всегда дружит с сердцем, это не мешает мне всегда и везде помнить о своих приоритетах.

— Присаживайся к столу, — любезно предложила Николь и отобрала у меня своё чадо, — пирог с патокой сама пекла, меня твоя мама научила.

На столе, устеленном белой скатертью, всё накрыто для чаепития — фарфоровые чашечки на блюдцах, большущая сахарница, нарезанный тонкими дольками лимон, а в центре на большом блюде красовался он — его величество пирог с патокой. И я тут же набросилась на это лакомство. Насколько мне позволяли мои хорошие манеры, конечно.

— М-м-м, Николь, это божественно! — мычала я и уписывала кусок за куском.

Моя невестка мило улыбалась в ответ и тихонько качала на руках малютку.

— Можно личный вопрос, Пэм? Мы же теперь сёстры!

Я молча кивнула, запивая пирог горячим чайком, понимая, что меня ждут деликатные вопросы.

— У вас с Брайаном всё серьёзно, не так ли? И дело тоже к свадьбе идёт? Я так вами горжусь! Сохранить любовь на расстоянии не каждому под силу! — Глазки Николь так и горят в ожидании пикантных подробностей. Помню, Милли тоже обожала подобные разговоры.

Я неторопливо допила чай. Минут пять Николь, ёрзая на стуле, буравила взглядом то меня, то свою мирно посапывающую во сне малютку.

— Мы просто дружим. — Я улыбнулась улыбкой божьего одуванчика.

Николь покачала головой. Не верит?

— Брайан отличный парень, лучший друг Нолана и, по-моему, до сих пор по уши в тебя влюблён. Здесь он ни с кем не встречается, хотя все местные девчонки чуть ли на шею ему не вешаются.

Я не стала раскрывать душу перед Николь и просто сказала следующее:

— Спасибо, дорогая, за приятно проведённое время, но мне пора идти. — Я лучезарно улыбнулась и встала из-за стола. — Было очень вкусно, благодарю.

— А я, наивная, думала, модели питаются одной водой, — пошутила Николь, глядя на блюдо, на котором красовалась всего лишь половина пирога. — Но на здоровье.

Я отшутилась, но, если честно, не до шуток мне было. Мои отношения с едой не заладились с самого детства, но в последнее время стали более чем странными. Я уже не могла спокойно смотреть на то, что лежало в холодильнике или продавалось в магазине. Мне хотелось всего и сразу. И в больших количествах. Я набрасывалась на пироги и булочки с остервенением заблудившегося в пустыне и измученного жаждой странника, не брезгующего пить из лужи. Казалось, я была постоянно голодна и могла есть когда угодно, что угодно и сколько угодно. Я не могла с собой ничего поделаться. Моя сила воли подводила меня в таком смешном вопросе как пара пончиков. Единственное, что меня спасало — это вызывающие рвоту таблетки, которые я постоянно носила в своей сумочке. И пока Николь суежилась вокруг пришедшего с работы Нолана, я успела сделать все свои «чёрные» дела. Но ничего страшного, когда немного освобожусь от проблем, связанных с личной жизнью, работой и учёбой, займусь и этой небольшой проблемкой.

— Сестрёнка приехала! — обрадовался брат и задушил меня в объятиях.

— Привет, папаша! — прохрипела я.

— Поужинаешь со мной? — спросил Нолан, отстраняя меня от себя. — А то ты вообще

тощая какая-то стала. Смотреть страшно. Милли по сравнению с тобой просто толстяк.

— Ничего подобного! На самом деле я толще Милли на целых пятьдесят грамм, так что мне есть, чем заняться в свободное время. Но ужинать, конечно, буду! С удовольствием, — отвечаю я. И пусть всё катится к чёрту, как будто модели и расслабиться нельзя. У меня же есть чудодейственные таблетки!

В этот мой приезд я так и не увидела Брайана. У него была игра в Олимпии. Зато я поужинала с Ноланом, а следующий день провела с Милли, которая прожужжала мне все уши об Оуэне — какой он умный, разумный, лучший ученик Старшей школы Хоквиамы и прочее, прочее... Знакомая песня. Она так же Коллина расхваливала год тому назад.

У Милли я тоже вкусно поела. А потом и у мамы. В итоге меня тошнило всю ночь. А утром я села в автобус и вернулась в Сиэтл, и снова зажила в бешеном ритме. Мало спала, ела как придётся, накачивала себя всякими энергетиками, пила свои чудо-таблетки. Я стала самой востребованной моделью в своём агентстве и моим вторым именем было Стерва. В Сиэтле у меня не осталось подруг, и даже Микаэла, моя единственная приятельница, с которой мы были в более-менее дружеских отношениях, отвернулась от меня после того как я буквально из-под носа вырвала у неё выгодный контракт на съёмку в рекламе автомобильных шин, да ещё разрушила нашу хрупкую дружбу словами о том, что в джинсовых шортиках я смотрюсь намного лучше неё. Плевать. В модельном бизнесе нет подруг, только конкурентки. Папа со Стеллой время от времени читали мне нотации, но я пригрозила им, что съеду от них к какому-нибудь толстосуму. Это подействовало на них правильно — они больше не мешали мне забываться в работе.

Это всё из-за Брайана. Был бы он здесь, со мной, всё было бы по-другому.

Я нагружала свой организм и так и эдак, устраивая ему сумасшедшие испытания и частенько загоняя в жесточайшие рамки, и не переставала удивляться его выносливости. «Единственный, кто пока ещё на моей стороне, — это моё тело», — говорила я себе. Но однажды и оно меня подвело, и я рухнула в обморок прямо на подиуме.

Глава 15. В зимнем саду

— Памела, к тебе пришли! — улыбается медсестра, молоденькая, чистенькая и приветливая. Здесь, в частной клинике, куда меня поместили папа со Стеллой, все чересчур приветливые. Иногда это раздражает.

Но я ни с кем особо не горю желанием видетсья. Хочется лишь лежать, глядеть в потолок и, стиснув зубы, молча страдать.

— Очень-очень красивый молодой человек, — добавляет она, — тебе разве не хочется его видеть?

— Ладно, Элис, ты меня уговорила! — бормочу я, нехотя вставая с постели. Такое впечатление, будто я делаю ей одолжение, соглашаясь на свидание с Брайаном (ну, а кто же ещё красивый может ко мне приехать! Не Нолан же! у него работа).

На самом деле мне жуть как хочется увидеть своего парня, но от сочувствующих речей и взглядов так тошно, что хоть из окна выбрасывайся.

Я прохожу по широкому светлому коридору, уставленному кадками с какими-то красивыми растениями, в просторное помещение с прозрачным куполом вместо потолка, которое здесь принято называть зимним садом и где у больных со здоровыми обычно проходят свидания.

Может быть, причина в том, что за окнами снег, а может, в том, что мы оба изменились, но Брайан хорошо одет, не придерёшься, и вообще я безумно рада встрече с ним. Мы даже не успеваем ничего сказать — сразу бросаемся друг другу в объятия, и когда я, наконец, нахожу возможность оторвать лицо от его рубашки, произношу следующее:

— Только не надо меня жалеть, как все остальные, пожалуйста! Не то я тебя разлюблю.

— Да я даже не думал, — улыбается Брайан. Врёт. По глазам вижу. — Как ты тут? Не скучаешь?

У моих родных и друзей, похоже один список вопросов на всех! Никакого разнообразия! Следующим будет вопрос о телефоне — почему отключила. А все разговоры о еде они почему-то считают неуместными или вообще опасными.

— Скучаю, конечно, а ты как думаешь? — я фыркнула. — Как-то непривычно мне валяться целыми днями в постели и принимать пищу по расписанию!

— Пэм!.. — пугается Брайан. Ну вот, я же говорила!..

— А у тебя как дела? — спрашиваю я.

— Неплохо. Наша сборная обошла команду Хоквиамы и Порт-Анджелеса. На очереди Олимпия!

Я вздохнула. Как это похоже на Нолана!.. Я беру Брайана под руку, и мы начинаем неспешное шествие по туннелю, созданному причудливым переплетением ветвей и лиан над нашими головами. Здесь есть апельсиновые деревья, пальмы, магнолии, орхидеи и ещё много всякой зелени, просто я не разбираюсь в ботанике. Кажется, мы здесь, в зимнем саду, одни. Никто больше не горит желанием проведывать своих страдающих расстройством пищевого поведения родных. А Брайан тем временем рассказывает о школе, наших общих друзьях, моей маленькой племяннице...

— Пэм, я так испугался за тебя, когда узнал, — Брайан наконец решился сказать о главном, — я рад, что тебе лучше. Ты выглядишь отлично. Может, хоть отдохнёшь немного от всего этого.

Я стискиваю зубы и его руку заодно.

— Брайан, как ты не понимаешь! Как вы все не понимаете!.. Я не вернусь в модельный бизнес!

— Почему? — искренне удивляется парень.

Я задохнулась, как будто меня враз кислорода лишили — ну, типа взяли и выкачали этот живительный газ из помещения.

— Пэм! Ты в порядке? — Брайан наклоняется ко мне.

— Нет! Не в порядке! — рычу я. — Я тебе удивляюсь, Брайан! Да после такого позора меня больше на подиум никто не пустит!

— С чего ты взяла, что не пустят? — продолжает удивляться он. Святая простота!.. — Если бы я, например, подвёл свою команду...

— Не дай Бог! — спешу сказать я.

— Да... Так вот. Разве бы я опустил руки? Ещё чего! Я бы стал работать над собой двадцать пять часов в сутки... Ой... То есть...

Я усмехнулась. Работать двадцать пять часов в сутки — это как раз обо мне. Но он прав. Бояться трудностей, отчаиваться и прятать голову в песок подобно страусу — не вариант. Во всяком случае, не для нас.

— Я хотел сказать, — поправляется Брайан, — что я бы взял себя в руки и не думал сдаваться! Жизнь — это не сплошное везение, а взлёты и падения, каторжный труд ради достижения своей заветной мечты, проигрыши, интриги, расставания... Да ты сама знаешь об этом лучше меня! Не ты ли всегда говорила что-то подобное?

— Вроде я, — скромно соглашаюсь.

— Ну вот! — расцвёл Брайан. — Кстати, что у тебя с телефоном? Зачем отключила?

Я ожидала услышать этот вопрос немного раньше, но он всё равно прозвучал. Без мобильного в современном мире никуда. Ничего, куплю новый позже, деньги ещё остались.

— Мой телефон приказал долго жить, — вздохнула. — Я разбила его, а потом растоптала.

— Оу...

— Да. Не хочу никого слышать. Тем более своих бывших подруг из школы моделей. Все они льстецы либо подлизы. А большинство — просто завистливые дурочки. Звонят, лишь бы позлорадствовать на мой счёт.

— Пэм! А если бы тебе позвонил режиссёр? С выгодным предложением? Тот самый, с которым мы работали? Ты бы согласилась?

— Ой, я тебя умоляю! С чего бы ему звонить? Он и так намучился со мной.

— Хм, — неопределённо мычит Брайан.

Мы огибаем какое-то деревце с пушистым стволом и раскидистыми листьями и оказываемся у маленького искусственного прудика. В нём плавает ненастоящая утка. Резиновая, наверно. Я не выдерживаю:

— Ну, и к чему ты это спросил? Про режиссёра?

— Потому что он звонил мне.

— О!..

— И предлагал сняться нам вдвоём в новом полнометражном фильме о древнем мире. Правда, не в главных ролях, а в массовке, но он обещал, что у нас будет небольшой эпизод крупным планом. Вот так!

Я сильно подозреваю, что Брайан и в этот раз замолвил за меня словечко, мол, не будет

сниматься без меня — и всё тут. Но вслух сказала:

— А как же твой чемпионат? И школа?

— Чемпионат я не пропущу. Съёмки начнутся на весенних каникулах. Если я поднапрягусь и сдам экзамены экстерном, то всё должно быть норм.

— М-м-м, насколько я помню, у нас с тобой успеваемость всегда была, мягко говоря, не очень.

— Это точно. Придётся пахать. В буквальном смысле.

Я следила за ненастоящей уткой с блестящими чёрными глазками, плавающей в маленьком замкнутом пространстве туда-сюда. К чему себя ограничивать, если мы оба знаем, что способны летать? Не в буквальном смысле, конечно.

— Я займусь учёбой. Всё равно здесь нечего больше делать, — пообещала я.

— Я тоже займусь, — подхватил Брайан. — Всё равно у меня в Ниа Бич без тебя никакой личной жизни нет.

Мы оба одновременно рассмеялись, а потом поцеловались. А утка всё равно не настоящая, ей по барабану, что тут происходит.

Тот фильм, в котором мы с Брайаном сыграли пещерных людей, охотящихся на мамонтов и приручающих дикую собаку, провалился в прокате, но в кругу семьи и близких друзей мы всё равно просматривали его не раз. Особенно тот трогательный момент, где молодой воин, он же Брайан Фуллер, ловко набрасывает лассо на шею саблезубому тигру и спасает прекрасную незнакомку от смерти, то есть, меня, Памелу Твистер. Этот фильм не стал последним в нашей карьере, и мы ещё не раз снимались вместе, но в основном в рекламе.

Основной сферой деятельности Брайана стал баскетбол, как он и мечтал. В спорте он достиг определённых высот, стал довольно знаменитым баскетболистом. Моя же карьера не была стремительной, но и неудачной её тоже нельзя назвать. Я окончила школу в числе не самых лучших учеников, поступила в колледж. Основным местом работы стал вовсе не Голливуд, а Центр индейской культуры в Лос-Анджелесе. Иногда я снималась в рекламе и эпизодических ролях в нескольких культовых сериалах. Нечего и говорить, что наши родные и друзья невероятно нами гордились.

В двадцать три года Брайан женился на девушке, которую любил. Да-да, он женился на мне. На ком же ещё!.. И у нас был маленький домишко с видом на океан в Ниа Бич и квартира в Лос-Анджелесе, на которые мы заработали сами.

У меня всего одна племянница, Винона, замечательная девчушка с длинными косами и звонким голосом. И ещё трое племянников — Лэнса, Иси и Уомбли (по-индейски "Копьё", "Олень" и "Орёл"), которые обожали футбол, Человека-Паука и ватрушки. Из Николь вообще вышел отличный кулинар — моя мама постаралась на славу. Нолан долгое время работал егерем, а потом пошёл служить в полицию.

Милли и Оуэн поженились спустя десять лет после окончания школы. Очень уж ответственно Оуэн отнёсся к процессу создания семьи и сперва с отличием окончил университет, получил докторскую степень и устроился на высокооплачиваемую работу. Ну, а Милли стала инструктором по фитнесу, знаменитым блогером и прекрасной женой. Мы дружили с Браунами до глубокой старости.

А младший братишка Дэни, повзрослев, пошёл по моим стопам, чем удивил всю семью. Нужно признаться, выходило у него очень даже неплохо. И однажды Дэни даже получил Оскар за лучшую роль второго плана и произнёс со сцены душещипательную речь, в которой нашлось несколько добрых слов и обо мне.

Мы проживём с Брайаном много долгих счастливых лет, воспитаем двоих детей, дождёмся внуков и правнуков, вместе состаримся и умрём в один день. На одной постели. В обнимку. Наверное. Я не знаю наверняка, как оно будет, если честно, просто мечтаю, чтоб так и было. Поживём — увидим.

Ну, а сейчас мне пора садиться в свой «Ягуар» и ехать в детский сад за малышом Дэнисом. Дэнис — это мой внучок, самый младшенький, весьма непоседливый человечек. Он повиснет у меня на шее, крепко обхватив ручонками, назовёт любимой бабулей и скажет, что ужасно по мне скучал. А потом мы отправимся в дельфинарий. Дэнис давно мечтал поплавать с дельфинами; когда мы вместе с ним составляли письмо Санта Клаусу, дельфинарий числился у мальчика на третьем месте в списке из пяти самых-самых заветных желаний. А они, как известно, сбываются, главное — верить в них.

